СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXII, № 6.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ЗА 1880 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
А. Ѳ. Бычковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1881 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1880 годъ,

составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1880 года.

Жизненная сила ученыхъ учрежденій и польза, приносимая ими странѣ, дающей имъ содержаніе и средства, измѣряются тѣми вкладами, которые члены этихъ учрежденій вносятъ въ общую сокровищницу знаній, тѣмъ количествомъ новыхъ и существенно важныхъ свѣдѣній, которое они передаютъ и усвоиваютъ обществу. И чѣмъ болѣе послѣднихъ ученое учрежденіе вводитъ въ кругъ умственной и практической дѣятельности народа, чѣмъ оно отзывчивѣе на то, что занимаетъ его и что ему нужно, наконецъ чѣмъ ближе оно къ нему становится своими изслѣдованіями, содѣйствуя ими возвышенію и умственнаго его уровня и матеріальнаго благосостоянія, тѣмъ болѣе оно заслуживаетъ уваженія и благодарности отъ соотечественниковъ.

Такую просвѣтительную задачу—служить одновременно наукѣ и отечеству—постоянно имѣло въ виду Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и по мѣрѣ своихъ силъ старалось ее выполнять.

Ежегодные отчеты Отдѣленія служатъ живымъ доказательствомъ, что оно не бездѣйствовало и что своими трудами всегда стремилось осуществлять тѣ задачи, которыя Высочайше были возложены на него при преобразованіи Россійской Академіи, основанной Великою Екатериною, въ Отдѣленіе Академіи Наукъ—твореніе Великаго Петра.

Точно такъ и въ теченіе истекающаго года членами Отдѣленія были совершены или приготовлялись труды, которые несомнѣнно обогатятъ науку заключающимися въ нихъ новыми данными, соображеніями и выводами.

Высокопреосвященнѣйшій московскій митрополитъ Макарій, не смотря на заботы по управленію обширною епархіею и на обязанности, лежащія на немъ, какъ на членѣ св. Синода, неоднократно поучалъ назидательными словами ввѣренную ему духовную паству. Наиболѣе знаменательно изъ нихъ произнесенное владыкою въ Страстномъ монастырѣ по случаю открытія памятника Пушкину и предназначавшееся къ произнесенію послѣ божественной службы передъ самымъ памятникомъ. Въ немъ духовный витія немногими словами наглядно очертилъ тѣ стороны произведеній нашего великаго поэта, которыми онъ дорогъ Русскому народу.

Капитальнымъ вкладомъ въ науку нельзя не признать его обширной статьи, помѣщенной въ «Твореніяхъ святыхъ отцевъ» подъ заглавіемъ: Первое двадцатипятилѣтіе церковной уніи въ Западно-Русскомъ краѣ. Она войдетъ въ составъ X-го тома Исторіи Русской Церкви, этого замѣчательнаго труда владыки, первый томъ котораго явился въ 1857 году. Отличаясь спокойнымъ тономъ, безпристрастіемъ—послѣдствіемъ изученія документовъ безъ предвзятой мысли—и вѣрнымъ изложеніемъ хода событій и отличительныхъ чертъ характера главныхъ дѣятелей, принимавшихъ въ нихъ участіе, статья эта, сообщающая новыя данныя и соединившая въ одно цѣлое прежде извѣстныя, но разсѣянныя по многимъ изданіямъ, живо изображаетъ ту эпоху, когда приходилось православнымъ въ Западномъ краѣ отстаи-

вать всѣми силами и средствами исконную вѣру предковъ отъ насилій и ухищреній латинянъ, іезуитовъ и уніатовъ и бороться съ этими врагами, которые въ то время еще непрочно утвердились въ краѣ, но которымъ слагавшіяся обстоятельства уже обѣщали временную побѣду.

Вышли отдѣльнымъ изданіемъ слова и рѣчи, сказанныя нашимъ глубокоуважаемымъ сочленомъ во время его управленія Литовскою епархіею. Собраніе это открывается прекраснымъ привѣтственнымъ словомъ къ новой паствѣ, въ которомъ владыка объяснялъ слушателямъ въ чемъ состоитъ православіе и почему для христіанина самымъ высшимъ званіемъ должно быть званіе православнаго.

Академикъ Гротъ напечаталъ біографію Державина, одного изъ самыхъ даровитыхъ людей эпохи Екатерины Великой. Эта біографія, занимающая въ ряду сочиненій поэта восьмой, предпослѣдній томъ, имѣющій слишкомъ тысячу страницъ, совокупно съ многочисленными примѣчаніями, присоединенными къ тексту стихотвореній, составляетъ, можно не обинуясь сказать, исторію литературы Екатериненскаго вѣка, если не совсѣмъ цѣльную, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно богатую библіографическими данными и біографическими свѣдѣніями о многихъ лицахъ и писателяхъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ пѣвцомъ Фелицы. Его служба, начавшаяся въ Преображенскомъ полку, куда онъ поступилъ въ 1762 году рядовымъ, и окончившаяся въ 1803 году, когда его уволили отъ должности министра юстиціи, была въ высшей степени разнообразна. Въ продолженіе этихъ сорока лѣтъ Державинъ участвовалъ, будучи гвардейскимъ офицеромъ, въ усмиреніи Пугачевскаго бунта; состоялъ при генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ; занималъ постъ губернатора сначала въ Петрозаводскѣ, а потомъ въ Тамбовѣ; исполнялъ должность кабинетъ-секретаря Императрицы у принятія прошеній; былъ сенаторомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи и наконецъ министромъ юстиціи. Во все это время онъ постоянно занимался поэзіею, не смотря на то, что сверхъ лежавшихъ на

немъ административныхъ обязанностей, неоднократно ему поручалось веденіе и разсмотрѣніе многихъ важныхъ дѣлъ, и самъ онъ подымалъ вопросы государственнаго значенія. И поэтическая и служебная дѣятельность Державина приводила его то въ дружескія, то въ непріязненныя отношенія къ значительному числу лицъ, начиная отъ пользовавшихся неограниченнымъ Высочайшимъ довѣріемъ и милостію. Все это естественно должно было увеличить трудъ біографа, потребовать отъ него утомительныхъ изслѣдованій и мелочныхъ разысканій, составленія цѣлаго ряда небольшихъ монографій, которыя всѣ, примыкая къ Державину, какъ къ центру, имѣли цѣлью объяснить то или другое его стихотвореніе, дать читателю возможность живо представить и участіе поэта въ дѣлахъ, и общество тогдашней эпохи, столь своеобразной и богатой выдающимися событіями, лицами и особенностями нравовъ.

Я. К. Гротъ выполнилъ съ добросовѣстностію и знаніемъ дѣла эту нелегкую задачу. Благодаря обилію матеріаловъ, находившихся въ рукахъ академика, строгой критикѣ, къ нимъ приложенной, и рѣдкому безпристрастію при оцѣнкѣ литературной и государственной дѣятельности Державина, біографія его явилась и прекрасно исполненною и чрезвычайно полною, къ которой, можетъ быть, придется впослѣдствіи прибавить нѣсколько самыхъ незначительныхъ чертъ, но едва ли явится необходимость измѣнить ея сущность. Умалчиваю объ интересѣ содержанія и живости изложенія, качествахъ, присущихъ каждому произведенію, выходящему изъ подъ пера нашего сочлена; ему удалось съ одной стороны возсоздать весьма отчетливо образъ поэта, безъ увлеченія его личностію и безъ предубѣжденія къ ней, съ другой—представить живую картину того общества, среди котораго приходилось жить и дѣйствовать поэту.

Не буду излагать передъ вами нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ и весьма характерныхъ подробностей жизни Державина. Книга уже находится въ рукахъ лицъ, интересующихся исторіею нашей литературы, и безъ всякаго сомнѣнія если еще

не прочтена, то прочтется въ скоромъ времени. Но считаю нужнымъ привести словами автора тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ, разсматривая Державина, какъ писателя и какъ общественнаго дѣятеля. «Въ Державинѣ»—говоритъ біографъ—«жила кипучая сила, ознаменованная въ его литературномъ творчествѣ, между прочимъ, чрезвычайною производительностію. Это одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ писателей. Вотъ первая трудность полнаго изученія и вѣрной оцѣнки Державина. Другая причина, почему критикѣ не легко установить свой взглядъ на него, заключается въ разнородности содержанія его сочиненій и неравенствѣ ихъ достоинства. Превосходное смѣшано у него не только съ посредственнымъ, но и съ дурнымъ. Естественно, что въ сужденія о такомъ писателѣ должно входить много субъективнаго: каждый судитъ о немъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оказываются сильнѣе: одинъ болѣе поражается красотами его поэзіи, другой—ея недостатками, и на этомъ основаніи въ приговорахъ о немъ преобладаетъ то похвала, то порицаніе. Не отъ того ли происходитъ и различіе между взглядами на Державина современниковъ его и большинства нынѣшнихъ его читателей? Старики видѣли въ немъ одно хорошее; внуки склонны замѣчать преимущественно дурное. И это очень понятно: справедливость требуетъ прямо допустить, что поэзія Державина представляетъ много такого, что не согласно съ понятіями и вкусомъ нашего времени». Кромѣ того «неровность языка составляетъ въ немъ одно изъ загадочныхъ на первый взглядъ явленій. Съ одной стороны, кажется страннымъ, какъ человѣкъ, не знающій основательно ни грамматики, ни орѳографіи, часто достигаетъ такой пластичности выраженія, такого плавнаго и легкаго стиха, такой легкой и звучной поэтической фразы, какія свойственны только мастеру дѣла. Съ другой стороны, насъ поражаетъ его тяжелая, запутанная, неуклюжая проза; наконецъ, рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣніемъ теоріи слова, у него является удивительное богатство матеріала изо всѣхъ сферъ языка: изъ церковно-славянскаго, изъ русскаго

книжнаго, изъ простонароднаго, и даже изъ областныхъ нарѣчій. Но противорѣчія, замѣчаемыя въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не вникавъ въ разнообразныя формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно такъ же онъ вовсе не имѣлъ понятія о законахъ художественной стройности произведенія, и отъ того-то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности. Эти два существенные недостатка его стихотвореній, неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ. Естественно, что послѣ совершенства, достигнутаго позднѣйшими поэтами не только въ формѣ, но и въ художественной разработкѣ содержанія, недостатки поэзіи Державина должны сильно чувствоваться въ настоящее время». Но тѣмъ не менѣе современники Державина горячо сочувствовали его поэзіи, высоко ее цѣнили; произведенія его быстро распространялись по всѣмъ концамъ Россіи, потому что они были отголосками того, чѣмъ жило въ то время наше отечество, что составляло его надежды и мечты, что проявляло его могущество и славу—царствованіе Екатерины II, ознаменованное побѣдами, изданіемъ Наказа, многими мѣрами мудрыми и великодушными, наконецъ, по тому, что они были вѣрнымъ зеркаломъ, отражавшимъ въ себѣ господствовавшія въ тогдашнемъ обществѣ два противоположныя направленія: матеріалистическое, конечною цѣлью котораго являлись наслажденія земными благами, и духовное, стремившееся опредѣлить отношеніе человѣка къ высшему міру и проповѣдывавшее приближеніе къ недосягаемымъ идеаламъ человѣческаго достоинства. Прибавлю ко всему этому еще одно: біографу Державина удалось снять съ него упрекъ, что будто онъ воспѣвалъ преимущественно фаворитовъ Государыни; онъ пѣлъ и хвалилъ только тѣхъ изъ нихъ, похвалы которымъ

повторяетъ теперь исторія, и только тогда, когда ему уже нельзя было ожидать отъ нихъ чего либо. Придворнымъ поэтомъ онъ никогда не былъ.

Въ административной дѣятельности Державинъ проявлялъ, быть можетъ, болѣе искренности, чѣмъ во многихъ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ; высказывалъ иногда замѣчательно здравые взгляды и, дѣйствуя постоянно въ русскихъ интересахъ, служилъ честно отечеству въ томъ направленіи, которое считалъ наиболѣе для него полезнымъ, что навлекало на него неудовольствіе со стороны тогдашнихъ либераловъ, или увлекавшихся личными стремленіями или подчинявшихся иноземнымъ вліяніямъ, и такимъ образомъ дѣйствовавшихъ, какъ и всегда, сознательно или безсознательно во вредъ Россіи. Какъ государственнаго дѣятеля біографъ обрисовалъ Державина слѣдующимъ образомъ: «Къ государственной службѣ Державинъ имѣлъ несомнѣнныя способности. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ быстрота и легкость, съ какими онъ, перейдя съ военнаго поприща на гражданское, усвоилъ себѣ основательное знакомство съ законами и дѣлопроизводствомъ. Но для вполнѣ успѣшной дѣятельности въ этой сферѣ ему не доставало многаго: прежде всего не доставало ему спокойствія духа, самообладанія и терпѣнія; не было у него также благоразумнаго умѣнія уживаться съ людьми, примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характеру, взглядамъ и поведенію другихъ, быть ловкимъ и гибкимъ, хотя бы для вѣрнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей. Отъ того-то онъ ни въ одной должности не могъ утвердиться прочно и отовсюду принужденъ былъ удаляться вслѣдствіе ссоръ съ поставленными надъ нимъ властями или сослуживцами. Но эти ссоры происходили не отъ строптивости въ его характерѣ, какъ думала Екатерина II, и не отъ сварливости, а отъ крайне строгаго, даже педантическаго уваженія къ закону и долгу, отъ смѣлой откровенности и неуклонной прямоты въ выраженіи своихъ убѣжденій и примѣненіи къ нимъ своего образа дѣйствій; наконецъ, отъ необыкновенно горячаго и нетерпѣливаго нрава его. Главною причиною всѣхъ

его столкновеній было стремленіе во что бы ни стало доставить побѣду правдѣ, или тому, что онъ считалъ справедливымъ. Немногіе государственные люди той эпохи знали Россію, какъ Державинъ, изучившій ее лицомъ къ лицу отъ Казани до Бѣлоруссіи, отъ низовьевъ Волги до Сѣвернаго океана, отъ крестьянской хаты и солдатской казармы до царскихъ чертоговъ; немногіе такъ хорошо понимали ея историческія судьбы и призваніе. Самъ отличаясь рѣдкою энергіею и дѣятельностію, онъ велъ неутомимую борьбу противъ нѣкоторыхъ коренныхъ недостатковъ русскаго человѣка, противъ его слабости воли и безпечности, противъ равнодушнаго отношенія его къ закону и легкости, съ какою онъ даетъ употреблять себя орудіемъ враждебныхъ козней. Въ служебной дѣятельности своей Державинъ всегда руководился болѣе опытомъ жизни и практикою, нежели теоріею, часто основанною на непригодныхъ для Россіи началахъ; онъ не дорожилъ канцелярскими формальностями и бюрократическою рутиной, любилъ быстроту производства и гласность, во все вносилъ духъ жизни и правды».

Въ заключеніе позволю себѣ сказать, что біографія Державина подъ перомъ нашего сочлена не превратилась въ панегирикъ поэту, чего нельзя не признать большимъ достоинствомъ, такъ какъ обыкновенно жизнеописатель безотчетно привязывается къ лицу, изученіемъ котораго занимается, и видитъ въ немъ одно хорошее. Въ трудѣ своемъ академикъ изобразилъ Державина, какъ живое дѣйствительное лицо, со всѣми его достоинствами и недостатками, не скрывая темныхъ сторонъ его общественной дѣятельности, не умалчивая о томъ, за что съ похвалою относится къ нему потомство.

Кромѣ біографіи Державина, капитальнаго вклада въ исторію нашей литературы, академикъ Гротъ продолжалъ печатаніе обширной и богатой новыми данными переписки умершаго нашего сочлена П. А. Плетнева, бывшаго въ сношеніи со многими литературными дѣятелями его времени, и по порученію

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества напечаталъ «Письма Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II».

Академикъ Буслаевъ помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ Русскомъ Вѣстникѣ историческое обозрѣніе древностей Бамберга и Регенсбурга подъ заглавіемъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ». Онъ же приготовляетъ для Общества любителей древней письменности очень любопытное и важное изслѣдованіе о славяно-русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ, которое послужитъ объясненіемъ 290 типическихъ рисунковъ, взятыхъ изъ 30-ти лучшихъ рукописей этого творенія. Въ своемъ изслѣдованіи академикъ намѣревается указать главнѣйшія редакціи нашего лицеваго Апокалипсиса, не переходящія впрочемъ за XVI вѣкъ и отличающіяся одна отъ другои столько же различіями въ текстѣ, сколько содержаніемъ и стилемъ миніатюръ. Что касается послѣднихъ, то онѣ, какъ могъ замѣтить нашъ сочленъ, носятъ на себѣ печать самостоятельности и по этому отличаются отъ миніатюръ, находящихся въ западно-европейскихъ рукописяхъ Апокалипсиса, хотя русскіе мастера въ своихъ рисункахъ и не чуждались того, что являлось послѣдствіемъ развитія древне христіанскаго искусства. Для того же Общества Ѳ. И. Буслаевъ печатаетъ собраніе образцовъ письма и орнаментовъ изъ рукописной Слѣдованной Псалтыри XV вѣка, хранящейся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры. Сверхъ того онъ напечаталъ третьимъ дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ Русскую Христоматію.

Академикъ Бычковъ занимался собраніемъ и приготовленіемъ къ печати писемъ и бумагъ императора Петра Великаго, сохранившихся какъ у насъ, такъ и за-границею въ государственныхъ архивахъ и въ рукахъ частныхъ лицъ. Этимъ изданіемъ будетъ воздвигнутъ достойный памятникъ нашему великому преобразователю, имѣвшему постоянно въ виду одно—возвеличить и возвести на высшую степень благосостоянія горячо любимую имъ Россію. «Надлежитъ трудиться»—говорилъ монархъ, обращаясь къ сановникамъ и къ иностраннымъ посламъ, по заклю-

ченіи мира съ Швеціею,—«о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ предъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ».

Государственные архивы Берлинскій и Вѣнскій, въ которые академикъ былъ допущенъ для снятія копій съ находящихся тамъ документовъ, доставили не мало любопытныхъ матеріаловъ, относящихся преимущественно до Сѣверной войны и къ дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Въ настоящее время собрано нѣсколько тысячь документовъ, и это число увеличивается постоянно новыми, доставляемыми частными лицами. Изъ просмотра донесеній разныхъ лицъ государю оказывается, что очень значительное число его писемъ до насъ не дошло: они или погибли безвозвратно, или, быть можетъ, находятся еще въ частныхъ рукахъ, хотя въ этомъ позволительно сомнѣваться. Самое старѣйшее письмо въ этомъ собраніи относится къ 20 апрѣля 1689 г. и писано къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, изъ Переяславля, о вскрытіи озера, объ окончательной отдѣлкѣ судовъ и о скорѣйшей присылкѣ канатовъ изъ Пушкарскаго Приказа. Послѣднее письмо монарха писано къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму I за три дня до кончины, 25 января 1725 года, съ просьбою по случаю простуды, отъ которой «являются чрезвычайныя акциденціи», прислать королевскаго лейбъ-медика фонъ Сталя, «яко славнаго практикуса», для совѣта. Въ числѣ собранныхъ писемъ и документовъ находится много неизвѣстныхъ, которыя открываютъ новые факты въ разносторонней дѣятельности великаго монарха. Представляю на выдержку одинъ. Пространный указъ св. Синоду отъ 31 января 1724 года [1]) о званіи монашескомъ, о правилахъ жизни въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ, о помѣщеніи въ монастыряхъ мужскихъ убогихъ отставныхъ солдатъ и нищихъ, а въ женскихъ — мало-

[1]) См. Полное Собр. постановленій и распоряженій по вѣдомству прав. исповѣданія Росс. имперіи, т. IV, № 1197, стр. 55—60.

лѣтнихъ сиротъ обоего пола, почти весь написанъ собственноручно государемъ.

Тотъ же академикъ продолжалъ печатаніемъ начатое имъ подробное описаніе рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки на языкахъ церковно-славянскомъ и русскомъ. Этотъ отдѣлъ рукописей представляетъ большую важность, такъ какъ въ нихъ нерѣдко встрѣчаются сочиненія неизвѣстныя, а для текстовъ напечатанныхъ онѣ иногда представляютъ болѣе исправныя чтенія.

Академикъ Сухомлиновъ напечаталъ пятый томъ Исторіи Россійской Академіи, при составленіи котораго пользовался многими рукописными собраніями, какъ то: Императорской Публичной Библіотеки, Государственнаго Архива, Архива св. Синода, московскихъ архивовъ: университета, министерства юстиціи, военной коллегіи и др. Въ составъ этого тома вошли біографіи слѣдующихъ членовъ Россійской Академіи: профессоровъ московскаго университета Десницкаго и Зыбелина; преподавателей морскаго кадетскаго корпуса Никитина и Суворова; извѣстнаго въ свое время писателя Мальгина и Ивана Никитича Болтина. Біографія послѣдняго составляетъ главный отдѣлъ только что вышедшаго тома, и въ ней разсматриваются: литературные труды Болтина; знакомство его съ западно-европейскою литературою; отношеніе его къ русскимъ писателямъ; научные взгляды и критическіе пріемы Болтина; его религіозныя воззрѣнія; его сужденія о вопросахъ государственной и общественной жизни; его литературныя и филологическія понятія и, наконецъ, дѣятельность Болтина въ Россійской Академіи. Трудъ академика Сухомлинова даетъ возможность нѣсколько ближе и полнѣе ознакомиться съ личностью Болтина, о которой доселѣ мы имѣли самыя скудныя свѣдѣнія.

Иванъ Никитичъ Болтинъ принадлежитъ къ замѣчательнымъ литературнымъ дѣятелямъ второй половины XVIII в., какъ и Державинъ, о которомъ я только что говорилъ. Въ трудахъ Болтина видны умъ, талантъ, здравая критика, многостороннее

образованіе, глубокое изученіе по доступнымъ въ то время источникамъ прошлыхъ судебъ Россіи и здравыя мысли о современномъ ему обществѣ, о господствующихъ въ немъ нравахъ и понятіяхъ и о тѣхъ потребностяхъ, осуществленіе которыхъ можетъ повести его къ развитію и благосостоянію. Знакомый съ идеями, царившими въ то время въ Западной Европѣ, читавшій Бэля, Вольтера и др., Болтинъ остался вполнѣ русскимъ человѣкомъ, и это слѣдуетъ приписать тому, что образованіе свое онъ довершилъ не за границею, но частыми поѣздками по разнымъ краямъ Россіи, будучи одно время правою рукою Потемкина, причемъ, вступая въ сношенія съ различными слоями населенія, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе проникался уваженіемъ къ Русскому народу.

Любимымъ занятіемъ Болтина была отечественная исторія, и онъ, какъ знатокъ ея, пользовался громкою у насъ извѣстностію. Хотя отъ него мы имѣемъ только критическія замѣчанія на чужіе труды, но тѣмъ не менѣе эти замѣчанія, во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнныя и иногда составляющія небольшія, но очень важныя изслѣдованія, оставили слѣдъ въ нашей исторической литературѣ. Взгляды и выводы Болтина принимаются въ соображеніе и до сихъ поръ.

Первый историческій трудъ Болтина носитъ заглавіе: «Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка», жившаго около десяти лѣтъ въ Россіи, куда онъ пріѣхалъ изъ Франціи въ качествѣ врача. Все время своего пребыванія у насъ Леклеркъ посвящалъ—какъ говоритъ самъ—на необходимыя разысканія, чтобы написать исторію Россіи, и, не смотря на это, трудъ его оказался лишеннымъ всякой критики и полнымъ ошибокъ. Вотъ какой далъ о немъ отзывъ Болтинъ послѣ внимательнаго его разсмотрѣнія, занявшаго два объемистые тома въ 4-ю долю листа: «По странному всякородныхъ вещей смѣшенію, приличнѣе бы сочиненіе назвать *всякою всячиною* или pot pourri. Пришло мнѣ въ умъ сдѣлать страннаго рода, но весьма близкое и сходное, сравненіе тамошнія (сарептской) лавки съ книгою, на которую

пишу я теперь возраженіе. Есть тамъ (въ лавкѣ) бархатъ и штофъ, крашенина и посконный холстъ, астролябіи и микроскопы, сѣнокосныя косы и сошники, душистыя воды и помада, вакса и деготь, позументы и ленты, снурки и нитки, золотые часы и табакерки, мѣдныя кольца и стекляныя пронизки, конценель и сурикъ. Въ жизнь мою не видалъ я такой лавки, въ которой толикая разнообразность вещей находится. Въ первый разъ въ жизнь мою читаю такую книгу, въ которой толикая смѣсь вещей разнородныхъ и разнообразныхъ содержится».

С. М. Соловьевъ въ статьѣ: «Писатели Русской исторіи XVIII вѣка» говоритъ о книгѣ Болтина противъ Леклерка, что она «есть первый трудъ по русской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которой есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи. У Болтина мы не встрѣчаемъ толковъ о пользѣ исторіи, какъ науки опыта и примѣра; но у него перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самопознанія, стараніе сдѣлать изъ исторіи прямое приложеніе къ жизни, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ стараго къ новому. Ломоносовъ хочетъ только прославить геройскіе подвиги дѣятелей нашей исторіи. Щербатовъ вглядывается въ отдѣльныя явленія, старается уяснить нѣкоторыя, особенно для него поразительныя, явленія русской исторіи, не связывая ихъ однако другъ съ другомъ; Болтинъ старается уяснить цѣлый ходъ русской исторіи, не похожей ни на какія другія, и показать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ».

Столь же рѣзко, какъ книгу Леклерка, Болтинъ осудилъ и два первые тома историческаго труда князя Щербатова. Онъ указалъ въ немъ грубыя ошибки, противорѣчія, непониманіе текста лѣтописей и происходящія отъ того произвольныя толкованія и предположенія. Въ этомъ разборѣ Болтинъ обнаружилъ, кромѣ научныхъ знаній и полемическаго таланта, тонкое во многихъ случаяхъ пониманіе общественныхъ потребностей.

Вообще отличительныя черты Болтина, какъ историческаго писателя, составляютъ: уваженіе къ факту; строгая правдивость; неуклонное стремленіе къ истинѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, историкъ долженъ повѣствовать лишь о томъ, что дѣйствительно было, а не о томъ, что могло бы быть; наконецъ, любовь къ родинѣ, проглядывающая у него вездѣ: онъ не упускаетъ ни одного случая, чтобы не указать на то, что предки наши не были варварами и что они имѣютъ всѣ права на сочувствіе и уваженіе, и чтобы не посовѣтовать современникамъ стремиться освободить себя отъ гнета и вліянія иноземцевъ, всегда свысока смотрящихъ на Русскихъ. Оканчивая обозрѣніе содержанія новаго тома обширнаго труда академика Сухомлинова, труда весьма важнаго для исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія, считаю не лишнимъ привести нѣсколько словъ Болтина о томъ, какъ онъ полагалъ разрѣшить такъ называемый нынѣ крестьянскій вопросъ. «При дачѣ рабамъ свободы» — говоритъ Болтинъ — «все благоразуміе въ томъ, по мнѣнію моему, должно состоять, чтобъ не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну и какъ надлежитъ ею пользоваться. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія, сдѣланъ будетъ имъ вредъ, зло и гибель. Уволить надлежитъ всѣхъ (а не по частямъ), но исподоволь и постепенно, такъ какъ бывшему долгое время въ темнотѣ не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а по немногу: въ противномъ случаѣ глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждатися зрѣлищемъ вожделѣнныя свѣтлости......». Для того времени эти мысли Болтина нельзя не признать опередившими свой вѣкъ и въ высшей степени человѣколюбивыми.

Кромѣ пятаго тома Исторіи Россійской Академіи, М. И. Сухомлиновъ напечаталъ: Отчетъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ за 1879 годъ, въ который вошелъ очеркъ трудовъ С. М. Соловьева; въ Историческомъ Вѣстникѣ: «Изъ литературы пятидесятыхъ годовъ. Снятіе опалы съ славянофиловъ», и въ Русскомъ Курьерѣ: Рѣчь о Пушкинѣ, произнесенную имъ

въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, по поводу открытія памятника поэту въ Москвѣ [1]).

Труды академика А. Н. Веселовскаго касались преимущественно произведеній народной словесности, русской и славянской, введенныхъ имъ въ кругъ возможно полнаго сравненія съ сходными явленіями другихъ народностей. Извѣстно, что русская наука была одна изъ первыхъ, отозвавшихся на живую потребность, подсказанную пробудившимся народнымъ самосознаніемъ: изучить его въ поэтическихъ и бытовыхъ его проявленіяхъ; что русскіе труды по народной психологіи, какъ напр. Буслаева, Аѳанасьева, О. Миллера, и др., предварили французскіе и италіанскіе. Наша литература богата не только отдѣльными изслѣдованіями, сборниками пѣсенъ, сказокъ, обычаевъ и т. п., но въ ней уже явились и разныя направленія въ изученіи народно-бытоваго и поэтическаго матеріала и основанныя на нихъ попытки обобщеній. Это одновременное существованіе нѣсколькихъ направленій должно было вызвать ихъ повѣрку, поставить на ново вопросъ метода, сущность котораго опредѣляется качествомъ матеріала, предоставляемаго для работъ демопсихологу. Народная жизнь есть собраніе историческихъ условій, не всегда послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга, а чаще всего спаенныхъ внѣшнимъ способомъ. Современный народный бытъ съ его обычаями, обрядами и вѣрованіями является плодомъ подобнаго развитія. Брачныя, личныя, имущественныя отношенія современнаго крестьянства носятъ на себѣ слѣды разновременныхъ наслоеній; такъ, напримѣръ, въ брачномъ обрядѣ и пѣснѣ сохраняется память доисторическихъ отношеній, бракъ посредствомъ умыканія, купли—и проявленія личнаго чувства, въ уровень съ требованіями позднѣйшаго развитія. Каждая изъ формъ быта, смѣнявшихъ одна другую въ исторіи, отложилась въ формахъ и образахъ вѣрова-

---

[1]) Она была перепечатана въ сборникѣ: «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», стр. 228—233.

нія; въ современномъ суевѣріи всѣ эти послѣдовательныя степени религіознаго развитія отразились своими единичными чертами, точно такъ. какъ послѣдовательныя формы быта въ современномъ быту. Задача миѳолога—раскрыть и опредѣлить эти наслоенія: онъ долженъ заняться не характеристикою цѣлаго, но анализомъ тѣхъ вѣковыхъ наслоеній, которыя произвели это цѣлое. Таковыя требованія академикъ приложилъ и къ изученію русскаго былиннаго эпоса. Почти навѣрное можно сказать, что типы былинныхъ богатырей, въ которыхъ иные видѣли нѣчто прочное, могущее служить критическимъ мѣриломъ при оцѣнкѣ былевыхъ пѣсенъ, должны были измѣняться съ теченіемъ времени, и любимѣйшіе изъ нихъ болѣе, чѣмъ тѣ, къ которымъ народная фантазія относилась хладнокровнѣе; что типъ, напримѣръ, Ильи Муромца, на сколько онъ выясняется изъ современныхъ былинъ, быть можетъ, менѣе архитипиченъ, чѣмъ второстепенная личность какого-нибудь Михаила Казарина. Такое изученіе русскаго эпоса, если и удаляетъ изъ него спокойное впечатлѣніе цѣльности, къ которому мы издавна привыкли, то за то вноситъ въ него идею развитія, которая отвѣтитъ слѣдующей задачѣ, стоящей на очереди: прослѣдить рядомъ съ развитіемъ общества, владѣвшаго грамотностію и литературою, исторію другаго міросозерцанія, развивавшагося изъ коренныхъ основъ народной жизни и претворявшаго по ея образцамъ то, что заходило въ него изъ міра грамотности и литературы. Ставъ на вышеуказанную нами точку зрѣнія относительно изученія былинъ, академикъ прочелъ въ Отдѣленіи два, нынѣ печатающіяся, изслѣдованія о южно-русскихъ былинахъ, подъ заглавіемъ: I. Былина о Михаилѣ Даниловичѣ и младшіе богатыри и II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ 1574 года. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ нашего сочлена, по выходѣ въ свѣтъ, обратитъ на себя вниманіе какъ нашихъ, такъ и заграничныхъ изслѣдователей народной поэзіи, среди которыхъ мнѣнія А. Н. Веселовскаго, съ выходомъ каждаго новаго сочиненія, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе значенія. Въ продол-

женіе 1880 года онъ напечаталъ: Очеркъ исторіи повѣсти до Петра Великаго, помѣщенный въ «Исторіи русской словесности древней и новой» Галахова. Въ этомъ очеркѣ авторъ совмѣстилъ всѣ сдѣланныя до послѣдняго времени открытія и добытые изслѣваніями результаты. Послѣ довольно подробнаго разсмотрѣнія перешедшихъ къ намъ византійской и южно-славянской повѣсти, а потомъ повѣстей западнаго происхожденія, изъ которыхъ долѣе остановился на Римскихъ Дѣяніяхъ (Gesta Romanorum), г. Веселовскій изложилъ начало и развитіе русской повѣсти, первыми начатками которой были сказанія о винѣ и происхожденіи табака и повѣсти о Соломоніи и о Саввѣ Грудцынѣ.

Перу того же академика принадлежатъ двѣ статьи изъ розысканій въ области русскихъ духовныхъ стиховъ: I. Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ и II. Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. Въ послѣднемъ довольно обширномъ изслѣдованіи одинъ изъ условныхъ выводовъ автора долженъ побудить занимающихся изученіемъ народной литературы къ его повѣркѣ. Это приравненіе духовной легенды о святыхъ Георгіи и Ѳеодорѣ, перешедшихъ въ русскую духовную поэзію въ качествѣ змѣеборцевъ, съ русскимъ былиннымъ эпосомъ, въ которомъ змѣеборство приписано Добрынѣ, какъ его спеціальность. Быть можетъ, русскія былины о Добрынѣ восходятъ къ тѣмъ первоисточникамъ, которые осложнили чудеснымъ элементомъ народной саги разсказы о святыхъ. Кромѣ вышеозначенныхъ сочиненій академикъ еще напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Талмудическій источникъ одной Соломоновской легенды въ Русской Палеѣ» и «Легенды о Вѣчномъ Жидѣ и объ императорѣ Траянѣ», а въ Присужденіи Уваровскихъ наградъ отчетъ о Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край.

Въ настоящемъ году въ составъ Отдѣленія вошелъ, съ званіемъ экстраординарнаго академика, извѣстный славистъ И. В. Ягичъ. Ученому міру труды его по славянской филологіи давно знакомы, а издаваемый имъ въ Берлинѣ журналъ: Archiv für

slavische Philologie, въ которомъ помѣщено много его статей по языкознанію, по исторіи славянскихъ литературъ и по славянской миѳологіи, доставилъ ему почетное имя въ наукѣ. Изъ недавнихъ его трудовъ заслуживаютъ особенное вниманіе изданіе двухъ древнихъ памятниковъ—Зографскаго Евангелія, писаннаго глаголицею, тексту котораго онъ предпослалъ критическое о немъ изслѣдованіе на латинскомъ языкѣ, и Закона Винодольскаго съ русскимъ переводомъ и съ критическими и филологическими замѣчаніями на русскомъ языкѣ. То, что уже совершено въ области науки академикомъ Ягичемъ, ручается за плодотворную дѣятельность его въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что собранія церковно-славянскихъ рукописей въ здѣшнихъ библіотекахъ представятъ ему весьма богатый матеріалъ для новыхъ изслѣдованій разнаго рода. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій истекающаго года имъ была читана въ Отдѣленіи обширная и любопытная записка, содержащая проектъ изданія сравнительнаго словаря славянскихъ языковъ (Linguarum Slavicarum lexicon comparativum), который въ настоящее время является насущною потребностію для всѣхъ Славянъ.

Представивъ краткій очеркъ трудовъ всѣхъ академиковъ втораго Отдѣленія, я съ глубокимъ сожалѣніемъ въ настоящемъ отчетѣ не имѣю возможности упомянуть о трудахъ одного изъ нихъ, имя котораго 30 лѣтъ сряду произносилось здѣсь въ этотъ торжественный день.

Въ прошедшемъ году Отдѣленіе русскаго языка и словесности понесло чувствительную потерю въ лицѣ С. М. Соловьева, трудами котораго русской исторіи дано замѣтное движеніе и котораго Отдѣленіе сочло долгомъ избрать въ число своихъ членовъ и такимъ образомъ ввести его въ Академію Наукъ, а въ началѣ настоящаго года новая потеря, и не менѣе чувствительная, постигла Отдѣленіе. Въ ночь съ 8-го на 9-е февраля сошелъ въ могилу И. И. Срезневскій, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Академіи, полвѣка принимавшій въ движеніи науки самое живое участіе своими трудами, которыми онъ занялъ почетное

мѣсто среди ея дѣятелей. Въ настоящій день умѣстно въ немногихъ словахъ припомнить о полезной службѣ покойнаго наукѣ и Россіи и тѣмъ достойно почтить его память.

И. И. Срезневскій родился 1 іюня памятнаго для Россіи 1812 года, въ Ярославлѣ, въ стѣнахъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища (нынѣ Демидовскій юридическій лицей), въ которомъ отецъ его состоялъ профессоромъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія, его съ береговъ Волги перевезли въ Харьковъ, куда долженъ былъ переселиться его родитель по случаѣ своего назначенія инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ и ординарнымъ профессоромъ россійскаго краснорѣчія и поэзіи Харковскаго университета.

Первое отчетливое воспоминаніе Срезневскаго относится къ празднованію въ зданіи университета Парижскаго мира, окончившаго войну съ Наполеономъ. Это торжество, на которомъ онъ присутствовалъ, произвело столь сильное впечатлѣніе на ребенка, что самыя мелкія подробности его покойный академикъ съ изумительною отчетливостію передавалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Съ этого времени, по словамъ его, память уже хранила все, имъ прожитое и прочувствованное. На 8-мъ году Срезневскій остался сиротою. Живой, рѣзвый и впечатлительный, онъ въ ранніе годы своей жизни обнаруживалъ наклонность какъ къ литературнымъ, такъ и къ серьезнымъ занятіямъ. Къ 1820 или 1821 году относится его первое сочиненіе—поздравительные стихи одному изъ друзей семейства, которые въ кругу родныхъ усвоили ему названіе сочинителя. По окончаніи домашняго образованія, руководительницею котораго была нѣжнолюбимая мать, Срезневскій, имѣя 14 лѣтъ отъ роду, выдержалъ экзаменъ въ университетъ и поступилъ въ число студентовъ факультета этико-политическихъ наукъ. Одаренный блестящими способностями и счастливою памятью, онъ, 17-ти-лѣтнимъ юношею, въ 1829 году блистательно кончилъ курсъ со степенью кандидата по представленіи диссертаціи «Объ обидѣ». Столь раннимъ по возрасту окончаніемъ курса Срезневскій, по его словамъ,

былъ обязанъ сколько чтенію книгъ и журналовъ, находившихся въ университетской библіотекѣ и получаемыхъ отъ профессора Даниловича, столько же слишкомъ невзыскательнымъ требованіямъ наличнаго состава профессоровъ факультета, которыхъ было въ немъ только четыре: Могилевскій, Дудровичъ, Пауловичъ и Даниловичъ [1]). Изъ нихъ наиболѣе выдавался послѣдній. Двадцатые годы текущаго столѣтія являются въ жизни русскихъ университетовъ эпохою ихъ застоя и упадка. Каѳедры были заняты большею частью людьми, или отживавшими свой вѣкъ, или давно покинувшими занятія наукою, равнодушными къ ея успѣхамъ и нисколько не слѣдившими за ея движеніемъ. Лекціи читались многими профессорами по тетрадкамъ, листы которыхъ отъ долговременнаго употребленія иногда слипались, что вело къ довольно забавнымъ сценамъ. Былъ случай, что одинъ изъ профессоровъ, не замѣтивъ слипшихся листовъ, перескочилъ отъ описанія сахарнаго тростника къ описанію дуба и, предполагая, что продолжаетъ чтеніе о первомъ, самъ изумился несообразностямъ, происшедшимъ отъ такого перехода. И не смотря на такой низкій уровень профессорскихъ чтеній, И. И. Срезневскій постоянно съ благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ о времени своего студенчества въ Харьковскомъ университетѣ и о профессорѣ Даниловичѣ, который умѣлъ своими лекціями давать здоровую пищу молодымъ умамъ и, заставляя ихъ работать самостоятельно и требуя отчета въ прочитанномъ, содѣйствовалъ тѣмъ ихъ развитію. Впослѣдствіи покойный академикъ и самъ, занимая университетскую каѳедру, давалъ молодымъ людямъ подобнаго рода работы, пользу которыхъ испыталъ на себѣ.

По выходѣ изъ университета, Срезневскій тотчасъ поступилъ на гражданскую службу; но, къ счастію, служба сначала въ Харьковскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи (съ 30 сен-

---

[1]) Могилевскій читалъ богопознаніе, Дудровичъ — логику, этику и естественное право, Пауловичъ—римское право, политическую экономію, науку о финансахъ и дипломатику, а Даниловичъ—русское гражданское и уголовное право и уголовное судопроизводство въ Россіи.

тября 1829 по 7 іюля 1832), потомъ въ Харьковскомъ совѣстномъ судѣ (съ 18 октября 1833 по 17 марта 1834) и снова въ Харьковскомъ дворянскомъ собраніи (съ 17 марта 1834 по 29 октября 1837) не представляла ничего увлекательнаго для молодаго человѣка. Наука брала перевѣсъ надъ дѣловою и обиходною жизнью, и въ свободное отъ службы время Срезневскій занимался преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ и продолжалъ изучать, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, народную литературу, которою онъ увлекался еще бывши студентомъ и благодаря которой онъ познакомился съ литературными дѣятелями, проживавшими въ то время въ Харьковѣ. Послѣдствіемъ всего этого было съ одной стороны признаніе Срезневскаго однимъ изъ лучшихъ харьковскихъ учителей, котораго на перерывъ приглашали давать уроки, а съ другой—вступленіе его на полѣ литературной и ученой дѣятельности, съ котораго онъ затѣмъ и не сходилъ.

Время, когда Срезневскій впервые выступилъ, какъ писатель, было цвѣтущею порою альманаховъ, которые составляли въ извѣстную пору года любимое чтеніе образованнаго общества и красовались на столахъ гостиныхъ. Измаилъ Ивановичъ увлекся господствовавшею модою и въ 1831 году, черезъ годъ по оставленіи университетской скамьи, вмѣстѣ съ Росковшенкою, при содѣйствіи мѣстныхъ писателей, издалъ «Украинскій альманахъ», въ которомъ помѣстилъ подъ псевдонимомъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Альманахъ вышелъ по содержанію довольно тощимъ, но, не смотря на это, былъ благосклонно принятъ Украинцами и проложилъ дорогу въ Малороссіи для подобнаго рода сборниковъ. Въ слѣдующемъ году Срезневскій издалъ «Словацкія пѣсни», которыя онъ записывалъ отъ приходившихъ въ Харьковъ дротарей или проволочниковъ изъ Словаковъ, живущихъ въ Верхней Венгріи по отлогостямъ Карпатскихъ горъ. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ 20 пѣсенъ, снабженъ небольшимъ словаремъ, переводомъ пѣсенъ на русскій языкъ и примѣчаніями, и какъ первый опытъ трудовъ Срезневскаго по этнографіи и

филологіи славянской не безъ достоинствъ, особенно если обратимъ вниманіе на то, что молодой писатель, уже въ это время знакомый съ языками польскимъ, чешскимъ и сербскимъ [1]), сознавалъ всю важность пѣсенъ при историческихъ изысканіяхъ о Славянахъ [2]).

Гораздо болѣе значенія имѣетъ изданный Срезневскимъ вслѣдъ за Словацкими пѣснями сборникъ подъ заглавіемъ «Запорожская Старина», выходившій книжками съ 1833 по 1838 годъ. Въ немъ онъ напечаталъ собранныя имъ въ теченіе 7 лѣтъ старинныя историческія южно-русскія пѣсни и думы и сводъ древнѣйшихъ южно-русскихъ лѣтописцевъ, частію подлинными словами, частію въ своемъ пересказѣ. Заключающійся въ Запорожской Старинѣ богатый матеріалъ обнимаетъ время отъ Гедимина до смерти Мазепы и сообщаетъ любопытныя и вѣрныя данныя о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, а частію и о подвигахъ Запорожцевъ, и хотя въ настоящее время уже требуетъ нѣкоторыхъ дополненій и измѣненій, хотя въ немъ оказалось нѣсколько поддѣльныхъ пѣсенъ, тѣмъ не менѣе онъ не утратилъ своей цѣны. Нельзя пройти молчаніемъ ни употребленнаго Срезневскимъ въ этомъ изданіи своего правописанія при передачѣ въ печати памятниковъ народнаго творчества, ни нѣсколькихъ весьма тонкихъ замѣтокъ о размѣрахъ украинскихъ пѣсенъ, служащихъ къ опредѣленію или ихъ цѣльности или ихъ составленія изъ нѣсколькихъ. Въ обоихъ случаяхъ уже проглядываетъ будущій изслѣдователь языка.

Свой взглядъ на значеніе памятниковъ украинской народной словесности И. И. Срезневскій болѣе опредѣленно выразилъ въ 1834 году, въ письмѣ къ профессору московскаго университета И. М. Снегиреву. Отправляясь отъ того положенія, что нарѣчіе украинское или малороссійское есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, покойный академикъ спрашиваетъ: должно ли оно продолжить свое развитіе и сдѣлаться языкомъ литера-

[1]) Словацкія пѣсни, стр. 54.

[2]) Есть въ примѣчаніяхъ домыслы интересные, какъ напр., что Венгры одноплеменны съ Варягами: «Угры или Венгры и Уряги или Варяги—у горъ живущіе—можетъ быть также одноплеменны».

туры, а потомъ и общества, или остаться навсегда языкомъ простаго народа, безпрерывно искажаться, мало по малу вянуть и, наконецъ, исчезнуть съ лица земли. Разрѣшая предложенный вопросъ отрицательно, Срезневскій говоритъ, что малороссійское нарѣчіе имѣетъ надежду со временемъ сдѣлаться языкомъ литературнымъ, но что впрочемъ, какая бы судьба ни постигла его, оно сохранится въ памятникахъ народной литературы: въ думахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, похвалкахъ, пословицахъ, поговоркахъ, загадкахъ и заговорахъ, къ разсмотрѣнію которыхъ затѣмъ и переходитъ, раздѣляя нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ на отдѣлы по внутреннему ихъ содержанію и опредѣляя ихъ историческое и литературное достоинство. Около этого же времени Срезневскій помѣстилъ въ разныхъ журналахъ нѣсколько очерковъ изъ исторіи Южной Россіи. Живое изложеніе, сочувствіе къ судьбамъ Малороссіи, особенно за время господства надъ нею Польши, составляетъ ихъ достоинство, но теперь научное ихъ значеніе, вслѣдствіе обнародованія неизвѣстныхъ въ то время матеріаловъ, значительно уменьшилось. Иванъ Барабашъ, Выговскій, Юрій Хмельниченко, Мартынъ Пушкарь и Палій были избираемы поочередно молодымъ ученымъ предметомъ для своихъ очерковъ.

Къ этому же періоду дѣятельности Срезневскаго относятся его повѣсти, напечатанныя въ Московскомъ Наблюдателѣ. Лица, стоявшія близко къ этому повременному изданію, цѣнили высоко ихъ достоинства; Москвичи читали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Даже и теперь, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ послѣ ихъ появленія въ свѣтъ, нельзя не признать въ нихъ и живости разсказа и извѣстной доли наблюдательности и юмора — качествъ, свойственныхъ характеру покойнаго. Особенно хорошъ разсказъ, озаглавленный: «Маіоръ! Маіоръ!», въ которомъ переданъ тотъ эпизодъ изъ жизни Сковороды, когда онъ, замѣтивъ, что его ученица начинаетъ питать къ нему чувство любви и что это же чувство по отношенію къ ней развивается постепенно и въ немъ самомъ, спасается бѣгст-

вомъ и отъ дѣвушки и отъ любви. Довольно полную біографію этого украинскаго философа подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григорьѣ Сковородѣ» Срезневскій помѣстилъ въ сборникѣ: Утренняя Звѣзда. Трудъ этотъ читается съ интересомъ, потому что въ немъ, кромѣ повѣствованія объ обстоятельствахъ жизни богомудра, какъ называли Сковороду его сограждане, искусно и рельефно изображены условія, при которыхъ развилась его мистическая философія и изложено содержаніе нѣкоторыхъ его сочиненій. Сверхъ того біографія эта важна для насъ еще и потому, что даетъ одну черту для характеристики самого автора. Пославъ свою рукопись на предварительный просмотръ Г. Ѳ. Квитки, Срезневскій нашелъ въ ней по возвращеніи нѣсколько его замѣчаній, изъ которыхъ одно обличало его въ грубой ошибкѣ. Измаилъ Ивановичъ не только не исправилъ ее при печатаніи, но полученное примѣчаніе помѣстилъ внизу страницы и такимъ образомъ сознался публично въ своемъ промахѣ, «почитая»—какъ самъ выразился—«поприще литературное чуждымъ мелочныхъ расчетовъ и будучи увѣренъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо болѣе, нежели гдѣ, suum cuique tribuere». Эта черта свойственна только истинно ученымъ, которые никогда и ни въ какомъ случаѣ не рѣшатся присвоить чужой трудъ или имъ воспользоваться. Смотря на эту разнообразную литературно-ученую дѣятельность, можно было подумать, что Срезневскій перестаіъ мечтать объ университетской каѳедрѣ, занять которую составляло цѣль его стремленій со времени студенчества. Но на дѣлѣ было иначе. Онъ продолжалъ усиленно заниматься политическою экономіею и статистикою. 6 сентября 1835 года онъ подвергнулся словесному испытанію на степень магистра у ординарныхъ профессоровъ Степанова и Артемовскаго-Гулака и у адъюнкта Гордѣенкова; 25 сентября 1836 года письменному и написалъ отвѣты на вопросы: о пользѣ политической экономіи и о причинахъ несовершенства торговли древнихъ народовъ, а 2 іюля 1837 года съ успѣхомъ защитилъ диссертацію на степень магистра вышепомянутыхъ наукъ, носящую заглавіе:

«Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» [1]).

Что понималъ подъ теоріею политическихъ наукъ молодой ученый, мы узнаемъ изъ слѣдующихъ его словъ, впрочемъ не слишкомъ опредѣлительныхъ: «Подъ теоріею политическихъ наукъ слѣдуетъ разумѣть изслѣдованіе государства и вообще государственной жизни рода человѣческаго, какъ явленія природы, стремясь постоянно изслѣдовать факты этого явленія и законы и рѣшая при этомъ вопросъ: какъ что̀ было и бываетъ въ государствахъ въ отношеніи къ ихъ организму и жизни, бытію, дѣятельности и дѣйствіямъ». По защищеніи этой диссертаціи, Харьковскій университетъ пожелалъ имѣть Срезневскаго въ составѣ своихъ профессоровъ, и 9 сентября 1837 года онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета. О томъ, какъ и что читалъ молодой профессоръ можно судить и изъ его вступительной лекціи въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи, помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и изъ разсказовъ его слушателей, по единогласнымъ отзывамъ которыхъ лекціи молодаго лектора отличались отъ прежнихъ и новизною взглядовъ, и богатствомъ данныхъ, извлекаемыхъ имъ изъ иностранныхъ сочиненій, которыя были ему доступны и знакомы, и умѣньемъ сопоставлять эти данныя, и, наконецъ, живымъ, увлекательнымъ изложеніемъ. Аудиторія его была всегда полна слушателями; о чтеніяхъ его говорили въ городѣ. Этого было весьма достаточно, чтобы возбудить противъ него недоброжелательство со стороны товарищей менѣе даровитыхъ. Дотолѣ спокойно спавшій муравейникъ расшевелился и проявилъ свою силу при разсмотрѣніи написанной Срезневскимъ въ декабрѣ 1838 года и представленной имъ на степень доктора диссертаціи подъ заглавіемъ: «Опытъ о предметѣ и элементахъ

[1]) Диссертація была одобрена факультетомъ большинствомъ голосовъ противъ трехъ, и защищеніе ея большинство его членовъ признало удовлетворительнымъ.

статистики и политической экономіи сравнительно». Главная цѣль этого сочиненія Срезневскаго состояла въ томъ, чтобы доказать, что политическая экономія по предмету есть часть статистики; что изучать статистику должно въ отношеніи къ политической экономіи, какъ науку главную, а политическую экономію въ отношеніи къ статистикѣ, какъ науку частную; что въ преніяхъ политико-экономическихъ, книжныхъ и общественныхъ, болѣе пустословія и схоластики, нежели безпристрастной и добросовѣстной учености и, наконецъ, что нужно заботиться объ усовершеніи статистики, такъ какъ тогда будемъ имѣть въ своей власти силу для усовершенія политической экономіи и даже будемъ имѣть возможность обходиться часто и безъ ея помощи.

Для разсмотрѣнія этой диссертаціи собрались два факультета. Долго спорили и судили. Мнѣнія профессоровъ раздѣлились: одни признавали за нею научное достоинство и полагали разрѣшить Срезневскому публичную ея защиту; другіе же, напротивъ, находили, что мысли, въ ней высказанныя, идутъ въ разрѣзъ общепринятымъ, что онѣ составляютъ какъ бы насмѣшку надъ наукою и что докторантъ такъ молодъ, что успѣетъ въ замѣнъ этого сочиненія написать новое, и потому считали невозможнымъ допустить диссертацію къ защитѣ. Мнѣніе послѣднихъ одержало верхъ, особенно когда къ нему присоединился ректоръ университета Артемовскій-Гулакъ, приведшій въ его подкрѣпленіе слѣдующее сравненіе: «въ настоящее время»—сказалъ онъ—«сапожникъ поставляетъ вамъ для воспитанниковъ сапоги съ круглыми носками. Что бы стали дѣлать, если бы онъ цѣлую партію сапогъ, вмѣсто круглыхъ носковъ, изготовилъ съ треугольными? Разумѣется, мы не приняли бы ихъ. Въ такомъ положеніи находится и Срезневскій съ его необычными взглядами, которые мы не можемъ признать правильными».

Это рѣшеніе было сообщено Срезневскому за недѣлю до дня предполагавшейся защиты. Оно, съ одной стороны, поразило его своею неожиданностію, а съ другой—глубоко оскорбило. Диспутъ былъ отложенъ. Быть можетъ, причиною къ такому стро-

гому осужденію диссертаціи, о содержаніи которой впослѣдствіи отзывался съ похвалою извѣстный кенигсбергскій статистикъ Шубертъ, послужило еще и слѣдующее обстоятельство. По новому уставу русскихъ университетовъ 1835 года была въ нихъ учреждена каѳедра исторіи и литературы Славянскихъ народовъ, для занятія которой не было наличныхъ ученыхъ силъ, такъ что въ Московскомъ университетѣ занималъ ее престарѣлый М. Т. Каченовскій, отрицавшій подлинность всѣхъ памятниковъ древне-славянской письменности, а о литературныхъ произведеніяхъ другихъ Славянскихъ народовъ сообщавшій только то, что было напечатано въ издаваемомъ имъ Вѣстникѣ Европы 20-хъ и начала 30-хъ годовъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія старалось помочь горю и 16 сентября 1837 года отнеслось къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа, графу Головкину, съ просьбою употребить зависящія мѣры къ замѣщенію въ Харьковскомъ университетѣ каѳедры славянскихъ нарѣчій. Графъ Головкинъ, 28 мая 1838 года, увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что онъ сообщилъ совѣту Харьковскаго университета о томъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ для замѣщенія каѳедры послать за границу молодаго ученаго, какъ это сдѣлало начальство Московскаго университета, и, въ случаѣ согласія на это совѣта, предложить адъюнкту Харьковскаго университета Срезневскому, который, сколько извѣстно графу Головкину, «постоянно занимается изученіемъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго», отправиться, согласно плану, составленному въ Московскомъ университетѣ [1]), за-границу для основательнаго изученія славянскихъ нарѣчій, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи опредѣлить его на эту каѳедру въ университетѣ. Совѣтъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ попечителя, но представилъ нѣсколько замѣчаній профессора Артемовскаго-Гулака на планъ, составленный Московскимъ университетомъ, которыя и были частію приняты во вниманіе [2]). 31 августа 1838 года

[1]) См. Приложеніе 1-е.
[2]) См. Приложеніе 2-е.

послѣдовало разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія на отправленіе за-границу Срезневскаго, но съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно далъ подписку прослужить по назначенію начальства въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ. Срезневскій принялъ «съ полною готовностію исполненіе сего обязательства и съ истинною признательностію къ благотворному попеченію начальства, его избравшаго». Около этого времени и была отвергнута докторская диссертація Измаила Ивановича. 8 іюля 1839 года состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи Срезневскаго за-границу на два года для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ Славянскихъ народовъ, а 9-го сентября того же года ректоръ Харьковскаго университета, снабдивъ Срезневскаго надлежащею инструкціей [1]) и подорожною, предписалъ ему отправиться въ Петербургъ, откуда, 20 ноября 1839 года, онъ выѣхалъ за-границу.

Такимъ образомъ въ ученой дѣятельности Срезневскаго совершился переломъ, и онъ изъ камералистовъ перешелъ въ ряды филологовъ и славистовъ. Эта измѣна Измаила Ивановича наукамъ, которыя составляли предметъ его спеціальныхъ занятій съ перваго шага въ университетѣ, увеличила силы того небольшаго кружка молодыхъ ученыхъ, которые, посвятивъ себя славяновѣдѣнію, были насадителями въ нашемъ отечествѣ этой отрасли знанія.

Находясь за-границею, Срезневскій съ увлеченіемъ, которое было такъ свойственно его природѣ, отдался изученію предмета, хотя и не бывшаго ему чуждымъ, но тѣмъ не менѣе представлявшаго много новыхъ, неизвѣстныхъ для него сторонъ. Во время путешествій онъ изучалъ прежде всего народъ, его живую рѣчь и бытъ, и для этого нерѣдко дѣлалъ переходы пѣшкомъ. Въ городахъ онъ останавливался только въ тѣхъ, гдѣ были лица, занимавшіяся изученіемъ славянства, и библіотеки, въ которыхъ хранились какія-либо славянскія рукописи; въ деревняхъ же онъ обращалъ особенно вниманіе на мѣстныя видоизмѣненія славян-

---

[1]) См. Приложеніе 3-е.

скихъ нарѣчій и на памятники народной литературы; записывалъ пѣсни, сказки, преданія, изслѣдовалъ народныя повѣрья, однимъ словомъ, собиралъ филологическій и этнографическій матеріалъ, сравнивалъ его и дѣлалъ выводы. «Изученіе Славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ»,—писалъ Срезневскій—«ихъ народной словесности, изученіе мѣстное, такъ сказать, топографическое, считалъ я и считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная словесность представляетъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что на перекоръ судьбѣ пережило долгіе вѣка̀ и сохранилось только въ немъ, что каждый Славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ обще-славянскихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи каждую особенную народность жизни и слова можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ: каждая необходима, каждая самобытна, хотя и совпадаетъ, сливается съ другими.... Собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему».

По переѣздѣ за границу Срезневскій прежде всего занялся изученіемъ прусскихъ (за исключеніемъ Познани) и саксонскихъ Славянъ. Въ Прагу онъ прибылъ въ началѣ февраля 1840 года и провелъ тамъ четыре мѣсяца вмѣстѣ съ Прейсомъ, такъ много обѣщавшимъ и такъ рано потеряннымъ для науки. Здѣсь онъ познакомился и сблизился со всѣми выдававшимися тогда чешскими литераторами и учеными, и между прочимъ съ Шафарикомъ, Палацкимъ и Ганкою, а отъ Прейса выучился пріемамъ, какъ заниматься древними рукописями. Усвоивъ въ нѣкоторой степени чешскій разговорный языкъ, Срезневскій пустился въ пѣшеходное странствованіе по Чехіи и Моравіи; изъ послѣдней, въ концѣ августа, онъ пробрался въ Вратиславль (Бреславль), а оттуда въ Лужицы, гдѣ въ это время дѣйствовали лужицкіе патріоты Іорданъ и Смоларъ. На этомъ немаломъ пространствѣ, которое было пройдено Срезневскимъ вдоль и поперекъ, все обращало его вни-

маніе: памятники народной литературы и преданія, городища и современное жилье, обычаи и одежда—ничто не ускользнуло отъ его наблюдательнаго глаза: все онъ замѣтилъ и записалъ

Уже позднею осенью Срезневскій добрался до Дрездена, гдѣ оставался не долго, и затѣмъ въ ноябрѣ изъ Праги поспѣшилъ на зиму переѣхать въ Вѣну. Здѣсь, подъ руководствомъ Вука Караджича, о которомъ впослѣдствіи написалъ живую и полную интереса біографію, занялся языкомъ сербскимъ, приготовляясь къ путешествію по землямъ Иллирійскихъ Славянъ. Въ началѣ 1841 года онъ отправился странствовать по Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ и Фріулю, а за тѣмъ въ маѣ, вмѣстѣ съ Прейсомъ, началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Хорватской землѣ, Далматскимъ островамъ и Черной Горѣ. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, онъ изучалъ языкъ и бытъ народа и работалъ надъ письменными памятниками, если такіе тамъ находились. Съ послѣдняго пункта этого путешествія, которое заняло все лѣто, наши ученые слависты разстались, и за тѣмъ Срезневскій одинъ совершилъ поѣздку по Кроаціи, Славоніи, Срѣму и Сербіи до болгарской границы. На зиму, черезъ Пештъ, Срезневскій вернулся снова въ Вѣну и продолжалъ съ Караджичемъ свои занятія сербскими нарѣчіями. Весною 1842 года онъ отправился въ Венгрію и Галицію для ознакомленія съ живущими тамъ Русинами. На исходѣ срока своего путешествія, въ томъ же 1842 году, въ Вратиславлѣ онъ съѣхался съ Бодянскимъ, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Познань, гдѣ усердно занимался въ тамошней публичной библіотекѣ, и потомъ посѣтилъ Варшаву и Вильну; изъ этого послѣдняго города Измаилъ Ивановичъ поѣхалъ на югъ, чтобы хотя нѣсколько изучить Бѣлоруссовъ.

Такимъ образомъ Срезневскій посѣтилъ всѣ главные пункты Славянскаго племени; ознакомился съ народомъ и его бытомъ; вездѣ устроилъ связи и вступилъ въ сношенія съ лицами, стоявшими въ то время во главѣ славянскаго движенія, литературнаго и политическаго. Благодаря способности быстро усвоивать изучаемый предметъ, чрезвычайной живости характера, подвиж-

ности и энергіи въ занятіяхъ, онъ вынесъ изъ путешествія и богатыя свѣдѣнія, и обильные матеріалы, и живыя впечатлѣнія. О плодотворности результатовъ этого путешествія, обогатившаго новыми данными и путешественника и науку, можно судить по подробнымъ отчетамъ Срезневскаго министру народнаго просвѣщенія, помѣщеннымъ въ Журналѣ министерства, въ которыхъ онъ передавалъ о ходѣ своихъ занятій и изслѣдодований[1]). Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены: замѣчанія о нарѣчіи кашубскомъ; нѣсколько замѣтокъ о народномъ чешскомъ языкѣ; о нарѣчіяхъ силезскихъ и лужицкихъ; о нарѣчіяхъ словенскихъ, т. е. Славянъ, живущихъ въ Каринтіи, Штиріи, а также на сѣверѣ Истріи и въ восточныхъ частяхъ Фріуля; о примѣчательныхъ особенностяхъ языка Угорскихъ Русиновъ сравнительно съ языкомъ малороссійскимъ; объ особенностяхъ двухъ нарѣчій въ Галиціи—карпато-русскаго и галицкаго; въ нихъ же были сообщаемы любопытныя свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе выдававшихся славянскихъ ученыхъ и писателяхъ того времени и довольно подробныя и обстоятельныя описанія рукописей, писанныхъ кириллицею, которыя любознательный путешественникъ находилъ въ библіотекахъ тѣхъ городовъ, гдѣ онъ останавливался. Эти отчеты, какъ напр. содержащій характеристику нарѣчій словенскихъ—плодъ личныхъ наблюденій автора, не утратили своего достоинства и теперь, а въ то время были для Русскихъ совершенною новостію.

Но не одному министру народнаго просвѣщенія Срезневскій сообщалъ результаты своего путешествія по Славянскимъ землямъ; онъ дѣлился своими наблюденіями и плодами занятій также съ публикою, печатая въ повременныхъ изданіяхъ вмѣстѣ съ учеными извѣстіями и такія, которыя было неумѣстно вводить въ оффиціальные отчеты. Небольшія отдѣльныя статьи и извле-

---

[1]) Осталась не описанною та часть путешествія, которую онъ совершилъ вмѣстѣ съ Прейсомъ. Они хотѣли представить общій отчетъ, но болѣзнь Прейса помѣшала это выполнить.

ченія изъ его писемъ появлялись на чешскомъ языкѣ въ Часописѣ Чешскаго музея (литературныя извѣстія изъ Силезіи и Лужицъ, гдѣ говорится о чешскихъ рукописяхъ, хранящихся въ Будышинѣ; о литературѣ Иллирійскихъ Словенъ; свѣдѣнія о Резьянахъ; Черногорія и др.) и въ Татранкѣ (нѣсколько статистическихъ сравненій эрцъ-герцогства Австрійскаго съ маркграфствомъ Моравскимъ), а на русскомъ языкѣ въ Отечественныхъ Запискахъ (предположенія о Реймскомъ Евангеліи; новости литературъ славянскихъ) и, вскорѣ по возвращеніи изъ за-границы, въ Денницѣ, литературной газетѣ, выходившей въ Варшавѣ и предназначавшейся служить славянскому литературному движенію и единенію (Словины въ Фріулѣ; Жумборскіе Ускоки).

Въ этихъ отчетахъ и статьяхъ Срезневскій первый заговорилъ о сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій и сообщилъ ясное и отчетливое понятіе объ особенностяхъ многихъ изъ нихъ. Онъ первый совершилъ ученое путешествіе по Черногоріи, явившееся на чешскомъ языкѣ; первый изъ Русскихъ на мѣстѣ изучалъ бытъ и нравы разныхъ Славянскихъ народовъ и, наконецъ, первый пробудилъ въ нашей публикѣ своими статьями интересъ къ славянству. Характеристику его занятій за-границею мы имѣемъ въ письмѣ извѣстнаго чешскаго ученаго Ганки къ министру Уварову[1]): «Срезневскій», — писалъ Ганка — «предполагая, что знаніе историческое должно быть предупреждено знаніемъ настоящаго, какъ послѣдняго пункта движенія, тѣмъ болѣе важнаго, что въ немъ сохраняется болѣе или менѣе прошедшее всѣхъ вѣковъ, посвятилъ себя преимущественно изученію славянскихъ нарѣчій, нравовъ и обычаевъ, преданій, литературы народной въ ихъ современномъ состояніи, во всѣхъ ихъ мѣстныхъ оттѣнкахъ».

23 сентября 1842 года Срезневскій вернулся изъ путешествія въ Харьковъ и вскорѣ затѣмъ, именно 16 октября, началъ въ университетѣ преподаваніе исторіи и литературы сла-

---

[1]) См. Приложеніе 4-е.

вянскихъ нарѣчій вступительною о нихъ лекціею. Такимъ образомъ, въ Харьковскомъ университетѣ открылось преподаваніе науки совершенно новой не только въ Россіи, но и вообще; науки, для которой не существовало руководствъ и объемъ которой, или другими словами, какіе предметы должны были входить въ курсъ, министерство само не могло опредѣлить. Оно поставило лишь одно требованіе, чтобы слушатели были ознакомлены съ главными славянскими нарѣчіями и съ памятниками западно-славянскихъ литературъ. Но для добросовѣстнаго выполненія этого требованія, само собою разумѣется, нужно было дать мѣсто въ курсѣ: исторіи Славянъ, этнографическому обзору Славянскихъ племенъ, славянскимъ древностямъ, грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка и многому другому. Задача, возложенная на первыхъ профессоровъ славяновѣдѣнія, была нелегкая, но ее охотно приняли на себя какъ Срезневскій, такъ и другіе его товарищи, и выполнили ее достойнымъ образомъ и блистательно. Они положили прочное начало процвѣтанію въ нашемъ отечествѣ цѣлой отрасли вѣдѣнія, чрезвычайно важной во многихъ отношеніяхъ для отечественной науки, и образовали рядъ ученыхъ, трудами которыхъ Россія по справедливости можетъ гордиться. Свой курсъ Срезневскій на первый разъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: студентамъ 1-го курса онъ читалъ энциклопедическое введеніе въ изученіе славянства, обращая вниманіе на славянскія древности и на главныя черты разнообразія славянскихъ нарѣчій, а студентамъ 2-го и 3-го курса — историческое и филологико-литературное обозрѣніе западныхъ Славянъ южной отрасли и объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ писателей старо-славянскихъ, сербскихъ и хорутанскихъ [1]). «Успѣхъ чтеній Срезневскаго былъ громадный» —

---

[1]) Въ письмѣ къ П. П. Дубровскому, 2 января 1843 года, Срезневскій передалъ ему слѣдующее о своихъ лекціяхъ: «Студентамъ I-го курса я читаю энциклопедическое введеніе въ изученіе славянства, предположивъ въ немъ знакомить ихъ со всѣмъ, что можетъ помочь и приготовить къ частному изученію того или другаго славянскаго народа. Это частное изученіе я раздѣлилъ на 2 курса: 1. О Славянахъ западныхъ южной отрасли (Болгарахъ, Сербахъ,

какъ разсказываетъ очевидецъ;—«студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи—все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коллара не сходили, можно сказать, съ его устъ».

Черезъ годъ послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія (30 апрѣля 1843) Срезневскій былъ утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Одновременно съ чтеніемъ лекцій въ университетѣ, составленіе которыхъ требовало не малаго труда, молодой профессоръ приводилъ въ систематическій порядокъ и обработывалъ богатые матеріалы, привезенные имъ изъ заграничнаго путешествія, знакомилъ публику съ наиболѣе выдающимися сочиненіями, касавшимися славяновѣдѣнія, по мѣрѣ ихъ появленія, и писалъ диссертацію на степень доктора. Такъ, за это время въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ были помѣщены имъ статьи: Историческій очеркъ серболужицкой литературы—первый самостоятельный трудъ Срезневскаго по исторіи славянскихъ литературъ; Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ—сочиненіе, бывшее въ наукѣ важныхъ явленіемъ и остающееся до сихъ поръ полезнымъ пособіемъ, не смотря на то, что самъ Срез-

---

Хорватахъ и Словенцахъ Хорутанскихъ); 2. О Славянахъ западныхъ сѣверной отрасли (Полякахъ, Полабахъ, Чехахъ и Словакахъ). Въ нынѣшнемъ году читаю о Славянахъ западныхъ первой отрасли 2-му курсу; на слѣдующій годъ предполагаю читать о Славянахъ западныхъ второй отрасли будущимъ курсамъ, второму и третьему, и т. д. — Года черезъ три, четыре, будутъ готовы мои записки».

невскій въ послѣдствіи измѣнилъ нѣсколько свой взглядъ на взаимныя отношенія славянскихъ нарѣчій и что наука ушла въ этомъ отношеніи впередъ; Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи, гдѣ, приведя обозрѣніе всѣхъ книгъ, напечатанныхъ на болгарскомъ языкѣ съ 1806 года по 1845 годъ включительно, съ замѣчаніями о нѣкоторыхъ изъ нихъ, выразилъ надежду, «что за этими начатками новой болгарской литературы, не смотря на стѣсненія грекомановъ, будетъ для нея и разсвѣтъ, достойный старой славы Болгаръ»; Фріульскіе Славяне (Резіяне и Словины), о которыхъ до того времени ничего не было извѣстно, и Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ Славянъ, въ которомъ онъ отдалъ предпочтеніе маленькимъ народнымъ литературамъ, уважающимъ свое родное, передъ большими развитыми, занимающимися отвлеченными вопросами и потому далекими отъ народа. Всѣ эти статьи, а также многія рецензіи на книги, какъ напр. на сочиненіе Шафарика: Славянское народописаніе, въ которой онъ помѣстилъ опытъ своихъ филологическихъ выводовъ; на изданіе Реймскаго Евангелія и т. п., свидѣтельствуютъ и о самостоятельности взгляда Срезневскаго на избранный имъ предметъ занятій, и о томъ богатомъ запасѣ свѣдѣній, которымъ онъ владѣлъ. Съ прибытія изъ за-границы имя Срезневскаго все чаще и чаще начало являться въ печати подъ статьями, обращавшими на себя вниманіе спеціалистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе росла его ученая извѣстность, которая и упрочилась окончательно за нимъ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія, представленнаго имъ для соисканія степени доктора славяно-русской филологіи, подъ заглавіемъ: «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ». Этому труду, основанному на изученіи и сопоставленіи многочисленныхъ источниковъ, предшествовали два опыта нашего сочлена по сравнительной миѳологіи, именно: «Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ» и «Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ», которые имѣютъ тѣсную связь съ предметомъ диссертаціи. Въ первомъ изъ этихъ двухъ сочиненій Срезневскій пришелъ къ выво-

дамъ, что Солнце было обожаемо Славянами, какъ видимое небесное свѣтило, занимающее средину свѣта, все освѣщающее, и какъ богъ, какъ «Царь-Солнце», имѣвшій видъ прекраснаго, вѣчно-юнаго воина, и что миѳологія славянская представляетъ нѣсколько солнечныхъ божествъ, связанныхъ, вѣроятно, узами родства, какъ то: Хорса=Дажъ-бога, Волоса, Сварожичя, Радагаста, Святовида, Яровита, Ясоня и пр. Предметъ, выбранный для диссертаціи Срезневскимъ, въ нашей литературѣ, за самыми небольшими исключеніями, былъ почти не тронутъ, и выводы, къ которымъ онъ пришелъ, естественно, въ то время должны были казаться новыми. А они были слѣдующіе: у всѣхъ Славянъ главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія были одни и тѣ же, хотя, быть можетъ, существовали въ нихъ и мѣстныя особенности; въ богослужебныхъ обычаяхъ главную роль играли положительные догматы вѣры, хотя ими, впрочемъ, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія, стоявшаго также болѣе или менѣе въ зависимости отъ частныхъ миѳовъ, отъ правилъ нравственности, отъ знаній и понятій древнихъ Славянъ. Болѣе положительно можно говорить о святилищахъ богослуженія языческихъ Славянъ: жертвенникахъ, городищахъ и храмахъ, и о жрецахъ, составлявшихъ особенный, очень важный классъ народа, носившихъ по роду занятій различныя названія и раздѣлявшихся по своему сану на нѣсколько разрядовъ. Главными частями богослужебнаго обряда были: молитвы, жертвоприношенія и гаданія, по совершеніи котораго слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми, плясками, пѣснями, борьбой и пр. Ежегодно въ особенные, извѣстные дни совершались богослужебныя торжества, и, внимательно изучая годичный кругъ языческихъ празднествъ у Славянъ, можно почти положительно придти къ заключенію, что главнымъ ихъ культомъ было поклоненіе солнцу. Этотъ сухой скелетъ диссертаціи даетъ самое слабое понятіе о богатствѣ ея содержанія, которое, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ было основано на болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеніяхъ. Это послѣднее обстоя-

тельство дало оффиціальнымъ оппонентамъ Срезневскаго точку опоры при ихъ возраженіяхъ, которыя, впрочемъ, были всѣ блистательно имъ отклонены, и защищеніе диссертаціи, происходившее 3-го декабря 1846 года, признано удовлетворительнымъ[1]). Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ того обстоятельства, что Срезневскій свою диссертацію посвятилъ тому самому П. П. Артемовскому-Гулаку, который отвергнулъ его докторскую диссертацію по политическимъ наукамъ, и торжественно призналъ его первымъ своимъ руководителемъ въ изученіи славянскихъ древностей и нарѣчій.

Еще ранѣе защищенія этой диссертаціи, именно 10 августа 1846 года, Срезневскій, въ письмѣ къ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа Мусину-Пушкину, изъявилъ желаніе быть перемѣщеннымъ въ Петербургскій университетъ на свободную въ немъ по смерти Прейса каѳедру славянскихъ нарѣчій, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что будетъ имѣть въ столицѣ возможность, «не отвлекаясь отъ должности преподавателя, усовершенствовать свои познанія». Мусинъ-Пушкинъ рѣшился ходатайствовать у министра графа Уварова о прикомандированіи Срезневскаго къ Петербургскому университету на неопредѣленный срокъ. Министръ изъявилъ согласіе, и профессоръ былъ удержанъ въ Харьковѣ до 20 декабря для окончанія занятій въ текущемъ семестрѣ. 23 января 1847 года послѣдовало утвержденіе Срезневскаго министромъ народнаго просвѣщенія въ степени доктора и въ званіи экстраординарнаго профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ, а черезъ четыре дня послѣ этого онъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій въ

---

[1]) 28 сентября 1846 года Срезневскій подвергался устному экзамену по части славянской словесности у профессора Артемовскаго-Гулака, а 7 октября по части русской словесности у профессора Якимова. 14 октября онъ письменно отвѣтилъ на вопросъ: О Кириллѣ и Меѳодіи; въ чемъ именно заключается важнѣйшая услуга, оказанная ими славянскому міру, а 17 октября—на вопросъ: Что сдѣлано у насъ для исторіи нашей литературы и что остается еще сдѣлать? Оппонентами были профессора: Якимовъ, Рославскій-Петровскій и Гулакъ-Артемовскій.

Петербургскомъ университетѣ, гдѣ 28 января прочелъ вступительную лекцію о пользѣ изученія славянскихъ нарѣчій и о планѣ своего преподаванія [1]). 5-го іюня того же года Срезневскій опредѣленъ въ Петербургскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по этой каѳедрѣ съ увольненіемъ изъ Харьковскаго университета.

Причину перехода въ здѣшній университетъ Срезневскій впослѣдствіи объяснялъ тѣми удобствами, которыя предлагаетъ наша сѣверная столица слависту. Богатыя общественныя книгохранилища, значительное число находящихся въ нихъ важныхъ церковно-славянскихъ рукописей, обширный кругъ занимающихся людей, болѣе скорыя сношенія съ заграничными учеными переманили его — какъ онъ самъ говорилъ — въ столицу. И дѣйствительно, эти доводы нельзя не признать основательными. Со времени отправленія своего за границу до перехода въ Петербургскій университетъ, кромѣ работъ чисто филологическихъ, онъ пре-

---

[1]) Планъ чтеній И. И. Срезневскаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ былъ отчасти тотъ же, котораго онъ держался въ Харьковѣ. Изъ записки, составленной имъ (см. В. В. Григорьева, Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, стр. 246—247), видно, что «начальный курсъ чтеній постоянно посвящаемъ былъ имъ энциклопедическому введенію, имѣющему цѣлію ознакомить слушателей съ Славянскимъ племенемъ, какъ частію кореннаго народонаселенія Новой Европы; съ его общими судьбами въ отношеніи политическомъ, религіозномъ, бытовомъ; съ характеристическими отличіями его нарѣчій; съ важнѣйшими явленіями народной его словесности и книжной литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ главными пособіями для изученія славянства. Вслѣдъ за этимъ, вводнымъ, курсомъ, слѣдовали постоянно черезъ годъ два другіе: курсъ славянскихъ древностей и курсъ исторіи языка и литературы западныхъ Славянъ. Курсъ древностей состоялъ изъ разсмотрѣнія иностранныхъ и домашнихъ свидѣтельствъ, оставшихся о Славянахъ древняго времени, и изъ систематическаго изложенія быта, общественнаго устройства и религіи каждаго изъ Славянскихъ народовъ во времена, предшествовавшія утвержденію между ними христіанства. Курсъ исторіи языка и литературы заключалъ въ себѣ разсмотрѣніе измѣненій, которымъ подвергалось въ народномъ и письменномъ употребленіи каждое изъ главныхъ нарѣчій славянскихъ, и судебъ народной поэзіи и литературы у каждаго изъ главныхъ народовъ Славянскихъ. Заключительный, четвертый, курсъ посвящаемъ былъ древностямъ русскаго языка, съ подробнымъ объясненіемъ главнѣйшихъ его памятниковъ».

имущественно занимался изученіемъ народной живой рѣчи, поэзіи и быта Славянскихъ народовъ, и его изслѣдованія по этимъ предметамъ внесли не мало новыхъ взглядовъ, но тѣмъ не менѣе въ нихъ нельзя не признать нѣкоторой односторонности. Преувеличенное увлеченіе всѣмъ народнымъ, стремленіе найти въ немъ разгадку исторіи и уясненіе національнаго характера, отодвинуло, къ сожалѣнію, Срезневскаго отъ новѣйшей литературы даже до такой степени, что въ позднѣйшее время онъ не признавалъ ни таланта въ Гоголѣ, ни его значенія въ нашей литературѣ. Въ годъ перехода Срезневскаго на службу въ Петербургъ, который слѣдуетъ признать началомъ его кипучей и наиболѣе плодотворной дѣятельности, онъ былъ опредѣленъ цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета (13 сентября 1847 года), а за тѣмъ преподавателемъ въ главный педагогическій институтъ (30 октября 1847 г.), гдѣ была также учреждена каѳедра славянскихъ нарѣчій. Своими замѣчательными трудами онъ открылъ себѣ двери въ Академію Наукъ и 8 апрѣля 1849 года былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта Отдѣленія русскаго языка и словесности. Цензоромъ Срезневскій оставался три года. При увольненіи отъ должности (20 сентября 1850 г.) предсѣдатель цензурнаго комитета М. Н. Мусинъ-Пушкинъ изъявилъ ему благодарность за полезную и благонамѣренную службу. Эта безпокойная, урочная и отвѣтственная должность, особенно въ то время, вовсе не соотвѣтствовала ни склонностямъ Срезневскаго, ни его ученымъ занятіямъ, подвергала его нѣсколько разъ непріятностямъ и даже однажды, въ 1849 году, грозила ему Высочайшимъ выговоромъ за пропускъ въ сочиненіи Е. П. Ковалевскаго «Путешествіе во внутреннюю Африку» нѣсколькихъ мѣстъ, признанныхъ по тогдашнимъ взглядамъ неудобными въ печати[1]). Отъ этого выговора избавилъ Измаила Ива-

[1]) Къ числу мѣстъ непозволительныхъ было отнесено слѣдующее. Ковалевскій, описывая пребываніе свое въ египетской крѣпости Джибель-Дулѣ и обычныя увеселенія тамошнихъ начальствъ, при которыхъ для забавы нерѣдко заставляютъ Негровъ драться до ожесточенія, или плясать съ желѣзными кан-

новича министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, который засвидѣтельствовалъ предъ Государемъ, что Срезневскій, какъ по способностямъ, такъ и по благонамѣренному образу мыслей, принадлежитъ къ числу отличныхъ профессоровъ и цензоровъ и возложенную на него обязанность всегда исполняетъ съ полною добросовѣстностію.

Не смотря на многія и притомъ разнообразныя обязанности, на немъ лежавшія, требовавшія для добросовѣстнаго ихъ исполненія много времени, Срезневскій тѣмъ не менѣе, при удивительномъ трудолюбіи и сродной ему энергіи, въ періодъ времени съ 1847 по 1851 годъ, давалъ довольно часто отзывы о наиболѣе крупныхъ явленіяхъ науки, отличавшіеся, какъ и всѣ его труды, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ предмету, и напечаталъ: вторымъ изданіемъ, впрочемъ почти безъ всякихъ измѣненій, докторскую диссертацію, подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ»; довольно обширную статью: «Древнія письмена славянскія», въ которой собраны всѣ извѣстія о письменахъ у Славянъ языческихъ, разобрано черноризца Храбра сказаніе о письменахъ, текстъ котораго при этомъ изданъ съ варіантами и объясненіями, и сообщены историческія данныя о глаголицѣ, съ указаніемъ въ чемъ она сходна съ кириллицею, за которою слѣдуетъ, и чѣмъ отъ нея отличается, при чемъ ясно формулированнаго о глаголицѣ мнѣнія Срезневскій здѣсь не представилъ: взглядъ его на этотъ предметъ съ теченіемъ времени нѣсколько разъ мѣнялся; «Программу для преподаванія въ университетахъ славянской филологіи», отстранившую свою точностію и

далами на ногахъ и пр., приходитъ потомъ къ слѣдующему заключенію: «Каковы, однако, потѣхи! Какова жизнь! А сколько людей у насъ особенно, въ безконечной Россіи, людей, которые осуждены на подобную жизнь. Много, много нужно воли, силы характера, терпѣнія, чтобы выдержать эту пытку, продолжительную, чрезвычайно продолжительную, потому что каждый день нужно брать приступомъ, изжить его минута за минутой, часъ за часомъ, и каждая минута, каждый часъ дадутъ себя почувствовать, потому что здѣсь время не летитъ на крыльяхъ разсѣянія и удовольствія, а тянется медленно похоронною процессіей».

ясностью отъ славянскихъ каѳедръ грозу, которая готова была разразиться надъ ними въ 1848 г.; «О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ», — статью, представляющую результаты собранныхъ имъ данныхъ и наблюденій во время заграничнаго путешествія, и, наконецъ, одинъ изъ капитальныхъ для того времени своихъ трудовъ: «Мысли объ исторіи русскаго языка».

Позволяю нѣсколько болѣе остановиться на этомъ сочиненіи, къ которому покойный академикъ въ теченіе 30 лѣтъ, протекшихъ отъ его изданія, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлалъ прибавленія, такъ какъ намѣревался, передѣлавъ и нѣсколько измѣнивъ, выпустить его въ свѣтъ вторымъ изданіемъ.

Отправляясь отъ того положенія, что, вопреки мнѣнію многихъ, существуетъ русская наука, какъ частная доля науки человѣческой, въ которой должны принимать участіе своими трудами русскіе ученые, и что устраненіе ихъ отъ этого равносильно отказу отъ самобытности, Срезневскій весьма справедливо утверждаетъ, что главная задача народной науки — изслѣдовать свой народъ, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Въ этихъ предѣлахъ русская наука является — по словамъ покойнаго академика — исповѣдью разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ, и въ ней изслѣдованіе о родномъ языкѣ необходимо должно занять почетное мѣсто, такъ какъ исторія языка находится въ тѣсной связи съ исторіею народа и наоборотъ. Къ своему изслѣдованію Срезневскій приложилъ сравнительно-историческій методъ, при пособіи котораго опредѣлилъ два періода развитія вообще языка: періодъ развитія формъ, иногда чрезвычайно долго продолжающійся, и періодъ превращеній, начинающійся съ того времени, когда языкъ отдѣляется отъ соплеменныхъ ему нарѣчій и когда прежняя стройность формъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, подвергается ослабленіямъ, измѣненіямъ и нововведеніямъ. Каждый языкъ, обыкновенно, проходитъ черезъ эти двѣ стадіи, особенно если народъ, имъ говорящій, отдѣлился отъ своего племени, началъ свою отдѣльную

жизнь. Точно такъ и русскій языкъ прошелъ по этому пути, и потому въ его исторіи на первомъ мѣстѣ стоитъ рѣшеніе вопроса: «Что былъ языкъ русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился, прежде какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ Славянамъ, отъ языковъ другихъ племенъ индо-европейскихъ, а потомъ какъ одно изъ нарѣчій славянскихъ отъ другихъ нарѣчій своего племени? Что былъ онъ по своему строю и составу, то есть въ какой порѣ развитія былъ по своимъ формамъ и что выражалъ своими словами, какъ символами понятій и нравовъ, быта и обычаевъ народа»? Срезневскій—мы пользуемся здѣсь собственными его словами — рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Языкъ русскій въ то время, когда онъ уже отдѣлился отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительно достояніемъ русскаго народа, въ отношеніи къ своему строю былъ при исходѣ развитія своихъ первобытныхъ формъ, уже начавъ періодъ ихъ превращеній. Это выражалось и въ правильной системѣ звуковъ, и въ богатомъ разнообразіи формъ словообразованія и словоизмѣненія, и въ опредѣленномъ различіи формъ словосочетанія. По своему составу онъ былъ уже богатъ какъ языкъ народа осѣдлаго, земледѣльческаго и до нѣкоторой степени промышленнаго, народа съ развитыми понятіями о бытѣ семейномъ и общинномъ, приготовленнаго къ соединенію въ одно цѣлое, народа съ разнообразными понятіями о природѣ и человѣкѣ и съ вѣрованіями, хотя и закрытыми пеленой суевѣрій, но оживленными мыслью о единомъ Богѣ и безсмертіи духа».

Въ IX вѣкѣ, къ которому относится переводъ Священнаго Писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ, всѣ славянскія нарѣчія мало между собою различествовали; по этому и открытіе свойствъ древняго русскаго языка и его древняго строя возможно на основаніи внимательнаго изученія письменныхъ памятниковъ X — XIV вв. и даже болѣе позднихъ. Въ нихъ легко отдѣлить элементъ чисто русскій отъ старославянскаго, все то, что не могло принадлежать языку русскому, и когда будетъ совершено это отдѣленіе, тогда обнаружится, что этотъ русскій языкъ X—XIV в., какъ и про-

чія славянскія нарѣчія этого времени, находился въ состояніи переходномъ. Если древнія формы отличены отъ новыхъ и поняты общія качества языка, оставшіяся въ немъ неизмѣнными, то и общіе выводы о древнемъ языкѣ не могутъ подлежать сомнѣнію. Такимъ путемъ можно дойти до уразумѣнія русскаго языка не только въ древнѣйшемъ, первобытномъ его видѣ, но и въ каждомъ изъ двухъ періодовъ, которые онъ пережилъ. Всѣ эти положенія Срезневскій развилъ и подкрѣпилъ доказательствами и филологическими соображеніями, особенно все то, что касалось главныхъ чертъ древняго русскаго языка.

Затѣмъ другимъ, не менѣе важнымъ, вопросомъ въ исторіи русскаго языка является: «Какъ нашъ языкъ русскій измѣнялся съ тѣхъ поръ, какъ народъ русскій занялъ свое отдѣльное мѣсто между народами Европы? Какимъ путемъ достигъ своего нынѣшняго положенія подъ вліяніемъ своебытной дѣятельности духа русскаго народа и подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ?»

Рѣшеніе этого вопроса преимущественно обратило на себя вниманіе автора. Сказавъ нѣсколько словъ о постепенномъ измѣненіи границъ русскаго языка и о необходимости разсматривать въ исторіи его отдѣльно языкъ народа и языкъ книжный, онъ сообщилъ за тѣмъ свѣдѣнія объ образованіи нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, съ ихъ мѣстными измѣненіями, и о судьбѣ каждаго изъ нихъ, при чемъ представилъ картину общаго хода измѣненій народнаго русскаго языка на пути превращеній сравнительно съ ходомъ измѣненій другихъ славянскихъ нарѣчій; а эти измѣненія, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, совершались въ системѣ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, въ формахъ словообразованія, словоизмѣненія и словосочиненія. Въ этой части труда, сухой съ перваго взгляда, сосредоточено такое богатство фактовъ и наблюденій, такое знаніе славянскихъ языковъ, что оно невольно изумляетъ читателя. Что касается исторіи русскаго книжнаго языка, то покойный академикъ усматривалъ въ его послѣдовательныхъ судьбахъ два періода: періодъ отдѣленія отъ языка народнаго и періодъ сближенія съ нимъ.

До XIII вѣка русскій языкъ въ народѣ и книгахъ былъ одинъ и тотъ же, но съ того времени, когда народный русскій языкъ началъ удаляться отъ древнихъ формъ, а книжный языкъ ихъ удерживать, допуская, впрочемъ, измѣненія въ нихъ при переводахъ съ греческаго языка и въ сочиненіяхъ, писанныхъ Греками, явились уклоненія, сначала касавшіяся слога, потомъ нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія, а наконецъ произошло отдѣленіе одного отъ другаго. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которыхъ господствовалъ элементъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже до того рѣзки, что безъ труда ихъ можно отдѣлить. Съ XVII-го вѣка начинается обратное движеніе—сближеніе книжнаго языка съ языкомъ народнымъ, другими словами, проникновеніе въ книжный языкъ элементовъ живаго народнаго языка, которые получали право гражданства медленно и не безъ борьбы. Новый періодъ исторіи книжнаго русскаго языка, представляя рядъ побѣдъ народной рѣчи надъ тѣмъ, что уже отжило свой вѣкъ, еще далеко не завершилъ своего цикла.

Періоды, достаточно вѣрно опредѣленные Срезневскимъ въ исторіи русскаго языка, повторяются и въ исторіи словесности, такъ какъ нельзя отрицать близкой связи исторіи языка съ исторіей литературы.

«Періоду образованія народнаго языка русскаго» — говоритъ нашъ сочленъ — «въ его древнемъ, первоначальномъ видѣ соотвѣтствуетъ періодъ первоначальнаго образованія народной словесности; періоду отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго соотвѣтствуетъ періодъ отдѣленія книжной литературы отъ народной словесности, а періоду возвратнаго сближенія книжнаго языка съ народнымъ— періодъ сближенія книжной литературы съ народною словесностью».

Если съ нѣкоторыми положеніями покойнаго академика, высказанными въ этомъ сочиненіи, нельзя вполнѣ согласиться, если нѣкоторыя изъ нихъ уже требуютъ значительныхъ измѣненій, то

тѣмъ не менѣе каждый признаетъ, что его трудомъ, которому предшествовало только сочиненіе Каткова «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», указанъ новый путь для занимающихся исторіею отечествнннаго языка, что имъ положено начало его сравнительно-исторической грамматики, которая изъ обломковъ древняго языка нашихъ предковъ, сохраняющихся въ устной рѣчи и въ письменныхъ памятникахъ, слѣдя за послѣдовательнымъ развитіемъ его строя и происходившихъ въ немъ измѣненій, быть можетъ, возсоздастъ намъ его когда либо въ органической полнотѣ.

Избранный въ члены Императорскихъ обществъ: Русскаго Географическаго (1847) и Русскаго Археологическаго (1850), Срезневскій не только въ продолженіе многихъ лѣтъ оставался ревностнымъ вкладчикомъ въ ихъ изданія, но и нѣкоторое время былъ въ нихъ руководителемъ въ качествѣ управляющаго въ первомъ изъ этихъ обществъ отдѣленіемъ этнографіи, а во второмъ отдѣленіемъ русской археологіи, удѣляя на это остатокъ своего досуга отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ должностей, имъ на себя принимаемыхъ. Такъ, онъ исполнялъ обязанности члена экзаменаціоннаго комитета, состоявшаго при университетѣ (1849 — 50), члена комитета правленія Академіи Наукъ (съ 1 сентября 1851 по 6 сентября 1857), инспектора частныхъ пансіоновъ и школъ въ С.-Петербургѣ (съ 5 сентября 1851 по 10 іюля 1857) и члена ученаго комитета главнаго правленія училищъ (съ 28 іюля 1856 по 7 октября 1859 г.).

Въ повременныхъ изданіяхъ Географическаго общества Срезневскій помѣстилъ, начиная съ 1849 года по 1856-й [1]), слѣдующія болѣе выдающіяся статьи: Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка, собранныхъ въ обществѣ и давшихъ ему поводъ сообщить краткій очеркъ того, что было до сихъ поръ сдѣлано у насъ по этому предмету и начертить планъ какъ

[1]) Черезъ десять лѣтъ, въ 1866 году, онъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Географическаго общества «Замѣчанія къ отзыву этнографа Клемма о Лужичанахъ (Вендахъ) саксонскихъ».

слѣдуетъ составить полную географію русскаго языка, въ которой были бы съ точностію опредѣлены границы и пространство его нарѣчій и говоровъ, а также и характеристика ихъ; Русь Угорская; Слѣды древняго знакомства Русскихъ съ Южной Азіей, въ которой объяснено сказаніе Ибн-Кхордадбега († 912) о торговлѣ Русскихъ Славянъ съ Арабами въ IX вѣкѣ; Юго-западные Славяне, составляющая какъ бы объяснительный текстъ къ подробной этнографической картѣ земель, занимаемыхъ юго-западными Славянами, представляющими, по словамъ Срезневскаго, «не одинъ нераздѣльный народъ, а народную массу, разбитую на нѣсколько осколковъ столько же однородныхъ, сколько и заглушающихъ въ себѣ чувство однородности подъ пепломъ давности и наносности внѣшнихъ обстоятельствъ», и Воспоминаніе о Н. И. Надеждинѣ, дружескія отношенія къ которому нисколько не повліяли на правильную оцѣнку какъ его дѣятельности главнымъ образомъ въ средѣ Географическаго общества, такъ и напечатанныхъ имъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ изслѣдованій. Въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Археологическаго общества, начиная съ 1851 по 1872 годъ, кромѣ многихъ мелкихъ статей, онъ напечаталъ: Збручскій истуканъ краковскаго музея, который былъ принимаемъ нѣкоторыми за русское изображеніе Святовида и въ которомъ покойный академикъ не находилъ ничего особенно славянскаго и потому колебался причислить его къ числу славянскихъ древностей; Чтеніе въ память П. С. Савельева; Древніе глаголическіе памятники— довольно подробное ихъ описаніе, съ указаніемъ особенностей языка и обширными выписками изъ нихъ, переписанными и кириллицею; Древній византійскій ковчежецъ — обстоятельное описаніе драгоцѣннаго остатка древности, хранящагося въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора, сдѣланнаго при императорѣ Константинѣ Дукѣ до 1061 года и служившаго дарохранительницею. По порученію Археологическаго общества Измаилъ Ивановичъ издалъ Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, по списку, находящемуся въ такъ называемомъ Силь-

вестровскомъ сборникѣ XIV вѣка. Сличеніе этого текста съ текстомъ сказаній, находящимся въ 24 рукописяхъ, отъ XII до XVII вѣка включительно, дало возможность очистить его отъ ошибокъ писца. Кромѣ общаго палеографическаго обозрѣнія сборника, Срезневскій описалъ также и всѣ статьи, въ немъ заключающіяся. Каждое изъ приведенныхъ сочиненій и изданій имѣло свое достоинство и для своего времени представляло много новыхъ данныхъ. Изъ дѣятельности покойнаго академика въ кругу Археологическаго общества слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ его командировкахъ, исполненныхъ по порученію общества въ 1867 году: на международный археологическій съѣздъ въ Антверпенъ, а за тѣмъ въ Кіевъ по случаю изданія рисунковъ съ фресокъ и мозаикъ Софійскаго собора.

Почти одновременно съ поступленіемъ въ члены ученыхъ обществъ, Срезневскій 1 ноября 1851 года былъ избранъ въ экстраординарные академики, по прошествіи трехъ лѣтъ (4 ноября 1854) — въ ординарные, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого избранія послѣдовало и утвержденіе его ординарнымъ профессоромъ университета (13 апрѣля 1855 г.).

Чтобы болѣе положительно опредѣлить значеніе академической дѣятельности Срезневскаго, безспорно, въ высшей степени и любопытной и плодотворной, и сохранить цѣльность производимаго ею впечатлѣнія, мы, прежде чѣмъ перейти къ ея очерку, рѣшились сказать нѣсколько словъ о всѣхъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ разновременно въ сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ. Какъ эти статьи, такъ и всѣ изслѣдованія, помѣщавшіяся въ изданіяхъ Академіи Наукъ, почти исключительно имѣли предметомъ обнародованіе и объясненіе памятниковъ древней славянской и русской письменности и рѣшеніе разныхъ археологическихъ вопросовъ. Статьи археологическаго содержанія покойный академикъ помѣщалъ, кромѣ Извѣстій Археологическаго общества, еще въ Христіанскихъ Древностяхъ, выходившихъ подъ редакціею В. А. Прохорова. Здѣсь, въ теченіе 1862—64 годовъ, были напечатаны Срезневскимъ: Парижскій списокъ

словъ св. Григорія Назіанзина; Менологій императора Василія; Древній русскій календарь по мѣсячнымъ Минеямъ XI—XIII вѣка; Древнія изображенія св. князей Бориса и Глѣба — сколько ихъ доселѣ извѣстно, начиная съ XII вѣка, съ присоединеніемъ къ описанію изображеній любопытныхъ замѣчаній о княжескихъ одеждахъ и уборахъ; Древнія русскія книги — небольшой, доступно изложенный очеркъ о русской палеографіи, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о матеріалѣ, употреблявшемся для рукописей, о способѣ ихъ написанія, о составѣ чернилъ, о почеркахъ, о тайнописи, о писцахъ и рисовальщикахъ, наконецъ, о слѣдахъ въ рукописяхъ древняго русскаго языка въ употребленіи звуковъ и грамматическихъ формъ; Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ IX—XII вв. Всѣ эти статьи, особенно послѣдняя, заключавшая свѣдѣнія о памятникахъ дотолѣ неизвѣстныхъ, были замѣчены изслѣдователями. Въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Срезневскій помѣстилъ очень любопытный и замѣчательный этюдъ, подъ заглавіемъ: Роженицы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ. Въ Русской Бесѣдѣ онъ напечаталъ разборъ церковно-славянскаго словаря Востокова, гдѣ привелъ изъ рукописей нѣкоторыя слова, его дополняющія. На страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія явились: Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи — статья, составляющая введеніе къ его курсу палеографіи; О русскомъ правописаніи; О научныхъ упражненіяхъ студентовъ; Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности. Въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, издаваемомъ въ Варшавѣ, Срезневскій помѣстилъ статью: Былина о судѣ Любуши, въ которой отступилъ нѣсколько отъ прежде заявленнаго имъ мнѣнія о древности этого памятника и уже относилъ его къ XI—XII вѣку. Въ Братскую Помочь онъ далъ біографическій очеркъ Вука Стефановича Караджича, нѣсколько измѣненный и дополненный сравнительно съ прежде напечатаннымъ. Въ «Древности» — повременное изданіе Московскаго Археологическаго обще-

ства—онъ сообщилъ небольшую, но любопытную статью: древнія изображенія великаго князя Владиміра и великой княгини Ольги. Въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» въ статьѣ: «Свѣдѣнія о современной Сербіи» онъ познакомилъ съ книгою Милечевича «Кнежевина Србија», которая принадлежитъ къ весьма замѣчательнымъ явленіямъ въ сербской литературѣ и представляетъ обширное, полное и подробное описаніе Сербской земли и Сербскаго народа въ географическомъ, археологическомъ, историческомъ, этнографическомъ, статистическомъ и культурномъ отношеніяхъ.

Принимая живое участіе въ бывшихъ у насъ доселѣ археологическихъ съѣздахъ, онъ помѣстилъ въ Трудахъ первыхъ трехъ нѣсколько не безъинтересныхъ статей. Сверхъ того разныя мелкія статьи были имъ помѣщены въ Сѣверной Пчелѣ, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ Русской Старинѣ.

Статьи, печатавшіяся въ Часописѣ чешскаго музея, Даницѣ, Годишњакѣ, въ Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie, въ Starine, въ Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku, въ Archiv für slavische Philologie и др., большею частью, или сокращенія или переводы явившихся прежде на русскомъ языкѣ.

Немедленно по вступленіи своемъ въ Императорскую Академію Наукъ, Срезневскій принялъ участіе въ издаваемыхъ ею Опытѣ обще-сравнительной грамматики русскаго языка и Опытѣ областнаго великорусскаго языка—въ первомъ трудѣ совѣтами, устранившими изъ него недостатки и ошибки, а во второмъ—разборомъ пригодности доставленнаго матеріала, при чемъ имъ самимъ значительно дополнены собранія словъ по Иркутской губерніи. Это участіе, болѣе существенное, чѣмъ оно могло бы показаться съ перваго взгляда, было удостоено Высочайшаго благоволенія (3 апрѣля 1852 г.) Съ окончаніемъ этихъ трудовъ, по мысли и предложенію покойнаго академика, начаты были при Отдѣленіи подъ его редакціею: нѣчто въ родѣ повременнаго изданія, подъ заглавіемъ: Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, и сбор-

никъ озаглавленный: Ученыя Записки 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Извѣстія продолжались съ 1852 по 1863 годъ (ихъ вышло десять томовъ), а Ученыя Записки съ 1854 по 1863 годъ (ихъ вышло семь книгъ). Не смотря на спеціальность содержанія Извѣстій, они обратили на себя вниманіе и были очень распространены, такъ что въ настоящее время нѣкоторые ихъ томы стали большою рѣдкостію. Это объясняется какъ интересомъ и разнообразіемъ ихъ содержанія, такъ и обиліемъ приложеній, заключавшихъ въ себѣ: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, Выборъ изъ произведеній современныхъ писателей и Матеріалы для словаря сравнительнаго и объяснительнаго. Въ Извѣстіяхъ принимали участіе, кромѣ членовъ Отдѣленія, его корреспонденты и посторонніе ученые, однимъ словомъ почти всѣ наличныя силы того времени по славянской филологіи и исторіи отечественной словесности, силы, которыя редакторъ умѣлъ сплотить и вызвать къ дѣятельности. Посредствомъ Извѣстій было пущено въ оборотъ много здравыхъ мыслей по славяно-русской филологіи, для которой они преимущественно служили органомъ, было сообщено много неизвѣстныхъ дотолѣ памятниковъ письменности, было предложено много догадокъ, которыя послѣдующими изысканіми оправданы и признаны действительными фактами. Въ этомъ заключается значеніе изданія и заслуга редактора. И до сихъ поръ Извѣстія не потеряли своей ученой цѣны, не смотря на то, что со времени ихъ прекращенія наука сдѣлала огромные успѣхи.

Въ Извѣстіяхъ живымъ отдѣломъ былъ отдѣлъ библіографіи, который почти весь принадлежалъ перу покойнаго академика. Въ немъ помѣщались отзывы, правда, краткіе, но всегда на столько достаточные, чтобы получить понятіе о содержаніи сочиненія или изданія, вышедшаго какъ у насъ, такъ и за-границею по части историко-филологической литературы. Благодаря этому отдѣлу, началось у насъ болѣе близкое знакомство съ учеными трудами южныхъ и западныхъ Славянъ, и ему въ извѣстной мѣрѣ мы обязаны распространеніемъ въ обществѣ положительныхъ свѣ-

дѣній объ исторіи и литературѣ нашихъ соплеменниковъ. Всего въ 10 томахъ Извѣстій было разсмотрѣно около 600 сочиненій, самаго разнообразнаго содержанія. Нѣсколько капитальныхъ изслѣдованій самого Срезневскаго было также помѣщено въ Извѣстіяхъ. Таковы: О глаголитской письменности, въ которомъ академикъ старался подтвердить свое положеніе, что глаголица изобрѣтена въ Болгаріи или близъ ея какимъ нибудь сектаторомъ, противившимся ученію Кирилла; О договорахъ князя Олега съ Греками, гдѣ представлено нѣсколько замѣчаній о договорной грамотѣ 907 года, какъ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго языка; Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ, въ которыхъ академикъ, устранивъ изъ числа несомнѣнныхъ лѣтописцевъ попа Іоанна и пономаря Тимоѳея, высказалъ мысль, что лѣтописцевъ было много, что они жили одинъ вслѣдъ за другимъ или даже и въ одно время, одни въ X—XI вѣкѣ, другіе въ XII, XIII и т. д., и что въ новгородскихъ лѣтописяхъ замѣтно разнообразіе составныхъ частей, что до нѣкоторой степени доказываетъ и разность ихъ языка; Древнія жизнеописанія русскихъ князей X—XI в., именно великаго князя Владиміра и князей Бориса и Глѣба; Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго,—статья, въ которой академикъ старался доказать существованіе у насъ до X вѣка лѣтописей и лѣтописцевъ; Договоры съ Греками—весьма любопытное изслѣдованіе, представляющее разборъ языка договоровъ со стороны этнографической въ отношеніи къ словамъ и выраженіямъ, которыми обрисовывается мысль и бытъ народа. Относительно языка договоровъ съ Греками покойный сочленъ пришелъ къ заключенію, что онъ есть смѣсь русскаго, старославянскаго и греческаго; что русскій элементъ языка договоровъ не есть исключительно славянскій, и что изъ терминовъ, употребленныхъ въ договорахъ, можно считать русскими только тѣ, которые встрѣчаются въ другихъ русскихъ памятникахъ или являются общеславянскими; Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами 1199 и 1263 гг.; Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера и нѣсколько

дополнительныхъ замѣчаній къ этому произведенію, которое не есть историческая повѣсть или сказаніе, а поэма въ прозѣ, похожая болѣе на былину, чѣмъ на книжный разсказъ; Слѣды глаголицы въ памятникахъ X-го вѣка,—найденные въ спискахъ договорныхъ грамотъ Игоревой и Святославовой и дающіе поводъ заключать, что славянскіе переводы этихъ двухъ грамотъ были писаны кириллицею и глаголицею; Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.,—статья, въ которой покойный академикъ высказалъ догадку, что въ нынѣшнемъ населеніи южной Россіи лежатъ слѣды довольно древнихъ элементовъ славянорусскихъ разныхъ вѣковъ, смѣшанныхъ съ тюркскими; Грамота великаго князя Мстислава и Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года, съ приложеніемъ двухъ другихъ грамотъ князя Всеволода и извѣстій о Юрьевскомъ Евангеліи 1120—1128 гг.,—прекрасно и отчетливо написанное изслѣдованіе; Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ, которыми Срезневскій подтвердилъ прежде высказанную имъ мысль, что десятисложный двустопный стихъ, гдѣ въ первой стопѣ четыре слога, а во второй шесть (или и на оборотъ), должно считать исконнымъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, а не одной сербской народной поэзіи; Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ—тепло написанная біографія этого чешскаго дѣятеля, много потрудившагося надъ собираніемъ и изданіемъ древнихъ памятниковъ устной и письменной литературы своей родины и сердечно расположеннаго къ Россіи и Русскимъ; Древніе памятники русскаго письма и языка, общее повременное обозрѣніе, требовавшее, не смотря на механическіе, такъ сказать, пріемы, много и ученой работы, скрывающейся отъ посторонняго глаза. Оно вышло потомъ отдѣльнымъ изданіемъ и составляетъ настольную книгу для справокъ у каждаго, занимающагося исторіею русской литературы, исторіею отечественнаго языка и славяно-русскою палеографіею, такъ какъ это изданіе было снабжено многими выписками изъ рукописей и превосходно исполненными снимками съ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Здѣсь же въ Извѣстіяхъ Срезневскій

помѣстилъ нѣсколько дополненій къ церковно-славянскому Словарю Востокова.

Въ Ученыхъ Запискахъ Срезневскій напечаталъ два обширныя изслѣдованія, до сихъ поръ остающіяся въ нашей литературѣ единственными: «Повѣсть о Царьградѣ» и «Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина». Повѣсть о Царьградѣ, состоящую изъ двухъ отдѣльныхъ сказаній: одного объ основаніи Цареграда, а другаго о взятіи его Турками въ 1453 году, покойный академикъ сличилъ съ византійскими, западно-латинскими и нѣкоторыми восточными памятниками, повѣствующими объ этомъ важномъ событіи и ему современными, а въ примѣчаніяхъ сообщилъ нѣсколько матеріаловъ для оцѣнки и объясненія Повѣсти въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Хожденіе или Записки Аѳанасія Никитина о его странствіяхъ по Персіи и Индіи въ 1466—72 гг. представляетъ памятникъ въ своемъ родѣ единственный. Эти записки—одно изъ древнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ Европейцами въ Индію, — имѣютъ обще-европейское значеніе. При пересказѣ содержанія путешествія Никитина, Срезневскій пользовался для объясненія его текста сказаніями нѣкоторыхъ современниковъ и сверхъ того, въ видѣ введенія въ свой трудъ, предпослалъ ему очеркъ знаній Русскимъ народомъ странъ и городовъ Закавказскаго и Закаспійскаго востока и обзоръ записокъ о востокѣ италіанскихъ и испанскихъ путешественниковъ XV вѣка. Съ прекращеніемъ изданій, выходившихъ подъ редакціею покойнаго академика, онъ свою дѣятельность, нисколько впрочемъ не уменьшившуюся, перенесъ въ Записки Академіи Наукъ и въ Сборникъ Отдѣленія, который замѣнилъ его прежнія повременныя изданія; но съ этого времени дѣятельность Срезневскаго приняла нѣсколько иной характеръ. Изученіе живой народной рѣчи и ея памятниковъ, занятія надъ рѣшеніемъ историческихъ и историко - литературныхъ вопросовъ отошли на самый задній планъ; выступили напередъ памятники древней славяно-русской письменности, подробное описаніе ихъ и изслѣдованіе по языку и содержанію, тщательное изданіе

ихъ по подлиннымъ рукописямъ и, вслѣдствіе того, самое внимательное изученіе палеографіи. Сверхъ того, съ этого времени становится замѣтнымъ устраненіе Срезневскимъ изъ своихъ изслѣдованій всякихъ предположеній, крайняя осторожность въ выводахъ и обобщеніяхъ фактовъ, строгая осмотрительность. Причину этого объяснить трудно; быть можетъ, она кроется въ свойствахъ личнаго характера покойнаго, скорѣе же въ новомъ направленіи занятій. Къ этому послѣднему періоду дѣятельности Срезневскаго относятся тѣ ученые его труды, которые на долго сохранятъ за собою почетное мѣсто въ лѣтописяхъ науки. Къ числу такихъ, по единогласному отзыву ученыхъ, принадлежатъ, какъ по числу изслѣдованныхъ памятниковъ, такъ по тщательности и обстоятельности изслѣдованія: «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» и «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма». Оба эти изданія дали огромный запасъ провѣренныхъ фактовъ и важныхъ наблюденій по исторіи языка.

Въ «Свѣдѣніяхъ» помѣщено болѣе или менѣе подробное описаніе 90 письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, начиная съ IX в., изъ которыхъ многіе открыты самимъ академикомъ. Простое перечисленіе этихъ памятниковъ могло бы показать какое богатство сосредоточено въ Свѣдѣніяхъ и сколько новыхъ и любопытныхъ матеріаловъ они представляютъ. Часть рукописей, преимущественно сохранившихся въ небольшихъ отрывкахъ, воспроизведена въ Свѣдѣніяхъ вполнѣ, а изъ другихъ сдѣланы довольно подробныя извлеченія. Каждое описаніе само по себѣ любопытно и для филолога и для палеографа; въ каждомъ встрѣчаются многочисленныя замѣтки, касающіяся языка рукописи; но нѣкоторыя изъ этихъ описаній отличаются особенною полнотой указаній и собранныхъ данныхъ, какъ напримѣръ: Глаголическій списокъ поученій Ефрема Сирина; Книга его поученій до 1288 года; Запись при книгѣ его поученій 1377 года и Списки древняго перевода поученій Ефрема Сирина; Златоструй XII вѣка; Служба св. Константину философу по восьми древнимъ спискамъ:

Древнее житіе Алексѣя человѣка Божія сравнительно съ духовнымъ стихомъ объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ; Псалтырь безъ толкованій русскаго письма XI в.; Греческая Иверская Кормчая IX—X вѣка, съ собраніями каноновъ и законовъ Іоанна Схоластика; Кормчая книга сербскаго письма 1262 года; Пандекты Никона Черногорца; Сказаніе о Софійскомъ храмѣ Цареграда въ XII в., оказавшееся произведеніемъ новгородскаго архіепископа Антонія, изъ Копенгагенскаго сборника стараго русскаго письма; Болгарскія грамоты и другія записи; Патерикъ Синайскій; Житіе Андрея юродиваго и пр. Къ Свѣдѣніямъ, для удобства пользованія ими, присоединены указатель словъ и указатель употребленія буквъ и звуковъ.

Изданная Срезневскимъ книга подъ заглавіемъ «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка» представляетъ драгоцѣнный сборникъ такихъ письменныхъ памятниковъ отъ XI-го до XIV вѣка, которые отличаются отъ другихъ памятниковъ того же времени послѣдовательнымъ употребленіемъ юсовыхъ гласныхъ. Ближайшее разсмотрѣніе рукописей этого разряда привело покойнаго академика къ тому вѣроятному заключенію, что, какъ у Славянъ, сохранившихъ въ употребленіи носовыя гласныя, такъ у Русскихъ и Сербовъ, утратившихъ эти гласныя, языкъ въ рукописяхъ самаго отдаленнаго времени былъ не чистый славянскій, а смѣшанный съ особенностями народнаго говора—и даже не одного, а нѣсколькихъ различныхъ. Обзоръ памятниковъ юго-западнаго юсоваго письма и общія о нихъ замѣчанія предпосланы тексту изданныхъ памятниковъ, изъ которыхъ наиболѣе любопытны и важны: Саввина книга евангельскихъ чтеній XI вѣка, Охридская рукопись евангельскихъ чтеній и Слѣпченская книга евангельскихъ чтеній XII в. Кромѣ указателя употребленія буквъ и звуковъ, къ книгѣ присоединенъ еще указатель календарный, или, точнѣе, мѣсяцесловъ святыхъ, упоминаемыхъ въ напечатанныхъ текстахъ.

Большая часть письменныхъ памятниковъ, помѣщенныхъ и описанныхъ въ этихъ двухъ сборникахъ, была найдена или подробно изучена покойнымъ сочленомъ во время его многократныхъ путешествій какъ по разнымъ мѣстностямъ Россіи, такъ и по Западной Европѣ[1]). Эти путешествія дали ему возможность сблизиться со многими учеными, войти съ ними въ общеніе, а главное—собрать богатые матеріалы для славяно-русской палеографіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ Срезневскій съ особенною любовью занимался этимъ трудомъ; онъ былъ предметомъ его университетскихъ лекцій и, отданный теперь въ печать, безъ всякаго сомнѣнія, займетъ въ наукѣ видное мѣсто, такъ какъ ему у насъ предшествовало лишь нѣсколько довольно слабыхъ попытокъ.

Со времени вступленія своего въ Академію Наукъ Срезневскій былъ постоянно избираемъ въ члены коммиссій для разсмотрѣнія сочиненій, представлявшихся къ соисканію Демидовскихъ и Уваровскихъ наградъ, и для присужденія Ломоносовской преміи. Какъ члену этихъ коммиссій, ему нерѣдко были поручаемы для разсмотрѣнія сочиненія, и иногда по нѣскольку разомъ, и въ каждомъ своемъ отзывѣ о нихъ, даже самомъ краткомъ, онъ всегда умѣлъ указать на тѣ стороны предмета, на которыя авторомъ не было обращено вниманія, привести новыя данныя изъ своего богатаго запаса знаній, указать въ немногихъ словахъ мѣсто, которое займетъ сочиненіе въ наукѣ. Многіе изъ этихъ разборовъ представляютъ цѣлыя изслѣдованія, дополняющія въ значительной степени самыя сочиненія, на которыя они написаны. Къ числу такихъ принадлежатъ, напримѣръ, разборы сочиненій: П. И. Савваитова, «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, разныхъ доспѣховъ и конскаго при-

---

[1]) Онъ посѣтилъ съ ученою цѣлью Москву, Троицкую лавру, Ярославль, Вологду, Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, Рязань, Кіевъ и Вильну. За границею онъ былъ въ Германіи, Австріи, Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи и Даніи Всѣ эти поѣздки были совершены покойнымъ академикомъ съ 1856 года, а именно въ 1856, 58, 60, 65—67, 69, 70, 73—75, 77 и 79 годахъ.

бора», къ которому Измаилъ Ивановичъ приложилъ Общій списокъ словъ XVI—XVII вв. касательно одеждъ, вооруженія и проч. и выписки о словахъ, которымъ слѣдуетъ дать мѣсто въ словарѣ одеждъ и вооруженія, изъ памятниковъ XV и XVI вѣковъ; священника К. Т. Никольскаго, «Объ антиминсахъ православной русской церкви»; К. И. Невоструева, «Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка, съ изслѣдованіемъ о словѣ и о другой мнимой бесѣдѣ Ипполита о томъ же», къ которому Срезневскій присоединилъ слѣдующія двѣ статьи: а) Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ по рукописямъ, описаніе ихъ и выписки изъ нихъ, и б) Сказанія объ антихристѣ, приписанныя блаженному Ипполиту; И. А. Бодуэна де Куртенэ, «Опытъ фонетики Резянскихъ говоровъ». Въ коммиссію по присужденію Ломоносовской преміи покойный академикъ сообщилъ двѣ обширныя записки: «О трудѣ гг. Горскаго и Невоструева: Описаніе славянскихъ рукописей патріаршей, нынѣ синодальной библіотеки» и «О трудахъ (филологическихъ) профессора А. А. Потебни».

Не могу пройти молчаніемъ слѣдующія два изданія, исполненныя покойнымъ академикомъ по порученію Отдѣленія съ особенною любовью и тщательностію, вслѣдствіе того глубокаго уваженія, которое онъ питалъ къ патріарху русскихъ филологовъ: «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова» и «Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями», и не упомянуть о нѣкоторыхъ его статьяхъ, помѣщенныхъ большею частію въ послѣдніе годы въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ Отдѣленія. Одни заглавія этихъ статей указываютъ на разностороннюю дѣятельность академика, на то, что его занимало на склонѣ жизни. Здѣсь археологія смѣнялась исторіею литературы; жизнеописанія—филологіей; этнографія—палеографіей. Вотъ эти статьи, несомнѣнно интересныя во многихъ отношеніяхъ: «Русскіе калики древняго времени»; «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ»; «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неиздан-

ныхъ»; «Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій и о трудахъ д-ра А. Шлейхера»; «Воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія, митрополита кіевскаго»; «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма. Обозрѣніе русскихъ трудовъ по греческой палеографіи. Древнія христіанскія написи въ Аѳинахъ»; «Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патера: Чешскія глоссы въ Mater Verborum», въ которыхъ Срезневскій защищаетъ древность подложныхъ глоссъ, съ чѣмъ едва ли можно согласиться; «На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи»; «Фріульскіе Славяне».

До сихъ поръ я говорилъ о печатныхъ трудахъ покойнаго академика, но есть еще одинъ его трудъ, остающійся въ рукописи, а между тѣмъ необыкновенно важный, извѣстный многимъ и уже многимъ принесшій существенную пользу въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. При самомъ первомъ знакомствѣ съ рукописями Срезневскому пришла мысль выбирать изъ нихъ слова, или иначе—приготовлять матеріалъ для словаря. Съ постепеннымъ изученіемъ рукописей, а ихъ перебывало у покойнаго въ рукахъ не десятки, а сотни, увеличивался словарь трудами какъ его самого, такъ и тѣхъ лицъ, которымъ онъ поручалъ въ началѣ его составленія дѣлать извлеченія словъ изъ рукописей по заранѣе составленному имъ плану и по его указаніямъ. Въ настоящее время онъ представляетъ массу лексическаго матеріала, написаннаго на карточкахъ. Общее желаніе—какъ можно скорѣе видѣть словарь напечатаннымъ. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ уже вызвалось принять на себя его изданіе. Безъ всякаго сомнѣнія, трудъ нашего покойнаго сочлена, которому онъ посвятилъ десятки лѣтъ своей жизни и который составлялся имъ по извѣстнымъ правиламъ, долженъ явиться въ свѣтъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ его оставилъ, безъ всякихъ измѣненій и дополненій. Можно надѣяться, что изданіе словаря, такъ давно ожидаемое и первый приступъ къ которому сдѣлалъ самъ покойный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ скоромъ времени осуществится.

Я представилъ здѣсь лишь самый сжатый очеркъ ученой дѣятельности И. И. Срезневскаго. Въ этомъ очеркѣ я нисколько не коснулся ни его обширныхъ сношеній съ учеными разныхъ странъ, сношеній въ высшей степени любопытныхъ и поучительныхъ, какъ всякая переписка образованныхъ людей, которые заняты рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ и которые отдаютъ этимъ вопросамъ первенство надъ всѣми другими, ни его дѣятельности какъ профессора университета, о которой бывшіе его слушатели сохраняютъ благодарную память за сообщеніе имъ яснаго и отчетливаго представленія о содержаніи науки, которую онъ излагалъ.

Насколько труды и изслѣдованія покойнаго академика, число которыхъ достигаетъ до 300[1]), содѣйствовали успѣхамъ и развитію науки—это было достойнымъ образомъ оцѣнено отечественными и заграничными учеными обществами 5-го апрѣля 1879 года, когда праздновали пятидесятилѣтній юбилей служенія Измаила Ивановича Срезневскаго наукѣ. Въ похвалахъ, которыми осыпали юбиляра въ этотъ день, не было нисколько преувеличенія; была одна правда. Дѣйствительно, Срезневскій является однимъ изъ насадителей у насъ славяновѣдѣнія и по всѣмъ отраслямъ этой обширной науки онъ оставилъ неизгладимые слѣды; имъ впервые изъяснены научно судьбы нашего отечественнаго языка; онъ открылъ большое число важныхъ и любопытныхъ древне-славянскихъ и русскихъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ и ознакомилъ съ ними ученый миръ; критическими изслѣдованіями и изданіемъ памятниковъ древней церковной письменности освѣтилъ многія стороны, какъ русской образованности того времени, такъ и православной славянской церкви; онъ значительно подвинулъ впередъ славяно-русскую палеографію; обогатилъ науку множествомъ новыхъ и блестящихъ положеній, извлеченныхъ изъ скуднаго иногда матеріала, вслѣдствіе умѣнья стать на правильную точку зрѣнія, или высказанныхъ

---

[1]) См. Приложеніе 5-е

сначала въ видѣ остроумныхъ и счастливыхъ соображеній; наконецъ, подъ ближайшимъ руководствомъ его образовалось нѣсколько поколѣній русскихъ ученыхъ славистовъ и педагоговъ, въ которыхъ онъ успѣлъ поселить полную преданность наукѣ и изъ которыхъ одни съ честію занимаютъ университетскія каѳедры, а другіе пользуются заслуженною извѣстностію какъ преподаватели и писатели.

Много было высказано лестнаго и относительно нравственныхъ качествъ И. И. Срезневскаго, оцѣнка которыхъ менѣе всего принадлежитъ современникамъ; но считаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь о похвалахъ ему за то, что онъ горячо отстаивалъ все, что считалъ справедливымъ и полезнымъ, за то, что гласно высказывалъ свои мнѣнія и убѣжденія, хотя бы они шли въ разрѣзъ господствовавшимъ мнѣніямъ, за то, что онъ принималъ живое участіе во всемъ, что касалось внутренней жизни университета и Академіи Наукъ, за ту одушевленную рѣчь, которая всегда была у него готова, когда слѣдовало показать значеніе трудовъ русскихъ ученыхъ и отвести имъ подобающее мѣсто въ наукѣ, наконецъ, за то, что онъ постоянно стоялъ, и стоялъ крѣпко, за честь, славу и интересы родины, за то, что онъ вѣрилъ въ будущую силу Русскаго народа и въ его способность къ труду, для которой требовалъ широкой свободы.

Почти до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни Измаилъ Ивановичъ интересовался наукою и не покидалъ своего оружія, какъ воинъ, честно исполняющій въ бою лежащій на немъ долгъ; смерть вырвала перо изъ рукъ нашего сочлена преждевременно, когда онъ могъ бы еще потрудиться для науки и быть ей полезенъ.

Наше образованное общество, всегда умѣющее цѣнить людей, приносящихъ пользу отечеству и честно ему служившихъ, съ особеннымъ торжествомъ, какъ здѣсь, такъ и въ первопрестольной нашей столицѣ, провожало прахъ покойнаго къ мѣсту его вѣчнаго успокоенія Рязанской губерніи въ село Срезнево, откуда шелъ его родъ.

Отъ этого задушевнаго чествованія только что отшедшаго дѣятеля вниманіе невольно переносится къ торжественнымъ днямъ 5—8 іюня, пережитымъ Москвою по случаю открытія въ ней памятника нашему великому поэту А. С. Пушкину.

На этомъ праздникѣ, на который сошлись люди мысли и чувства со всѣхъ концовъ Россіи, Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣло своихъ представителей, принимавшихъ въ немъ участіе живымъ словомъ. Старѣйшій изъ нашихъ университетовъ явился на этомъ торжествѣ достойнымъ представителемъ науки и еще разъ осязательно доказалъ, что въ немъ, какъ святыня, хранится уваженіе къ великимъ Русскимъ людямъ.

Московскій архипастырь, заключая свое слово, произнесенное по поводу открытія памятника поэту, высказалъ желаніе, чтобы «Господь посылалъ Россіи еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія». Къ этому пожеланію присоединимъ и мы свое. Дай Богъ, чтобы Россія, Академія Наукъ и другія ученыя учрежденія имѣли какъ можно болѣе лицъ подобныхъ И. И. Срезневскому; дай Богъ, чтобы сыны обширнаго Русскаго государства, обладающіе тѣми же достоинствами, какъ и покойный, безъ различія народностей, какъ можно въ большемъ числѣ являлись для занятія каѳедръ въ отечественныхъ храмахъ науки, но подъ условіемъ знанія русскаго языка и русской исторіи: ибо безъ этого знанія нельзя приносить пользу родинѣ, нельзя любить ее и уважать.

I-е ПРИЛОЖЕНІЕ.

Записка о путешествіи по заграничнымъ Славянскимъ землямъ.

(Составлена въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ).

Прежде всего предполагается прибыть въ Чехію (Богемію). Тутъ прожить по крайней мѣрѣ 6-ть мѣсяцевъ для ознакомленія съ чешской словесностью, языкомъ, древностями, исторіей, палеографіей и проч. Особенно войти въ сношенія и бесѣды съ тамошними учеными славянофилами: Шафарикомъ, Юнгманномъ, Ганкой, Челяковскимъ, Палацкимъ, и др. Всѣ они знакомы почти со всѣми славянскими языками, и потому у нихъ можно будетъ предварительно почерпнуть свѣдѣнія по этому предмету и, такъ сказать, оріентировать себя, равно какъ посовѣтываться какъ начать и продолжать дальнѣйшее путешествіе съ большей пользою и удобностью. Здѣсь осмотрѣть библіотеки: университетскую, народнаго музея и частныхъ лицъ (графовъ Ностицъ, князя Лобковича и друг.). Изъ Праги отправиться въ Моравію; побывать въ Оломюцѣ, Брно (Брюннѣ) и другихъ мѣстахъ; изучить моравское нарѣчіе, войти въ сношенія съ Бочекомъ, издающимъ Diplomatarium Moravicum, и Сушиломъ, издавшимъ моравскія народныя пѣсни, и осмотрѣть библіотеку и рукописи, принадлежащія Церрони.

Отсюда поѣхать въ Вѣну, гдѣ остановиться мѣсяца на два для бесѣдъ съ Копитаромъ, В. С. Караджичемъ и др. Первый можетъ быть полезенъ своими свѣдѣніями въ языкѣ словянскомъ (вендскомъ), а второй въ языкѣ сербскомъ; кромѣ того оба могутъ дать хорошія наставленія для путешествія по ихъ

родинѣ. Посѣтить библіотеки: придворную, университетскую, государственнаго архива, и др., въ коихъ пересмотрѣть славянскія рукописи, первопечатныя славянскія книги, бумаги, перевезенныя изъ Венеціи, которыя могутъ относиться ко времени пребыванія Венеціанъ въ Крыму, и другіе акты.

Изъ Вѣны, чрезъ Пресбургъ, отправиться въ Пестъ и Буду (Офенъ), гдѣ Колларъ, отличный знатокъ словацкаго языка, можетъ служить своими наставленіями въ немъ и для путешествія по Венгріи, особенно по Словаціи.

Потомъ проѣхать въ Штирію, Каринтію, Крайну и Кроатію: тутъ посѣтить Грецъ, Любляну (Лайбахъ) и другія мѣста и войти въ сношенія съ тамошними учеными: Ярникомъ (въ Моосбургѣ), Даинкомъ (въ Родгонѣ), сочинителемъ прекрасной вандской (sic) грамматики штирійскаго нарѣчія, Метелкомъ (въ Лайбахѣ, ординарнымъ профессоромъ языка и словесности славяновандской въ лицеѣ), Квосомъ (профессоромъ вандскаго языка въ Градецкомъ университетѣ), Кастелицемъ (въ Лайбахѣ, при лицеѣ), издателемъ Краинской Пчелы, Чопомъ (библіотекаремъ лайбахскаго лицея), сочинителемъ Историческаго обозрѣнія вандской литературы, Муркомъ (въ Градецѣ), издателемъ грамматики и словаря вандскаго языка по штирійскому нарѣчію, и др. Въ Лайбахѣ осмотрѣть богатое собраніе славянскихъ древностей, сдѣланное барономъ Цойсомъ. Въ этихъ земляхъ предполагается провести не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Изъ Лайбаха отправиться въ Тріестъ, гдѣ познакомиться съ тамошнимъ славянскимъ епископомъ Равникаромъ, отличнымъ вандскимъ писателемъ.

Отсюда поѣхать въ Венецію, гдѣ осмотрѣть библіотеку св. Марка, архива и армянскую, въ коихъ можно отыскать древнія славянскія рукописи, книги и т. д. Въ Миланѣ: Амбросіанская библіотека; въ Генуѣ заняться предметами, относящимися до пребыванія Генуезцевъ въ Тавріи. Въ Болоніи: публичная библіотека, гдѣ имѣются нѣкоторыя славянскія рукописи. Въ Римѣ: въ библіотекѣ барберинской осмотрѣть славянскій палимпсестъ, открытый Бобровскимъ; въ ватиканской — Каппоніевы таблицы, ру-

копись на далматинскомъ языкѣ отъ 538 — 1079 г., болгарскую рукопись XIII в., русскія рукописи, о коихъ упоминаютъ Альтеръ и Добровскій, и пр. и пр. и проч. Для поисковъ въ Италіи довольно будетъ двухъ мѣсяцевъ.

Изъ Италіи отправиться въ Далматію, Герцеговину, Рагузу, Скутари, Черногорье, Боснію, Сербію, Булгарію и Славонію. Здѣсь изучивъ языки сербскій и булгарскій съ ихъ нарѣчіями, войти въ сношенія съ туземными учеными: Аппендини (въ Рагузѣ, ректоръ коллегіума), сочинителемъ иллирійской грамматики, исторіи и исторіи литературы рагузской, Планчичемъ, ученымъ Славяниномъ, Сантичемъ (профессоромъ въ Задрѣ), Казначичемъ, знаменитымъ нынѣшнимъ Дубровницкимъ поэтомъ, Филипповичемъ (профессоромъ въ Дьяковѣ), Михали (заслуженнымъ профессоромъ въ Пожегѣ), Милутиновичемъ, Давидовичемъ (въ Крагуевцѣ) и др. Въ этихъ земляхъ предполагается пробыть 3 мѣсяца.

Изъ Славоніи отправиться въ Трансильванію, гдѣ посѣщать униторскія коллегіи, въ коихъ имѣются собранія разныхъ славянскихъ рукописей и книгъ.

Отсюда поѣхать къ Буковину: въ Сочавѣ узнать объ остаткахъ нѣкогда знаменитой библіотеки деспота Якова Базилидуса, собиравшаго и списывавшаго славянскія рукописи въ ватиканской библіотекѣ и другихъ мѣстахъ.

Изъ Буковины въ Галицію, гдѣ опредѣлить отношеніе языка тамошнихъ Руссняковъ къ языкамъ малороссійскому и бѣлорусскому. Посѣтить Галичь, Львовъ, въ коемъ осмотрѣть архивъ бернардинскаго монастыря, Тарнобрегъ, мѣстечко графа Тарновскаго, у коего имѣются старинныя русскія грамоты и разнаго рода акты; Перемышль, въ которомъ осмотрѣть городской архивъ, Ярославъ, Сеняву, Романовъ, и потомъ отправиться въ Карпаты, гдѣ изучить языкъ Карпато-Россовъ.

Отсюда поѣхать въ сѣверо-западную Венгрію, заселенную Словаками: изучить языкъ словацкій. Въ Кошовѣ войти въ сно-

шенія съ членами академіи; посѣтить Кремницъ, Шемницъ, Нитру, Турочь, Тренчинъ, и др.

На путешествіе по Трансильваніи, Буковинѣ, Галиціи и сѣверо-западной Венгріи полагается 4 мѣсяца. Изъ Словаціи отправиться въ Силезію для опредѣленія отношеній языковъ чешскаго и словацкаго къ польскому. Въ Бреславлѣ осмотрѣть библіотеку.

Изъ Силезіи направить путь въ Лузацію, гдѣ изучить языкъ Сербовъ-Вендовъ и войти въ сношенія съ тамошними учеными. Далѣе въ Саксонію, гдѣ заняться поисками объ остаткахъ Славянъ въ этой землѣ. Посѣтить Мерзебургъ, гдѣ были епископы Бозо и Варнеръ, обращавшіе Славянъ въ христіанскую вѣру въ X вѣкѣ; Готу, въ коей осмотрѣть находящуюся въ архивѣ чрезвычайно замѣчательную переписку между царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ и готскимъ герцогомъ Эрнестомъ Карломъ; Кобургъ: тутъ находятся какія-то изображенія съ славянскими надписями; Вольфенбиттель: осмотрѣть тамошнюю знаменитую библіотеку; Ганноверъ: свесть знакомство съ Перцомъ, издателемъ Monumenta Germaniae historica, Гротефендомъ, извѣстнымъ филологомъ и изыскателемъ древностей, и др. Въ Бременѣ, Любекѣ и Гамбургѣ заняться изысканіями о торговлѣ тамошнихъ Славянъ и сношеніяхъ Ганзы съ Новымъ-городомъ. Въ Шверинѣ осмотрѣть описанныя Машомъ и др. славянскія древности. Въ Висмарѣ побывать въ архивѣ, а въ Ростокѣ повидаться съ профессоромъ Шретеромъ, описавшимъ славянскія древности. На островѣ Рюгенѣ осмотрѣть развалины Арконы. Въ Ней-Стрелицѣ заняться тамошними славянскими древностями. Въ Олавѣ, близъ Данцига, осмотрѣть архивъ кашубскаго города Лауенбурга. Отсюда отправиться въ великое герцогство Познанское, гдѣ заняться тамошнимъ польскимъ языкомъ. На путешествіе по Силезіи, Лузаціи и сѣверной Германіи достаточно 3-хъ мѣсяцевъ. Изъ Познани поѣхать въ Варшаву, гдѣ свесть знакомство съ Линде, Мацѣевскимъ и Кухарскимъ, занимающимися славянскими литературою, языкомъ и исторіей. На пути

изъ Варшавы въ Москву осмотрѣть Бѣлоруссію, изучить ея языкъ и показать отношеніе его къ великороссійскому и малороссійскому.

II-е ПРИЛОЖЕНІЕ.

Выписка изъ донесенія декана 1-го отдѣленія философскаго факультета, профессора Артемовскаго-Гулака, объ измѣненіи проекта, составленнаго Московскимъ университетомъ, о путешествіи молодаго ученаго за-границу для изученія славянскихъ нарѣчій.

«Находя весьма полезнымъ для молодаго путешественника прожить въ Богеміи, и преимущественно въ Прагѣ, по крайней мѣрѣ 6-ть мѣсяцевъ, я полагаю на путешествіе въ Моравію, Вѣну, Венгрію, Штирію, Каринтію, Крайнъ и Кроацію трехмѣсячный срокъ чрезвычайно малымъ, тѣмъ болѣе, что цѣль предполагаемаго путешествія не есть живописное обозрѣніе видовъ физической природы, часто схватываемыхъ на лету и переносимыхъ карандашемъ въ дорожный портфель по первымъ впечатлѣніямъ, но основательное изученіе языка или нарѣчія страны, ея исторіи, древностей, памятниковъ письменности и, сверхъ того, знакомство съ учеными славенофилами, которое конечно не должно ограничиваться однимъ любопытствомъ минутнаго свиданія, но повторительными сношеніями по предмету глубокихъ филологическихъ разысканій. По моему мнѣнію, на обзоръ помянутыхъ странъ потребно по крайней мѣрѣ 4 мѣсяца, изъ коихъ не менѣе полутора должны быть посвящены осмотру славянскихъ письменныхъ достопамятностей въ Вѣнѣ. Отправленіе изъ Лайбаха въ Тріестъ, мнѣ кажется, развѣ потому только необходимо, что изъ сего послѣдняго надобно будетъ отправиться моремъ въ Венецію, ибо Тріестъ собственно, въ отношеніи къ цѣли предназначаемаго путешествія, не обѣщаетъ никакихъ важныхъ результатовъ, кромѣ знакомства съ епископомъ Равникаромъ,

если только онъ находится въ живыхъ. Городъ Тріестъ, какъ извѣстно, весьма важенъ по торговому движенію, по чрезвычайной дороговизнѣ квартиръ и т. п., а совсѣмъ не по богатству памятниковъ славянскаго быта и языка. Это тотъ городъ, о которомъ одинъ путешественникъ Славянинъ сказалъ: Że gdy połowa miasto spi, druga połowa czuwa, żeby spiących oszukać. — Гораздо полезнѣе будетъ нашему путешественнику, отправясь моремъ изъ Тріеста, посѣтить важнѣйшія прибрежныя мѣста полуострова Истріи, островъ Велліо, городъ Сееніо, острова Арбіо, Паго и другіе».

«Тамъ онъ найдетъ разительные слѣды быта, языка, обычаевъ и физіогноміи Славянъ, сходство ихъ съ языкомъ, а отчасти съ обычаями и самою одеждою нашихъ Малороссовъ. Путешествіе въ Италію должно, кажется мнѣ, ограничиться двумя главными пунктами: Венеціею и Римомъ, и для этого, дѣйствительно, достаточно будетъ 2-хъ мѣсяцевъ. Но поиски въ Миланѣ, Генуѣ и Болоньѣ не могутъ принести нашему путешественнику той пользы, какую, повидимому, можно бы было предполагать отъ посѣщенія этихъ городовъ, — да и двухмѣсячнаго срока для этого было бы вовсе недостаточно. Къ тому жъ обязать путешественника изслѣдованіями въ Генуѣ касательно владычества Генуезцевъ въ Тавріи значило бы отвлечь его отъ прямаго предмета его занятій и слѣдовательно замедлить успѣхи самаго путешествія».

«Трехмѣсячный срокъ на путешествіе изъ Италіи въ Далмацію, Герцеговину, Рагузу, Скутари, Черногорье, Боснію, Сербію, Булгарію и Славонію, по мнѣнію моему, такъ малъ, такъ стѣснителенъ, что его едва достало бы молодому путешественнику и тогда, когда бы былъ онъ посылаемъ не съ цѣлію ученою, но единственно въ объѣздъ этихъ странъ съ цѣлію только взглянуть на нихъ. Независимо отъ времени, потребнаго на изученіе языка и памятниковъ каждой изъ нихъ, должно принять во вниманіе и то, что эти страны не Австрія или Богемія, какъ въ физическомъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ; что нашему

путешественнику не разъ придется бороться съ природою и людьми, и что подобная борьба потребуетъ отъ него пожертвованія и терпѣніемъ, и временемъ. Основываясь на этомъ, думаю, что 6-ти мѣсячное пребываніе его въ помянутыхъ странахъ будетъ едва достаточнымъ для него срокомъ. Не говорю уже о томъ, что кажется полезнѣе бы было извѣдать прежде вышепоказанныя страны, а потомъ уже отправиться въ Венецію и Римъ. Хотя на путешествіе по Трансильваніи, Буковинѣ, Галиціи, Словаціи и къ Карпатороссамъ четырехмѣсячный срокъ можетъ быть достаточнымъ, но въ теченіе этого срока терять время на путешествіе изъ Словаціи въ Силезію, единственно для опредѣленія отношеній языковъ чешскаго и словацкаго къ польскому, значило бы похищать оное у занятій несравненно полезнѣйшихъ, тѣмъ болѣе, что по изученіи языковъ чешскаго, словацкаго и польскаго можно будетъ весьма легко опредѣлить желаемыя между ними отношенія, не выходя изъ кабинета. Не несравненно ли полезнѣе будетъ нашему изыскателю остаться нѣсколько подолѣе въ Галиціи, и особенно въ Лембергѣ, гдѣ въ нынѣшнее время болѣе, нежели когда нибудь, занимаются изслѣдованіями по всѣмъ отраслямъ славянской старины, и неутомимо посѣщать славную тамошнюю публичную библіотеку графовъ Оссолинскихъ, въ которой онъ найдетъ богатую жатву для своихъ филологическихъ изслѣдованій, найдетъ и людей, готовыхъ помочь ему своими просвѣщенными совѣтами. Посѣтить Лузацію конечно будетъ полезно, но останавливаться лишнее время въ Саксоніи, Мерзебургѣ, Готѣ, Кобургѣ, Вольфенбиттелѣ, Ганноверѣ, Бременѣ, Гамбургѣ, Любекѣ, Шверинѣ, Висмарѣ, Ростокѣ не нахожу никакой особенной надобности. Не нахожу даже особенной пользы отправляться нашему путешественнику въ великое герцогство Познанское, если это только съ цѣлію изученія тамошняго польскаго языка: ибо въ этомъ случаѣ надлежало бы также отдѣльно изучиться нарѣчіямъ польскимъ: краковскому, мазовецкому или мазурскому и другимъ областнымъ. По этому на путешествіе въ Лузацію и обратный переѣздъ чрезъ Германію

въ Варшаву достаточно будетъ $2^1/_2$ мѣсяцевъ, остальные $1^1/_2$ мѣсяца онъ можетъ съ пользою употребить въ Варшавѣ, откуда проѣздомъ чрезъ Волынь и Кіевскую губернію въ Харьковъ онъ вникнетъ въ оттѣнки тамошняго малороссійскаго нарѣчія».

«Таковъ образъ моихъ мыслей на счетъ плана предполагаемаго путешествія по Славянскимъ странамъ. Къ изложенному по предмету онаго моему мнѣнію остается развѣ присовокупить то, что, каково бы ни было здѣсь на мѣстѣ начертаніе подобнаго плана, оно само собою, при исполненіи, должно будетъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ отъ обстоятельствъ, которыхъ здѣсь ни предвидѣть, ни опредѣлить невозможно, но которыя наилучше опредѣлятъ путевое направленіе и кругъ занятій нашего путешественника».

«Главное состоитъ въ томъ, чтобъ не обременять его, безъ нужды, такими порученіями, такими требованіями, которыя, не относясь прямо къ существенному предмету его назначенія, отвлекали бы его только отъ главной его цѣли и тѣмъ остановили на пути къ желаемому усовершенствованію его».

III-е ПРИЛОЖЕНІЕ.

Инструкція въ руководство г. адъюнкту Срезневскому, по случаю назначаемаго для него путешествія по Славянскимъ землямъ съ цѣлію изученія славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы.

Общій планъ этого путешествія, предварительно начертанный въ университетѣ, разсмотрѣнный и одобренный археографическою коммиссіею, нашему путешественнику долженъ быть извѣстенъ; въ немъ опредѣлены: время, страны и мѣстà, которыми имѣетъ ограничиться его путешествіе.

Въ этомъ отношеніи остается присовокупить, что, въ случаѣ имѣющей представиться путешественнику необходимости сдѣлать уклоненіе отъ указаннаго ему плана путешествія, онъ

долженъ объ этомъ по крайней мѣрѣ извѣстить совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, съ объясненіемъ причинъ, имѣющихъ побудить его къ таковому уклоненію.

Что жъ касается собственно до ученыхъ занятій его по предмету изученія славянскихъ нарѣчій, то они должны быть нѣсколько иначе расположены, нежели какъ этого требуютъ ученыя путешествія, предпринимаемыя по другимъ предметамъ и съ иною цѣлію. Обыкновенно (если только путешествіе предпринимается не съ цѣлію ученаго изслѣдованія природы) въ ученыхъ путешествіяхъ главнѣйшую необходимость составляютъ: пребываніе при разныхъ университетахъ, слушаніе лекцій и бесѣдъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ, занятіе въ библіотекахъ и изученіе лучшихъ сочиненій въ уединеніи кабинета, личное или письменное собесѣдничество съ учеными людьми, и т. д. Многія изъ этихъ средствъ усовершенствованія не могутъ быть примѣнены къ путешествію по Славянскимъ землямъ. Предметъ изученія славянскихъ нарѣчій и литературъ, въ истинномъ ихъ ученомъ значеніи, еще слишкомъ мало обработанъ; весьма немного можно встрѣтить ученыхъ, которые, по призванію, посвятили бы себя этому важному предмету. Какъ рѣдки въ этомъ отношеніи ученые, такъ рѣдки хорошія книги, руководства и пособія по этому роду занятій; а каѳедръ, учрежденныхъ по этому предмету и собственно для этой цѣли, кромѣ Россіи, нигдѣ, кажется, не находится. Все это само собою указываетъ уже нашему путешественнику на необходимость не столько заимочнаго, сколько самодѣятельнаго и самопроизводящаго способа ученія и усовершенствованія.

Предметъ занятій путешественника. Предметъ занятій путешественника должны составлять: во первыхъ, изученіе нарѣчій славянскаго языка; во вторыхъ, изученіе характеристики Славянскихъ народовъ, каждаго въ особенности. Въ первомъ отношеніи—изученіе нарѣчій должно быть теоретическое и практическое. Теоретическое изученіе славянскихъ нарѣчій, по крайней мѣрѣ едва ли не большей ихъ части, почти невозможно:

можно даже сказать, что оно не принесло бы ожидаемой въ этомъ случаѣ пользы. Вышеизъясненная причина явно доказываетъ невозможность подобнаго изученія, которое достигнуто можетъ быть не иначе, какъ при нужныхъ для того пособіяхъ, а пособій этихъ найти невозможно. Конечно, по многимъ, и даже почти по всѣмъ, славянскимъ нарѣчіямъ существуютъ уже нѣкоторыя пособія, какъ то лексиконы и грамматики, но эти лексиконы еще очень недостаточны; что же касается до грамматики, то извѣстно, что при первыхъ грамматикальныхъ попыткахъ къ опредѣленію формъ, свойствъ и духа каждаго языка нерѣдко вкрадываются въ начертываемыя по произволу правила самыя нелѣпыя заблужденія, которыя выдаются за непреложные законы; эти законы, будучи однажды приняты и затвержены, дѣлаются источникомъ новыхъ заблужденій и полагаютъ рѣшительную преграду къ прочному и основательному знанію. Наконецъ, лексиконы и грамматики, даже составленные съ умѣньемъ и добросовѣстностью, не составляютъ еще полной сокровищницы языковъ, богатствомъ которыхъ, при условіи обработанной ихъ литературы, можно воспользоваться изъ сочиненій, изданныхъ въ свѣтъ; но въ большей части славянскихъ нарѣчій богатство это есть почти исключительное достояніе общежительнаго, разговорнаго языка племеннаго. Однимъ словомъ, нарѣчія эти еще очень мало обработаны ученымъ образомъ и вовсе не готовы къ тому, чтобы изъ себя представить предметъ исключительнаго кабинетнаго занятія. Посему путешественникъ долженъ преимущественно обратить свое вниманіе на практическое изученіе племенныхъ славянскихъ нарѣчій. Плоды, собранные имъ на этой нивѣ, послужатъ для него навсегда неистощимымъ запасомъ въ дальнѣйшихъ его ученыхъ изслѣдованіяхъ: запасъ этотъ будетъ для него ключемъ новыхъ соображеній, новыхъ открытій, новыхъ истинъ въ области славянщины. Возвратясь въ отечество, занявъ въ немъ опредѣленное для себя мѣсто, онъ будетъ въ состояніи приводить въ стройный порядокъ и единство тѣ свѣдѣнія, которыми успѣетъ обогатиться въ чужихъ странахъ.

Но это практическое изученіе славянскихъ нарѣчіи не должно ограничиваться изслѣдованіемъ языка, употребляемаго однимъ извѣстнымъ классомъ народа одной извѣстной области: оно должно слѣдить за всѣми возможными оттѣнками его измѣненій по разнымъ провинціямъ, въ разныхъ сословіяхъ народа, котораго нарѣчіе путешественникъ изучать вознамѣрится.

Во второмъ отношеніи—узнаніе характеристики Славянскихъ народовъ должно составить предметъ особеннаго вниманія и заботливости путешественника: образъ жизни домашней и общественной, нравы, обычаи, степень образованія, древнія преданія и повѣрья, предразсудки, суевѣрія, игры, увеселенія, одежда, пища и т. п. составятъ неистощимый запасъ для предбудущихъ изслѣдованій и выводовъ путешественника, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археографическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Откуда жь почерпать свѣдѣнія по всѣмъ этимъ отношеніямъ? Какія книги, какіе ученые въ состояніи будутъ озарить эти важныя условія настоящимъ свѣтомъ и облегчить выполненіе оныхъ? Чтобы достигнуть до этого, путешественнику необходимо нужно будетъ прибѣгнуть къ практическому ученію, которое ему совѣтуемо было выше.

Нельзя однакожь безъ нарушенія справедливости остаться равнодушными къ важнымъ заслугамъ мужей, подвизавшихся съ честію и пользою на полѣ славянской литературы; нельзя не воздать дани достодолжной благодарности, по части общей славянщины, прекраснымъ трудамъ Шафарика, Копитара, Добровскаго, Ганки, Линде, Колляра, Мацѣёвскаго, Кухарскаго, Константина Экономида. Кто также не почтитъ чувствомъ признательности и вниманія то, что сдѣлали въ частности для каждой изъ нихъ, по польской словесности Линде, Бентковскій, Мрозинскій, Голембевскій; по чешской Ганка, Юнгманнъ; по сербской Вукъ Стефановичь и другіе? Основательное изученіе сихъ писателей принесетъ путешественнику несомнѣнную пользу. О словесности русской здѣсь уже и говорить не нужно, потому что путешественникъ самъ, какъ Русскій, не можетъ и не долженъ

не знать того, что для усовершенствованія языка русскаго и его литературы сдѣлано въ прежнее и новѣйшее время. Нѣкоторыя изъ сочиненій, относящихся даже къ частнымъ нарѣчіямъ, имѣютъ общее, весьма важное примѣненіе ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ: такими почесться могутъ словари Линде, Юнгманна и Рейфа; таковы и грамматики Востокова, Мрозинскаго и другихъ.

Распредѣленіе времени путешественникомъ. Изъ сказаннаго нельзя не видѣть, что нашъ путешественникъ долженъ распредѣлить время своихъ занятій такъ, чтобы всѣ дни, въ которые ему представится удобство совершать обходъ Славянскихъ земель, употреблены были имъ на практическое изученіе во всѣхъ вышеизъясненныхъ отношеніяхъ. На этомъ основаніи ему вмѣняется въ неизъятную обязанность вести самый подробный дневникъ его путешествія, гдѣ и самая мелочная наблюдательность останется не безъ пользы и должна въ ономъ занять опредѣленное мѣсто. Путешествуя по какой нибудь странѣ, онъ долженъ прежде всего стараться пріобрѣсть вѣрную и подробную карту оной и раздѣлить свое путешествіе сколь возможно систематически, по направленію рѣкъ, горъ и т. п. и по этимъ направленіямъ преслѣдовать все, могущее характеризовать эту страну. Почему онъ имѣетъ обратить вниманіе на физическое положеніе оной, на ея климатъ, на ея изобиліе или скудость въ дарахъ природы, на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и т. п., потому что всѣ эти воззрѣнія имѣютъ весьма важное значеніе въ опредѣленіи характеристики каждаго народа. Сверхъ того, онъ вникнетъ въ діалектическія свойства, отличающія языкъ или нарѣчіе этой страны отъ языка или нарѣчія другой; онъ вслушается въ смыслъ и духъ народныхъ пѣсенъ и въ мелодію ихъ напѣва; соберетъ преданія и сказки; замѣтитъ физіогномію племени. При такомъ условіи наблюдательности, само собою разумѣется, нашъ путешественникъ долженъ совершать свои ученыя экскурсіи пѣшкомъ, избирая для сего благопріятное въ году время: иначе, завися отъ тягостныхъ

условій почты и дилижансовъ, онъ перепорхнетъ только, такъ сказать, черезъ города, села и деревни, тщательное обозрѣніе которыхъ могло бы доставить обильную пищу его любознательности. Къ тому жь, изъ числа странъ, составляющихъ предметъ его изученія, есть и такія, посѣщеніе которыхъ нашъ путешественникъ и безъ того, по необходимости, долженъ будетъ совершать не иначе какъ пѣшкомъ, и минованіе которыхъ лишило бы его важныхъ пособій къ достиженію предположенной цѣли, въ отношеніи къ практическому изученію своего предмета. Посему лѣтнее время года онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣе еще изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселянина, сдружиться съ нимъ душой и бесѣдой и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ Славянина, не оставляя безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза; ибо, исключая собственно русскія и польскія страны, слова: *поселянинъ* и *Славянинъ* значатъ почти одно и тоже.

Изъ наблюденій этого рода путешественникъ составитъ любопытныя записки и отмѣтки. Зимнее же время, какъ наименѣе благопріятное къ подобнымъ путешествіямъ, онъ постарается проводить въ такихъ городахъ, пребываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно. Тамъ, съ помощію библіотекъ, богатыхъ собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужами, онъ повѣритъ свои наблюденія, на досугѣ приведетъ въ порядокъ и систему собранные имъ матеріалы.

При истеченіи каждаго полугодія, нашъ путешественникъ имѣетъ присылать на имя совѣта Императорскаго Харьковскаго университета подробный отчетъ въ своихъ занятіяхъ.

Путешественнику предоставляется право, въ случаѣ надобности, по предварительномъ сношеніи съ совѣтомъ университета, выписывать для библіотеки онаго нужныя по его части книги, археологическія рѣдкости, списывать рѣдкія и занимательныя рукописи, особенно имѣющія предметомъ своимъ общую или частную исторію Славянъ.

Въ случаяхъ, требующихъ защиты, покровительства или ходатайства, путешественникъ имѣетъ обращаться къ россійскимъ посланникамъ, консуламъ и повѣреннымъ, находящимся въ нѣкоторыхъ изъ городовъ, составляющихъ предметъ его путешествія. Для этого совѣтъ университета съ своей стороны имѣетъ исходатайствовать ему открытый листъ и просить начальство о предварительномъ сношеніи по сему предмету съ кѣмъ будетъ слѣдовать, а между тѣмъ и самъ снесется съ нѣкоторыми иностранными учеными славенофилами и будетъ просить ихъ содѣйствія въ дальнѣйшемъ его образованіи.

IV-е ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо В. В. Ганки къ С. С. Уварову [1]).

Ваше высокопревосходительство,
милостивѣйшій государь!

Прошедшей зимою мы имѣли удовольствіе видѣть въ кругу нашемъ двухъ молодыхъ ученныхъ, посланныхъ вашимъ высокопревосходительствомъ для изученія исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Одинъ изъ нихъ г. Прейсъ, другой г. Срезневскій. Оба съ одинаковою жаркою любовію къ ученнымъ занятіямъ, къ ихъ великому отечеству и Славянамъ, они не могли не внушить къ себѣ наше общее уваженіе и не увеличить нашего глубокаго сознанія въ томъ, съ какимъ искуствомъ ваше высокопревосходительство изволите избирать людей на службу отечеству и вашему министерству. Каждый изъ нихъ имѣетъ правда свое направленіе, свой взглядъ на предметъ своихъ занятій, но это еще болѣе намъ нравилось: отъ честнаго разнообразія направленій наука можетъ только выигрывать. Г. Прейсъ,

[1]) Оно собственноручное и печатается съ соблюденіемъ ороографіи Ганки.

глубоко зная языкъ древне-славянскій, церковный, разсматривая его въ отношеніи не только съ другими славянскими нарѣчіями, но и съ языками лат. и германскими, и всегда критико-исторически, занимается преимущественно славянской древностію, всю свою ученость направляетъ къ тому, чтобъ объяснить со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ отношеніяхъ, и все любопытное, наблюдаемое имъ въ настоящемъ, разсматриваетъ какъ пособіе для обясненія прошедшаго и какъ матеріялъ для показанія историческаго хода развитія. Г. Срезневскій напротивъ, предполагая, что знаніе историческое должно быть предупреждено знаніемъ настоящаго, какъ послѣдняго пункта движенія, тѣмъ болѣе важнаго, что въ немъ сохраняется болѣе или менѣе и прошедшее всѣхъ вѣковъ, посвятилъ себя преимущественно изученію славянскихъ нарѣчій, нравовъ и обычаевъ, преданій, литературы народной въ ихъ современномъ состояніи, во всѣхъ ихъ мѣстныхъ оттѣнкахъ. Одинъ археологъ, другой этнографъ; одинъ за древней хартіей, другой въ народѣ. И потомъ сходятся, повѣряютъ другъ другу свои наблюденія, взаимно уважая направленіе другъ друга. Говоря съ ними о ихъ дальнѣйшихъ путешествіяхъ, я и Шафарикъ не разъ замѣчали имъ, какъ бы полезно было для нихъ лично и вообще для славянской филологіи путешествовать вмѣстѣ: одинъ помагалъ бы другому, и при раздѣленіи труда дѣло бы шло и скорѣе, и лучше. Совѣты наши они слушали, но опредѣлительно не рѣшились ни на что и только увѣдомляли насъ о своихъ путешествіяхъ и предположеніяхъ каждый отдѣльно, слѣдуя своей спеціяльной цѣли. Теперь я получилъ письмо отъ г. Прейса, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о томъ, что вмѣстѣ съ Срезневскимъ предполагаетъ путешествовать по Истріи, Далмаціи и далматскимъ островамъ, Черногоріи и Сербіи. Между прочимъ высказываетъ свое сожалѣніе, что не можетъ продолжать путешествія съ Срезневскимъ по Болгаріи, Галиціи и Венгріи, потому что самъ еще имѣетъ почти годъ времени для путешествія, а Срезневскому въ сентябрѣ мѣсяцѣ оканчивается двухлѣтній срокъ, назначенный ему Харьковскимъ университе-

томъ на путешествіе. Это извѣстіе не могло насъ не огорчить. Не могу сомнѣваться, что г. Срезневскій, ободряемый увѣренностію въ покровительство, оказываемое наукамъ вашимъ высокопревосходительствомъ, не преминетъ самъ обратиться къ вашему высокопревосходительству со своею просьбою; я однако не могу также не присоединить къ его просьбѣ и мою собственную. Въ любви къ успѣхамъ славянской филологіи, исторіи и этнографіи я нахожу себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что рѣшаюсь употребить пріятельское извѣщеніе г. Прейса на пользу, какъ думаю, общую. Чувствую, что поступаю смѣло, безпокоя ваше высокопревосходительство, но вмѣстѣ не могу позволить (sic) себѣ таковой смѣлости, будучи вполнѣ увѣренъ, что дарованія и усердіе этихъ двухъ молодыхъ ученныхъ совершенно отвѣчаютъ ожиданіямъ вашего высокопревосходительства, и что отъ ихъ общаго дружественнаго стремленія къ цѣли можно надѣяться болѣе, нежели отъ нѣсколькихъ другихъ отдѣльныхъ путешественниковъ. При томъ же нигдѣ болѣе не нужна взаимная помощь, какъ въ путешествіи по такимъ странамъ, каковыя не только Болгарія, но даже и Галиція и Венгрія: одному путешествовать тамъ отчасти тоже опасно, не говоря уже о неудобствахъ, которыя переносятся легко только въ сообществѣ, и могущей приключиться путешественнику болѣзни и т. п. Г. Прейсъ, путешествуя одинъ, будетъ даже отчасти отвлеченъ отъ своей главной цѣли — памятниковъ письменныхъ, и все же будетъ на нее употреблять столько времени, что другая не менѣе важная цѣль славянскаго путешественника—изученіе народа останется имъ не вполнѣ обнятою. А между тѣмъ всѣ эти страны тѣмъ любопытнѣе для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, что очень мало извѣстны: лучшія описанія Венгріи написаны Чапловичемъ и Майлатомъ, но ни одинъ изъ нихъ ни филологъ, ни ученный, и книги ихъ сколько ни любопытны, но представляютъ ученному только случайные, краткіе, часто очень неудовлетворительные отвѣты на лингвистическіе и этнографическіе вопросы. О Галиціи не здѣлано и того; Булгарія и въ новѣйшемъ описаніи Буста изобра-

жена только по слухамъ, безъ знанія дѣла, чего нельзя и ожидать отъ иностранца, которому не былъ извѣстенъ языкъ страны, не былъ понятенъ характеръ жителей. Все это внушило мнѣ смѣлость обратиться къ вашему высокопревосходительству съ усердною просьбою, исполненіе которой важно для всѣхъ насъ, посвятившихъ жизнь свою на изученіе Славянъ, вниманіе къ которымъ въ нашъ вѣкъ было возбуждено вашимъ высокопревосходительствомъ. Къ тѣмъ бесчисленнымъ услугамъ, кои вы изволите оказать на поприщѣ познанія славянскаго міра, соизвольте присоединить еще одну, соизвольте дать средство продолжать Срезневскому и Прейсу ихъ путешествіе вмѣстѣ, продолживъ срокъ путешествія г. Срезневскаго. Запасы, которые соберутъ они во время своего путешествія, будутъ принадлежать не однимъ имъ, но и всѣмъ намъ, и ваше высокопревосходительство, указавши имъ путь и средства собирать ихъ, обяжете всѣхъ насъ, сколько ни желающихъ узнать Славянъ во всемъ ихъ пространствѣ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣдныхъ средствами путешествовать. Всего лучшаго мы ждемъ только отъ вашего великаго отечества и отъ просвѣщеннаго покровительства вашего высокопревосходительства; только въ Россіи, только ученными, находящимися подъ вѣденіемъ и руководствомъ вашего высокопревосходительства, можетъ быть исполнено то, что для насъ безъ этого останется еще на долго неисполнимымъ желаніемъ. Имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою

Вячеславъ Ганка.

Прага 16 (28) мая 1841.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вашему высокопревосходительству (которое можетъ быть еще не дошло) я забылъ доложить, что при немъ приложенные три экземпляра Вендицкой грамматики присылаю отъ имени сочинителя, моего ученника г. Іорда, который готовъ быть кандидатомъ въ славянское отдѣленіе; 2) что у меня маленькая библіотека важнѣйшихъ сочиненій

старой и новой литературы чешской, которую я готовъ уступить съ радостію упомянутому отдѣленію. Г. проф. Погодинъ хотѣлъ ее пріобрѣсть для Московскаго университета (каталогъ ея еще у него, и отъ сихъ поръ она нѣкоторыми книгами умножилась), но теперь уже три года, и я не получаю въ отвѣтъ ни да, ни нѣтъ. Слѣдовательно мнѣ возможно съ нею опять располагать. Сіе повторяю, не зная если догнало письмо мое г-жу Кралицкую, которая упомянутыя грамматики изволила взять собою (sic) въ Россію. На сихъ дняхъ правительство наше дало г. Шафарику, чтобъ его не отпустить въ Берлинъ, куда его на славянскую катедру призвано (sic), къ его жалованію 400 гул. сер. какъ цензору, еще 800 гул. сер. съ титуломъ сверхкомплетнаго (sic) кустоса. Это доброе знаменіе! небывалое.

V-е ПРИЛОЖЕНІЕ.

Списокъ сочиненій и изданій ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго [1]).

1831.

1. Украинскій Альманахъ. Харьковъ. 1831. 12°. 136 и 2 ненум. стр. Въ этомъ Альманахѣ помѣщено нѣсколько стихотвореній Срезневскаго, напр. Море (стр. 24 — 25), имъ, впрочемъ, не подписанныхъ.

1832.

2. Словацкія пѣсни. Харьковъ. 1832. 16°. 60 и 2 стр.

---

[1]) Сочиненія, при нумерахъ которыхъ находятся звѣздочки, представляютъ повторенія безъ всякой перемѣны, или съ самыми незначительными измѣненіями, прежде напечатанныхъ, а также части такихъ сочиненій, которыхъ заглавія приведены выше.

Указанія на нѣкоторыя сочиненія И. И. Срезневскаго были мнѣ обязательно доставлены членомъ корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ А. А. Котляревскимъ.

1833—1838.

3. Запорожская Старина. 2 части. Харьковъ. 1833—1838. 16⁰. Ч. 1-я. I, 1833—132 стр.; II, 1833—140 стр.; III, 1834—168 стр. Ч. 2-я. I, 1834—82 и 2 ненум. стр.; II, 1835—8 ненум., 184 и 2 ненум. стр.; III, 1838—12 ненум., 164 и 4 ненум. стр. Была выпущена въ свѣтъ еще 1-я книга 3-ей части, содержавшая въ себѣ лирическія пѣсни.

Оглавленіе «Запорожской Старины».

Брестскаго собора. 12. Пѣснь о Сагайдачномъ въ переводѣ. 13. Походы козаковъ противъ Татаръ и Турокъ. 14. Пѣснь о Савѣ Чаломъ въ переводѣ. 15. Сказанія о смерти Сагайдачнаго. 16. Сказанія о Кунцевичѣ. 17. Дума о Безродномъ въ переводѣ. 18. Привиллегіи, данныя Сигизмундомъ III Грекороссіянамъ. 19. Сказаніе Боплана о Койдакѣ. 20. Повѣсть Конисскаго объ убіеніи Остряницы и его товарищей. 21. Надгробная пѣснь Чураю въ переводѣ. 22. Дума о Полтара-Кожухѣ въ переводѣ. 23. Сказаніе Конисскаго о гетманѣ Гулакѣ. 24. Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова въ переводѣ.

Ч. 2-я, — I. Предисловіе.

Пѣсни и Думы: 1. Хмельницкій и Барабашъ. 2. Битва на Желтыхъ водахъ. 3, 4, 5. Морозенко. 6, 7. Походъ подъ Пиляву. 8. Битва Слуцкая. 9. 10. Походъ въ Молдавію. 11. Яссы. 12. Взятіе Бендеръ. 13, 14. Битва Жванецкая. 15, 16. Смерть Хмельницкаго 17. Пугачь. 18, 19. Пушкарь и Выговскій. 20, 21. Юрій Хмельниченко. 22, 23. Смерть Морозенка. 24. Палій въ темницѣ. 25. Палій въ Сибири. 26. Гордіенко. 27. Битва Полтавская. 28. Палій подъ Полтавой. 29. Мазепа. 30. Смерть Мазепы. Замѣтки къ пѣснямъ и думамъ.

Ч. 2-я, — II. Предисловіе.

Лѣтопись: 1640—1654. 1654—1657.

Приписки къ лѣтописи: 1. О состояніи народа до 1648. 2. Кравчина запорожская. 3. Раданъ, Харкѣвичъ и Вронскій. 4. Статьи мира. 5. Переговоры съ султаномъ, 1649. 6. Козаки въ Литвѣ, 1649. 7. Граница Украины по Зборовскому миру. 8. Списокъ реестровыхъ козаковъ, 1650. 9. Переяславскій бунтъ, 1651. 10. Слободскіе полки. 11. Мятежъ Тухи, 1654. 12. Договорныя статьи съ царемъ, 1654.

Пѣсни, думы и преданія, поясняющія сказанія лѣтописцевъ: 1. Переписка Барабаша съ Ляхами. 2. Битва на Желтыхъ водахъ. 3. Пилявское дѣло. 4. Битва Слуцкая. 5. Походъ въ Молдавію. 6. Битва Жванецкая. 7. Смерть Хмельницкаго. 8. Пугачь.

Ч. 2-я, — III. Предисловіе.

Сказанія лѣтописцевъ: 1. Выговскій и Пушкарь. 2. Юрій Хмельниченко. 3. Бруховецкій и Морозенко. 4. Самойловичъ и Мазепа 5. Палій.

Приписки къ сказаніямъ: 1. Голтвянская битва. 2. Пѣсня на смерть Пушкаря. 3. Объ избраніи Юрія. 4. Пѣсня на постриженіе Юрія въ монахи. 5. Смерть Морозенка. 6. Палій и Мазепа. 7. Палій въ Сибири. 8. Гордіенко. 9. Палій. 10. Битва Полтавская. 11. Мазепа. 12. Преданія о Паліѣ.

1834.

4. Палій.

Сынъ Отечества, томъ XLII, ч. 164, отд. II, стр. 413—426. Статья эта есть извлеченіе изъ II части Запорожской Старины. Къ ней приложено 4 пѣсни о Паліѣ. Годъ его смерти декабрь 1709.

5. Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ (sic) Сковородѣ.

Утренняя Звѣзда, кн. 1-я, стр. 67—92. Статья подписана буквами: И. С. р. з. к. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833, февр. 11.

*6. Запорожскія пѣсни.

Утренняя Звѣзда, кн. 2-я, стр. 51—70. Здѣсь помѣщены: I. «Надгробная пѣснь Свирговскому». Вступительная къ ней статья, переводъ пѣсни и примѣчанія къ ней были ранѣе напечатаны въ Запорожской Старинѣ, часть 1-я, кн. 1, стр. 31—33, и кн. 2-я, стр. 89—98, съ небольшими отступленіями. II. «Сожженіе Могилева». Текстъ ея напечатанъ въ Запорожской Старинѣ, часть 1-я, кн. 1, стр. 36—38; переводъ—той же части въ кн. 3, стр. 82—83. Примѣчанія находятся въ «Лѣтописи», помѣщенной въ 3 книжкѣ 1-й части, на стр. 11—65. III. «Погребальная пѣсня на смерть эсаула Чурая». Текстъ ея напечатанъ въ Запорожской Старинѣ, часть 1-я, кн. 1, стр. 74—76, переводъ той же части въ кн. 3, стр. 145—146; примѣчанія тамъ же. См. выше № 3. Мѣсто написанія статьи: «Варваровка на Днѣпрѣ. 1833. апр. 16».

7. Выговскій и Пушкарь. 1657—1658.

Сынъ Отечества, томъ XLVI, ч. 168, № 47, стр. 258—274. Отличается отъ статьи, помѣщенной подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Запорожской Старинѣ. Послѣ текста идутъ пѣсни: I. Битва на Голтвѣ. II. На смерть Пушкаря. Пѣсни помѣщены въ Запорожской Старинѣ, въ 1-й книгѣ 2-й части на стр. 47 — 55, гдѣ первая озаглавлена: «Пушкарь и Выговскій». Примѣчанія къ нимъ находятся въ 3-й книгѣ 2-й части на стр. 110—121.

8. Взглядъ на памятники украинской народной словесности. Письмо къ профессору И. М. Снегиреву.

Ученыя Записки Императорскаго Московскаго университета, 1834, ч. VI, октябрь № IV, стр. 134—150.

1835.

9. Жолкѣвскій и Украйнцы. 1596—1597.

Сынъ Отечества, томъ XLVII, ч 169, отд. III, стр. 121—133. Ср. Запорожская Старина, часть 1-я, кн. 3, стр. 11—41.

10. Иванъ Барабашъ.

Московскій Наблюдатель, 1835, ч. I, стр. 597—611.

*11. Первое дѣло Хмельницкаго съ Поляками 1648—1649 (отрывокъ изъ Лѣтописи).

Сѣверная Пчела, 1835 г. №№ 125 и 126, стр. 499—500 и 502—504. Тоже, что въ Запорожской Старинѣ, часть 2-я, кн. 2, стр. 8—32. См. выше № 3.

*12. Стырское дѣло. 1651.

Сѣверная Пчела, 1835 г. №№ 178 и 179, стр. 712 и 716. Тоже, что въ Запорожской Старинѣ, часть 2-я, кн. 2, стр. 58—70. См выше № 3.

13. Общія основанія Зенд-Авесты.

Телескопъ, 1835, ч. XXVIII, стр. 519 — 526. Статья подписана буквами И. С. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833 г., февр. 16.

14. Мартынецъ.

Московскій Наблюдатель, 1835, ч. V, стр. 133—151.

*15. Украинская Лѣтопись. MDCXL—MDCLVII. Харьковъ. 1835. 12⁰. 183 и 3 ненум. стр.

На оберткѣ: 1640—1657. Дѣла Украины во время Богдана Хмельницкаго. Харьковъ. 1836. На второй страницѣ обертки: MDCXL—MDCLVII.—Лѣтопись—Историческія примѣчанія, пѣсни, думы и преданія, поясняющія слова лѣтописцевъ. Цѣна 4 руб. Тоже, что Запорожская Старина, часть 2-я, кн. 2, отъ которой отличается только заглавнымъ листомъ. См. выше № 3.

1836.

16. Маіоръ, маіоръ! Разсказъ.

Московскій Наблюдатель. Годъ 2-й, 1836, ч. VI, стр. 205—238, 435—468, 721—736.

17. Барсерки (изъ Очерковъ Сѣвера).

Московскій Наблюдатель. Годъ 2-й, 1836, ч. VII, стр. 357—368.

*18. 1640—1657. Дѣла Украины во время Богдана Хмельницкаго. Харьковъ. 1836. См. выше № 15.

1837.

19. Rapsodia sonatina. Не сонъ, а жизнь, — не сонъ, а смерть. Повѣсть.

Московскій Наблюдатель. Годъ 3-й, 1837, ч. XI, мартъ, 1-я кн., стр. 21—75.

20. Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ. Харьковъ. 1837. 8⁰. 62 и 8 стр.

1838.

*21. Палій.

Московскій Наблюдатель. Годъ 4-й, ч. XVIII, стр. 5—18. Статья эта есть дословная перепечатка изъ Запорожской Старины, ч. 2-я, кн. 3, стр. 86—89. См. выше № 3.

22. Украинскій Сборникъ. Книжка первая. Харьковъ. 1838. 8⁰. 88 стр. Книжка вторая. Москва. 1841. 8⁰. 46 стр.

Въ первой книжкѣ помѣщена «Наталка Полтавка. Малороссійская опера И. П. Котляревскаго», во второй—«Москаль-чаривникъ. Малороссійская опера И. П. Котляревскаго». Въ слѣдующихъ книжкахъ Украинскаго Сборника И. И. Срезневскій обѣщалъ помѣстить: Выборъ украинскихъ пѣсенъ и думъ,—Выборъ стихотвореній Артемовскаго-Гулака, Боровыковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженев-

скаго и проч.,—Жизнь и сочиненія Сковороды,—Украинскія пословицы и загадки,—Грамматическій разборъ южно-русскихъ нарѣчій,—Украинскія лѣтописи и пр.

23. Вступительное чтеніе въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1838, ч. XX, стр. 241—261.

24. Мартынъ Пушкарь. 1657—1658.

Очерки Россіи, изд. В. Пассекомъ. кн. 1-я, 1838, стр. 201—218

25. Сеймы. Sněmy.

Очерки Россіи, кн. 1-я, 1838, стр. 226—239. Подлинникъ, чтеніе и переводъ, съ нѣкоторыми выводами, двухъ отрывковъ древнихъ лиро-эпическихъ стихотвореній на чешскомъ языкѣ.

*26. Юрій Хмельниченко.

Прибавленіе къ Русскому Инвалиду, 1838 г., № 20, стр. 381—384. Перепечатка изъ Запорожской Старины, часть 2-я, кн. 3, стр. 25—50.

27. Изборники.

Очерки Россіи, кн. 1-я, 1838, стр. 240—250.

28. Статьи въ XI и XII томахъ Энциклопедическаго Словаря Плюшара (С.-Петербургъ. 1838. 8⁰), подписанныя буквами: С. Ср. Въ XI томѣ помѣщены статьи: Войпель (стр. 284, по ошибкѣ 304); Войсковая скарбница (стр. 285, по ошибкѣ 305); Вондель (стр. 475—477); въ XII томѣ—Ворскла (стр. 75); Встолы (стр. 178); Вырей (стр. 236); Вязебная (стр. 353) и Вязла (стр. 355)

*29. Запорожская Старина. Части 2-ой кн. III. Харьковъ. 1838.

См. выше № 3.

1839.

30. Сближеніе религіи персидской съ египетскою.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1839, ч. XXII, отд. II, стр. 188—206.

31. Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины, со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію.

Прибавленіе къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, 1839, № 31—37, и отдѣльный оттискъ подъ заглавіемъ:

Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины. Харьковъ. 1839. 8⁰. 93 стр.

Изъ 31 № Хар. Губ. Вѣд. за 1839 г.

32. Афинскій языкъ въ Россіи.
Отеч. Зап., 1839, т. V, Смѣсь, стр. 1—12.

33 Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно. Харьковъ. 1839. 8°. 124 стр.

1840.

34. Отрывокъ изъ письма къ В. Ганкѣ изъ Болеслава 1 (13 мая 1840.
Časopis Českého Museum. XIV ročnjk, 1840, str. 197—198.

35. Liternj zpráwy ze Slezka a Lužice (Z dopisůw W. Hankowi).
Časopis Českého Museum. XIV ročnjk, 1840, str. 403—412.

36. Далмато-сербское преданіе о королѣ Радославѣ.
Литер. приб. къ Журн. Мин. Нар. Просв., 1840 г., стр. 5—22.

37. Предположенія о Реймскомъ евангеліи. Новости литературъ славянскихъ (10 апрѣля 1840. Прага).
Отеч. Зап., 1840, т. X, Смѣсь, стр. 1—10.

38. Новости литературъ славянскихъ (Письмо къ редактору Отечественныхъ Записокъ. Вратиславъ (Бреслау) 23 іюля 1840).
Отеч. Зап., 1840, т. XII, Смѣсь, стр. 20—23.

39. Извлеченія изъ Краледворской рукописи, касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ.
Журн. Мин. Нар. Просв., 1840, ч. XXVIII, отд. II, стр. 115—148.

40. Казаки-гайдамаки Уніатской войны 1595—1654.
Очерки Россіи, кн. 3-я, 1840, стр. 121—138.

1841.

41. Донесеніе г. министру народнаго просвѣщенія, изъ Вѣны отъ 8 (20) февраля 1841 г.
Журн. Мин. Нар. Просв., 1841, ч. XXXI, отд. IV, стр. 9—36.

42. Srbská a Illyrská literatura. Dopis p. W. Hankowi. We Wjdni 17 (29) ledna 1841.
Časopis Českeho Museum. XV ročnjk, 1841, str. 104—105.

43. Zpráwy o literatuře Illyrských Slowanůw. Dopis W. Han-

kowi. W Záhřebě 20—30 března 1841 —W Lublani dne dubna 1841.

Časopis Českého Museum. XV ročnjk, 1841, str. 224—234. Письмо это было переведено на польскій языкъ П. П. Дубровскимъ и напечатано въ Biblioteka Warszawska, 1841, т. 4, стр. 211—225.

44. Славянскія новости.—Чешскій театръ. (Письмо къ редактору Отечественныхъ Записокъ. Прага. 1840 дек. 26 (1841 янв. 6).

Отеч. Зап., 1841, т. XIV, Смѣсь, стр. 97—105.

*45. Украинскій Сборникъ. Кн. 2-я. М. 1841. 8⁰.

См. выше № 22.

46. О славянскихъ нарѣчіяхъ.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1841, ч. XXXI, отд. II, стр. 133—164, и отдѣльный оттискъ изъ журнала. 8⁰. 32 стр.

47. Zpráwa o Rezianech. Dopisy W. Hankowi. W Starém městě (Cividale) 2 máge 1841—Ljipawa (Wippach) 4 máge.

Časopis Českého Museum. XV ročnjk, 1841, str. 341—345.

1841—1842.

48. Zpráwy z illyrských Slowan. Dopis k W. Hankowi. W Rěce 1 čerwna 1841.

Časopis Českého Museum. XV ročnjk, 1841, str. 468—475; XVI ročnjk, 1842, str. 142—147.

1842.

49. Донесеніе г. министру народнаго просвѣщенія, изъ Загреба, отъ 2 (15) (sic) августа 1841 г.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1842, ч. XXXIII, отд. IV, стр. 11—20.

50. Literatura illyrská. Wýtahy z dopisůw W. Hankowi. W Zahřebu dne 15 srpna 1841—We Wjdni 11 pros. 1841.

Časopis Českého Museum. XVI ročnjk, 1842, str. 301—304.

*51. Письма изъ Иллиріи въ Прагу къ В. В. Ганкѣ.

Денница, литературная газета, 1842 г., № 11, стр. 147—148, № 12, стр. 157—160. Переводъ этихъ писемъ на польскій языкъ помѣщенъ тамъ же, стр. 147—148 и 157—160. Эти письма явились прежде въ Часописѣ чешскаго музеума; напечатанное въ № 11 Денницы составляетъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ этомъ спискѣ подъ № 47, а напечатанное въ № 12—изъ статьи помѣщенной подъ № 48.

52. Černohořj. Popis w listech k Wáclawowi Hankowi.

Časopis Českého Museum. XVI ročnjk, 1842, str. 289—300.

53. Několik statystických srownánj Arcywýwodstwj Rakauského s Markkrabstwjm Morawským, a kragůw Morawských wespolek.

Tatranka, spis pokračugicý zwlássté pro Slowáky, Cechy a Morawany. Dil 2, swaz. 3. W Presspurku, 1842, str. 29—41.

54. Пѣсни Челяковскаго. Отрывокъ изъ письма къ Ѳ. С. Евецкому.

Денница, литературная газета, 1842, ч. 2, стр. 201—204. Переводъ этой статьи на польскій языкъ тамъ же, стр. 201—204.

1843.

55. Отчетъ о состояніи Императорскаго Харьковскаго университета за 1842—43 академическій годъ. Харьковъ. 1843. 8°. 128 стр.

56. Разборъ сочиненія Шафарика: «Slowansky Národopis. Sestawil P. I. Šafařik. При книгѣ карта: Slowanský Zeměwid od P. I. Šafaříka».

Журн. Мин. Нар. Просв., 1843, ч. XXXVIII, отд. VI, стр. 1—30.

57. Донесенія г. министру народнаго просвѣщенія. Донесеніе 4-е, изъ Брѣтиславы, отъ 5 (17) апрѣля 1842 г.—Донесеніе 5-е, изъ Кракова, отъ 2 августа 1842 г.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1843, ч. XXXVII, отд. IV, стр. 45—74.

58. Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды.

Молодикъ на 1844. Украинскій литературный сборникъ, изд. И. Бецкимъ, стр. 234—244.

59. Публичныя чтенія о Славянахъ.

Денница, Славянское обозрѣніе, 1843, ч. 2-я, стр. 127—141. Переводъ на польскій языкъ помѣщенъ тамъ же, стр. 127—141.

60. Библіографія. I. Русская литература «Родъ Княжевичей»; II. Сърбская литература «Любитель просвѣщенія».

Денница, Славянское обозрѣніе, 1843, ч. 3-я, стр. 62 — 74. Переводъ на польскій языкъ помѣщенъ тамъ же, стр. 62—74.

*61. Словины во Фріулѣ.

Денница, Славянское обозрѣніе, 1843, ч. 2-я, стр. 191—205. Переводъ на польскій языкъ помѣщенъ тамъ же, стр. 191—205. Отрывокъ изъ сочиненія, уже приготовленнаго къ печати: «О фріульскихъ Славянахъ и ихъ нарѣчіи», какъ сказано въ примѣчаніи къ статьѣ, и дѣйствительно этотъ отрывокъ вошелъ въ статью, помѣщенную въ Москвитянинѣ 1844, ч. V, гдѣ занимаетъ стр. 215—234. См. ниже № 71.

62. Некрологъ Г. Ѳ. Квитки. Письмо къ редактору (Москвитянина) изъ Харькова.

Москвитянинъ, 1843, ч. IV, стр. 501—504.

63. Жумборскіе Ускоки.

Денница, Славянское обозрѣніе, 1843, ч. 1-я, стр. 102—119. Переводъ на польскій языкъ помѣщенъ тамъ же, стр. 102—119.

64. Извлеченіе изъ письма отъ 2 января 1843 года (Планъ лекцій въ университетѣ и нѣсколько дополненій къ статьѣ: Жумборскіе Ускоки).

Денница, Славянское обозрѣніе, 1843, ч. 1-я, стр. 142—143. Переводъ на польскій языкъ помѣщенъ тамъ же, стр. 142—143.

1844.

65. Отчетъ о состояніи Императорскаго Харьковскаго университета за 1843—44 академическій годъ. Харьковъ. 1844. 8⁰. 117 стр.

66. Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1844, ч. XLIII, отд. II, стр. 26—66.

67. Дополненіе къ Замѣчаніямъ о праздникахъ у Малороссіянъ.

Маякъ, 1844, т. XI, Матеріалы, стр. 45—57. Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ были написаны К. Сементовскимъ.

68. Славянскія извѣстія. Путешествіе И. Колара по Сѣверной Италіи, Тиролю и Баваріи (Cestopis, obsahujici cestu do horni Italie, a odtud přes Tyrolsko, a Bavorsko, se zwáštlnim ohledem na Slawjanske ziwly, roku 1841. Konanau a sepsanau od Jana Kollára. W Pešti. 1843. 8⁰. X, 363).

Москвитянинъ, 1844, ч. III, № 5, стр. 129—151. Разборъ этого сочиненія Коллара.

69. Критика. «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Сочиненіе Николая Костомарова. Харьковъ. 1843. 8⁰. 216)».

Москвитянинъ, 1844, ч. II, № 3, стр. 141—154.

70. Славянскія извѣстія. «Друга кньига Српских народних пiесама. У Бечу (Вѣнѣ) 1844».

Москвитянинъ, 1844, ч. IV, № 8, стр. 400—402. Приглашеніе къ подпискѣ на эту книгу.

71. Славянскія извѣстія. Фріульскіе Славяне (Резіяне и Словины).

Москвитянинъ, 1844, ч. V, № 9, стр. 207—234.

1845.

72. Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв., 1845, ч. XLVIII, отд. II, стр. 149—186.

1846.

73. Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1846, ч. LI, отд. V, стр. 1—28, и отдѣльный оттискъ изъ журнала. 1846. 8⁰. 28 стр.

74. Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1846, ч. LI, отд. II, стр. 36—60.

75. Вукъ Стефановичь Караджичь. Очеркъ біографическій и библіографическій.

Московскій литературный и ученый Сборникъ, 1846, стр. 339—369, и отдѣльный оттискъ изъ Сборника. Москва. 1846. 8⁰. 33 стр

76. Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ.

Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Рос. при Моск. унив. Засѣданіе 26 октября 1846 г., № 3, стр. 44—54. Эта статья, съ нѣкоторыми пропусками изъ нея и безъ приведенія въ примѣчаніяхъ свидѣтельствъ писателей вполнѣ, вошла въ сочиненіе И. И. Срезневскаго: «Святилища и обряды языч. богослуженія древн. Славянъ» (гл. 1 § IV, 1—2).

77. Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Харьковъ. 1846. 8⁰. 3 ненум. и 107 стр.

78. Критика. Изданія Реймскаго евангелія (Texte du Sacre).

Москвитянинъ, 1846, ч. IV, № 8, стр. 152—167. Разсмотрѣны изданія Сильвестра и Ганки.

1847.

79. О языческомъ вѣрованіи древнихъ Славянъ въ безсмертіе души.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1847, ч. LIII, отд. II, стр. 185—196.

80. Рецензія книги: «Краледворская рукопись и Судъ Любуши. А. Соколова. Казань. 1846. 8⁰. 224 стр.».

Журн. Мин. Нар. Просв., 1847, ч. LV, отд. VI, стр. 154—170.

81. Взглядъ на современное состояніе литературы у Западныхъ Славянъ.

Московскій литературный и ученый Сборникъ на 1847 годъ, стр. 667—688.

82. Dopis z ciziny W. Hankowi.

Časopis Českého Museum. 1847. XXI ročn. Dil. II, str. 331—333.

83. Статистика Австрійской имперіи. Разборъ сочиненія: «Tafeln zur Statistik der österreichischen Monarchie für das Jahr 1842».

С.-Петербургскія Вѣдомости, 1847 годъ, №№ 86 — 88, стр. 402, 406, 410.

*84. O bolgarské literatuře. List W. Hankowi. W Charkowě dne 26 máje 1846.

Časopis Českého Museum. 1847. XXI roč. Dil II, str. 212 — 218. Эта статья, въ которой говорится о Болгарской литературѣ съ 1840 года, есть переводъ части той (стр. 18—26), которая напечатана въ Жур. Мин. Нар. Просв., ч. LI. См. выше № 73.

85. Рецензія книгъ: «Вхождане (вхожденье?) въ история та Болгарски те Славяне, отъ 5-я вѣкъ до 1396-та година. З. Княжескій. Москва. 1847. (52 стр. въ 8°). Зерцало или оглѣдало христіанское. Превели отъ славянскій на болгарскій языкъ, съ дополненіемъ, Аѳонско-Зографскаго монастыря монахъ Нафанаилъ и братъ его Захарій Княжескій. 1844 г.».

Финскій Вѣстникъ, 1847, томъ XX, отд. V, стр. 58—63.

*86. Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ.

Финскій Вѣстникъ, 1847, т. XX, Матеріалы, стр. 1—36; т. XXI, Матеріалы, стр. 1—20; т. XXIII, Матеріалы, стр. 1—40, и отдѣльный оттискъ изъ журнала. С.-Петербургъ. 1848. 8°. 96 стр. Тоже, что сочиненіе, означенное подъ № 77, отъ котораго отличается присоединеннымъ небольшимъ предисловіемъ и незначительными измѣненіями въ примѣчаніяхъ.

1848.

87. Древнія письмена славянскія.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1848, ч. LIX, отд. II, стр. 18—66, и отдѣльный оттискъ изъ журнала Мин. Нар. Просв. 1848, № 7. 8°. 49 стр.

*88. Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Спб. 1848. 8°. 96 стр.

См. выше №№ 77 и 86.

89. Разборъ книги: «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составлен. Вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1847. 4 тома. I—XXII и 415, II—471. III — 589, IV—487 стр. 4°».

Журн. Мин. Нар. Просв., 1848, ч. LVII, отд. VI, стр. 167—188; ч. LVIII, отд. VI, стр. 217—251; ч. LX, отд. VI, стр. 161—181, и отдѣльные оттиски изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1848, №№ 3, 6, 12. 8°. 22, 35 и 21 стр.

90. Рецензія книги: «Нови Завјет Господа нашего Исуса Христа, Превео Вук Стефановић Караджић. У Бечу (въ Вѣнѣ). 1848. XV и 607 стр. 8°».

Журн. Мин. Нар. Просв., 1848, ч. LVII, отд. VI, стр. 139—157.

91. О производительности, или пользѣ жизни народонаселеній.

Финскій Вѣстникъ, 1848, отд. II, стр. 1—22, и особый оттискъ изъ журнала. 8°. 22 стр.

1849.

92. Критика. «I. Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ, 2 тома. II. Дополненія къ актамъ историческимъ, относящимся къ Россіи, собранныя въ иностранныхъ архивахъ и библіотекахъ».

Библіотека для Чтенія 1849 г., т. XCV, Критика, стр. 37—82.

93. Мысли объ исторіи русскаго языка.

Годичный торжественный актъ въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ университетѣ, бывшій 8 февраля 1849 года. Спб 1849. 8°. стр. 61—186.

*94. Мысли объ исторіи русскаго языка.

Библ. для Чт., 1849, т. XCVIII, Науки и худож., стр. 1—55, 116—138. Тоже, что выше № 93.

95. Разборъ сочиненія: «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи Виктора Григоровича».

Сѣверное Обозрѣніе, 1849, томъ I, стр. 764—777.

96. Этнографическая карта Европы и пояснительная статья къ ней.

Географическія Извѣстія, выдав. отъ Русск. Географич. Общества, 1849, стр. 252—255.

97. Программа преподаванія славянской филологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Спб. 1849.

Заглавіе взято изъ сочиненія В. В. Григорьева: «Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія», примѣчанія, стр. 62.

1850.

98. О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ.

Записки Одесск. Общ. Исторіи и Древностей, т. II, стр. 532—549.

*99. Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1850. 8°. 210 стр.

Составляетъ (стр. 1—126) отдѣльный оттискъ № 93-го, къ которому присоединены «Дополнительныя примѣчанія», стр. 127—210.

100. Dopisy z Rus p. V. Hankovi. V Petrohradě 7 (19) máje 1850.

Časopis Českého Museum, 1850, XXIV ročnjk, str. 113—317, и отдѣльный оттискъ: Slovanská mluvověda i dopisy z Rus. V Praze. 1850. 8°. 24 стр. Vyňato z Časopisu Českého Museum. XXIV ročnjk, svazek II, str. 297—317. Статья «Slovanská mluvověda», заключающая въ себѣ разборъ нѣкоторыхъ трудовъ Миклошича, писана Ганкой; «Dopisy z Rus» есть письмо Срезневскаго.

101. Разборъ изданія: «Les antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éditées par la société Royale des Antiquaires du Nord (Русскія древности Копенгагенскаго общества Сѣверныхъ Антикваріевъ)».

Библіотека для Чтенія, 1850, т. XCVIII, отд. V, стр. 39—44.

1851.

102. Dopisy z Rus. V. Hankovi. I. V Petrohradě 5—17 března 1851. II. V Pavlovště dne 23 června—4 července 1851.

Časopis Českého Museum. XXV ročnjk, 1851, sv. II, str. 164—168, sv. III, str. 150—154.

103. Разборъ изданныхъ Ф. Рейфомъ четырехъ новыхъ паралельныхъ словарей языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, въ пользу россійскаго юношества.

Двадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, стр. 311—334.

104. Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка.

Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, ч. I, отд. V, стр. 1—24.

105. Свидѣтельство Паисіевскаго сборника о языческихъ суевѣріяхъ Русскихъ.

Москвитянинъ, 1851 г., ч. II, № 5, стр. 52—64.

06. Записка о новыхъ трудахъ академика А. Х. Востокова по части филологическаго изученія старославянскаго языка.

Отчеты Импер. Академіи Наукъ по Отд. Русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе. Спб. 1852. 8⁰, стр. 295—303. Журн. Мин. Нар. Просв., 1851, ч. LXIX, отд. III, стр. 53—59, гдѣ въ заглавіи слова «академика А. Х. Востокова» пропущены.

107. Рецензія книги: «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка, орд. ак. И. И. Давыдова».

Отчеты Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. языка и словесн. за первое десятилѣтіе. Спб. 1852, 8⁰. стр. 303—312. Журн. Мин. Нар. Просв., 1851, ч. LXIX, отд. III, стр 59—65.

108. Рецензія книги: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь С. П. Шевырева. Москва. 1850. 2 части».

Отчеты Импер. Академіи Наукъ по Отд. Русск. языка и словесн. за первое десятилѣтіе. Спб. 1852. 8⁰, стр. 312—320. Журн. Мин. Нар. Просв., 1851, ч. LXIX, отд. III, стр. 65—71.

109. Новое сочиненіе Яна Колара: «Die Götter von Retra».

Журн. Мин. Нар. Просв., ч. LXX, отд. II, стр. 87—99, и отдѣльный оттискъ изъ журнала:

Прильвицкія древности. Новое сочиненіе Яна Колара: Die Götter von Retra. С.-Петербургъ. 1851. 8⁰. 15 стр. и 3 листа рисунковъ.

110. Рядная запись съ печатью, XIII вѣка.

Записки Имп. Археол. Общ., т. III, стр. 221—249, и отдѣльный оттискъ изъ Записокъ:

Рядная запись XIII вѣка, съ приложеніемъ замѣчаній К. А. Неволина. Спб. 1851. 8⁰. 48 стр.

1852.

111. Опытъ областнаго великорусскаго словаря. Спб. 1852. 4⁰.

Въ немъ И. И. Срезневскій значительно дополнилъ собранія словъ, употребляемыхъ въ Иркутской губерніи.

112. Русь Угорская. Отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка.

Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, ч. IV, отд. II, стр. 1—28, и отдѣльный изъ него оттискъ.

113. Этнографическая карта Европейской Россіи (Библіографическая записка).

Извѣстія Импер. Академіи Наукъ по Отд. Рус. яз. и слов., т I, столб. 68—70, 180—181, и отдѣльный оттискъ изъ втораго выпуска Извѣстій, Спб. 1852. 8⁰. 4 стр.

114. О глаголитской письменности.

Извѣст. Импер. Академіи Наукъ по Отд. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 353—367.

115. Памятники древней письменности южныхъ Славянъ, изданные П. П. Шафарикомъ (Библіографическая записка).

Извѣст. Импер. Академіи Наукъ по Отд. Рус. яз. и слов., т. I, столб 293—301, 343—350.

116. Историческія чтенія о языкѣ и словесности. 1. Вступительная записка.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отд. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 305—309; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ 1852 и 1853 гг., стр. 1—6.

117. О договорахъ князя Олега съ Греками.

Извѣст. Импер. Академіи Наукъ по Отд. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 309—314; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ 1852 и 1853 гг., стр. 7—14.

118. Программа для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов. въ Памятн. и образцахъ народн. языка и словесн., I—IV, столб. 1—4, и отдѣльный изъ нихъ оттискъ. Спб. 1852. 8°. 4 стр. Отчеты Импер. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов. за первое десятилѣтіе. Спб. 1852. 8°. стр. 387—392.

119. Записка о трудахъ г. Цейновы касательно Кашебовъ, ихъ земли и нарѣчія.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл Рус. яз. и слов., т. I, столб. 75—77.

120. Образцы кашеоскаго нарѣчія, собранные г. Цейновою и приготовленные къ печати И. И. Срезневскимъ. Спб. 1852. 8°. 16 стр. (Предисловіе къ образцамъ).

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. языка и словесности, т. I, Памятники и образцы народн. языка и словесности, столб. 93—112.

121. Записка о матеріалахъ для сравненія языковъ нѣмецкаго и славянскаго, С. Микуцкаго.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 77—80.

122. Труды по сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій (Библіографическая записка).

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 57—68.

123. Примѣчанія на статью В. И. Григоровича: «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ».

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 102—104.

124. Изслѣдованія о древнихъ памятникахъ старославянской литературы. 1. Вмѣсто предисловія.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 81—86.

125. Записка о трудахъ г. Носовича, касательно нарѣчія бѣлорусскаго.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 74—75.

126. Замѣчанія къ болгарскому переводу пѣсни о Судѣ Любуши.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов. въ Памятн. и образцахъ народн. языка и словесн., I—IV, столб. 23—28.

127. Частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ русскаго народнаго языка.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 185—188.

128. Словарь литовскаго языка г. Нессельмана (Библіографическая записка).

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. I, столб. 105—107.

129. О древнихъ вещахъ, повидимому принадлежностяхъ женскаго убора, найденныхъ Харьковской губерніи Старобѣльскаго уѣзда въ деревнѣ Смолянииовѣ.

Записки Импер. Археолог. Общества, т. IV, отд. II, стр. 68—70.

130. Разсмотрѣніе записки, сообщенной г. Цейновою о нарѣчіи кашебскомъ.

Отчеты Импер. Академіи Наукъ по Отд. Русск. языка и словесн. за первое десятилѣтіе, стр. 288—291.

1853.

131. Dopis z Rus. V. Hankovi.

Časopis Českého Museum. XXVII ročník, 1853, str. 169—170.

*132. Болгарская грамота XIII вѣка. Спб. 1853. 8°. 15 стр. Присоединено письмо С. Н. Палаузова.

Изъ I-го и II-го тома Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

Статья И. И. Срезневскаго составляетъ оттискъ части статьи (столб. 347—349), помѣщенной выше подъ № 115.

133. Древнія жизнеописанія русскихъ князей X—XI вѣка.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. II, столб. 113—130; Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ 1852 и 1853 гг., стр. 75—98.

134. Дополненія къ запискѣ: Древнія жизнеописанія русскихъ князей.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. II, столб. 157—164, 209—221; Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ 1852 и 1853 гг., стр. 117—127, 159—176.

135. Труды митрополита Ѳеодосія. Замѣчанія.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. II, столб. 321—324; Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ 1852 и 1853 гг., стр. 220—224.

136. Збручскій истуканъ краковскаго музея.

Записки Импер. Археол. Общ., т. V, вып. 2 и 3, стр. 163—183, и отдѣльный оттискъ: Збручскій истуканъ краковскаго музея. 8°. 30 стр. съ рисункомъ.

137. Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. II, столб. 18—27, 70—78.

138. Новое мнѣніе П. П. Шафарика о письменности глагольской.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. II, столб. 299—305.

139. Изслѣдованія К. А. Неволина о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. II, столб. 259—267.

140. Замѣчанія касательно новаго изданія Русскаго Словаря.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. яз. и слов., т. II, столб 164—167.

141. Изслѣдованія о древнихъ памятникахъ старославянской литературы. VI. Глагольское четвероевангеліе В. И. Григоровича. VII. Слова Григорія Богослова.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. языка и словесн., т. II, столб. 241—255.

142. Глагольныя частицы.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. яз. и слов., Ма-

тер. для словаря, столб. 334—336, и отдѣльный оттискъ. Спб. 1853. 8⁰. 4 стр. Изъ 3-го выпуска II-го тома Прибавленій къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

143. Библіографическія замѣчанія о 103 книгахъ.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. яз. и слов., т. II, столб. 16—18, 67—70, 102—105, 133—136, 167—171, 199—202, 234—238, 256—258, 291—299, 346—359.

1854.

*144. Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. яз. и слов., т. III, столб. 49—66; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1854 и 1855 гг., стр. 1—26. См. ниже № 252.

145. Договоры съ Греками.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. III, столб. 257—295; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отд. Им. Акад. Наукъ, 1854 и 1855 гг., стр. 82—136, и отдѣльный оттискъ. Спб. 1854. 8⁰. 64 стр.

146. Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. III, столб. 145—164, 177—187, 235—248.

147. Замѣчанія касательно стиха о Голубиной книгѣ по списку В. М. Ундольскаго.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. III, столб. 47—48.

148. Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ Южной Азіей. I. Девятый вѣкъ.

Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1854, ч. X, отд. II, стр. 49—68, и отдѣльный оттискъ. 8⁰. 20 стр.

149. Записка о Словарѣ малорусскаго нарѣчія, составленномъ А. Аѳанасьевымъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. III, столб. 199—204.

150. Труды и юбилей А. Х. Востокова.

Отчеты Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов. за 1852—1865 гг. Прилож. къ отч. за 1854 г., стр. 130—135.

151. Новые списки поученій Кирилла Туровскаго.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. III, столб. 369—381; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1854 и 1855 гг., стр. 137—153.

152. Повѣсть о Цареградѣ.

Ученыя Записки II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, книга I, отд. III, стр. 99—137, и отдѣльный оттискъ изъ Записокъ: Повѣсть о Цареградѣ. Спб. 1855. 8°. 68 стр.

153. Библіографическія записки о 102 сочиненіяхъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. III, столб. 38—45, 105—110, 125—137, 164—170, 187—197, 249—254, 296—308, 353—362, 381—383.

154. Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ (по синодальному списку XIV вѣка съ необходимыми дополненіями). Корректурные листы для полнаго объяснительнаго изданія. С.-Петербургъ. 1854. Въ листъ. 60 стр.

Въ этомъ изданіи въ началѣ помѣщена копія съ протокола засѣданія Борисоглѣбскаго комитета, бывшаго 7 декабря 1853 года; затѣмъ идетъ текстъ сказаній о св. Борисѣ и Глѣбѣ по синодальному или сильвестровскому списку XIV вѣка, напечатанный обыкновеннымъ шрифтомъ, при чемъ картинъ не помѣщено, а онѣ только описаны, и недописка синодальнаго списка, напечатанная по румянцевскому. Въ концѣ находится краткое послѣсловіе И. И. Срезневскаго, гдѣ онъ говоритъ о пріемахъ, употребленныхъ имъ при изданіи.

1855.

155. Слова Григорія Богослова. Чтеніе и объясненіе X-го слова.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IV, столб. 294—312.

156. Славянская филологія. Программа преподаванія ея въ Педагогическомъ институтѣ. С.-Петербургъ. 1855. 8°. 12 стр.

Въ книгѣ: «Отчеты Импер. Академіи Наукъ по Отдѣленію Русск. языка и словесности за 1852—65 годы» статьѣ этой дано слѣдующее заглавіе: «Изслѣдованіе о современномъ состояніи славянской филологіи».

*157. Повѣсть о Цареградѣ. Спб. 1855. 8°. 68 стр.

См. выше. № 152.

158. Извѣстіе о глаголическомъ четвероевангеліи Зографскаго монастыря.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IV, столб. 369—377.

159. Роженицы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ.

Архивъ историко-юридическихъ свѣд., относ. до Россіи. Книги второй половина первая, отд. I, стр. 97—122, и отдѣльный оттискъ изъ Архива. Москва. 1855. 8°. 26 стр.

160. Приписка къ статьѣ князя М. А. Оболенскаго: «Новое свидѣтельство о родопочитаніи».
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IV, столб. 174—176.

161. Еще одно поученіе Кирилла Туровскаго по неизданнымъ спискамъ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IV, столб. 177—184; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1854 и 1855 гг., стр. 221—231.

162. Примѣчанія къ словарнымъ выпискамъ Ѳ. И. Буслаева изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IV, столб. 561—571.

163. Двѣ записки на статью: «Трудъ и мнѣнія Н. В. Берга касательно народныхъ пѣсенъ».
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IV, столб. 381—397.

164. Разборъ (вмѣстѣ съ П. А. Плетневымъ) сочиненія подъ заглавіемъ: «Пѣсни разныхъ народовъ, переводъ Н. Берга».
XXIV-е присужд. Демид. нагр., стр. 181 — 193, и отдѣльный отсюда оттискъ.

165. Библіографическія записки о 66 сочиненіяхъ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IV, столб. 22—36, 80—85, 160—168, 185—195, 244—251, 313—322, 353—356, 378—381.

1856.

166. Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина.
Ученыя Записки II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. II, вып. II, стр. 225—307, и отдѣльный оттискъ изъ Записокъ: Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина. Въ 1466—1472 гг. Спб. 1857. 8⁰. 88 стр.

167. О помѣсячныхъ замѣткахъ въ древнихъ церковныхъ книгахъ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, столб. 218—221.

168. Dopis z Rus.
Čas. Česk. Mus. XXX ročnjk, 1856, sv. I, str. 129—130.

169. Записка о поѣздкѣ въ Новгородъ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов, т. V, столб. 273—275.

170. Предисловіе къ Описанію рукописей А. Х. Востокова.

Ученыя Записки II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. II, вып. II, стр. 1—2. Филологическія наблюденія А. Х. Востокова, 1865, стр. 77—78.

171. Еще замѣтки о твореніяхъ св. Кирилла Туровскаго.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, столб. 306—313; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1856 и 1857 гг., стр. 175—186.

172. Свѣтильны изъ древней глаголической рукописи.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, столб. 48—50.

173. О древнемъ русскомъ языкѣ. Вмѣсто предисловія.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, столб. 65—70; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1856 и 1857 гг., стр. 1—7, и отдѣльный оттискъ. 8⁰. 32 стр.

174. Юго-западные Славяне.

Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1856, ч. XVIII, отд. II, стр. 94—106, и отдѣльный оттискъ. 8⁰. 13 стр.

175. Извѣстіе о древнемъ канонѣ въ честь св. Вячеслава.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, столб. 191—192.

176. Еще нѣсколько словъ о канонѣ св. Вячеславу.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, столб. 275—277.

*177. Труды и юбилей А. Х. Востокова.

Ученыя Записки II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, книга 2-я, вып. I, отд. I, стр. XXXVII—XLI. См. выше № 150.

178. Примѣчанія къ старческой пѣснѣ о Горѣ-злосчастіи.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, Памятники языка, столб. 401—412.

179. Воспоминаніе о Н. И. Надеждинѣ.

Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1856, ч. XVI, отд. V, стр. 1—16; отдѣльный оттискъ изъ Вѣстника. 8⁰. 16 стр.; извлеченіе въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1856 г., ч. XC, стр. 75—86.

180. Разборъ сочиненія I. М. Бодянскаго подъ заглавіемъ: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ».

XXV-е присужд. Демид. нагр., стр. 63—69; отдѣльный оттискъ. 8⁰. стр. 63—69.

181. Библіографическія записки о 65 сочиненіяхъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. V, столб. 36—45, 92—97, 167—173, 209—215, 264—271, 314—330, 371—381.

1857.

182. Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VI, столб. 257—275.

183. Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондрѣевича.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VI, столб. 337—362; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій: Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича. Спб. 1858. 8⁰. 52 стр.

184. Разборъ сочиненія: «Церковно-Славянскій Словарь А. Х. Востокова, издаваемый въ Матеріалахъ для словаря и грамматики при Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ».

Русская Бесѣда, 1857 г., кн. 6-я, критика, стр. 1—22.

185. Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами: 1199 и 1263 гг.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VI, столб. 153—171; Историческія чтенія о языкѣ и словесн. въ засѣданіяхъ II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1856 и 1857 гг., стр. 291—317.

186. Mater verborum Чешскаго музея. Спб. 1857. 4⁰. 6 столб.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. I, вып. I, 1857, столб. 1—6. На заглавномъ листѣ I-го то́ма Извѣстій выставленъ 1859 годъ.

*187. Глагольскіе отрывки, найденные въ Прагѣ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VI, столб. 171—180; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій: Древніе глаголическіе отрывки, найденные въ Прагѣ. Спб. 1857. 8⁰. 26 стр. За незначительными измѣненіями, статья эта сходна съ помѣщенною ниже подъ № 230.

*188. O pismenosti glogoljskoj. Iz Ruskogo od I. M.

Arkiv za povjestnicu Jugo-Slavensku. 1857. Knjiga IV, стр. 111—125. Переводъ статьи, указанной выше подъ № 114.

*189. Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина. Въ 1466—1472 гг. Спб. 1857. 8⁰. 88 стр.

См. выше № 166.

190. Библіографическія записки о 43 сочиненіяхъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VI, столб. 67—82, 153—180, 233—254, 321—324, 363—373.

1858.

191. Слѣды глаголицы въ памятникахъ X-го вѣка.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 337—352.

192. Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ Слову о Задонщинѣ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 96—100.

193. Блаженнаго учителя нашего Константина Философа слово изъ Печскаго Евангелія XIV в.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 145—148.

194. Выписки изъ списка Пандекта Антіохова XI в.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 41—48, 147—155.

195. Еще нѣсколько выписокъ къ вопросу о пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 217—219.

196. Записка о фотографическихъ снимкахъ П. И. Севастьянова.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 367—373.

*197. Приложеніе къ отчету (Втораго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ): Церковно-Славянскій Словарь А. Х. Востокова, издаваемый въ «Матеріалахъ для словаря и грамматики».
Ученыя Записки II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. IV, отд. I, стр. XIX—XLIII. См. выше № 184.

198. Потчивать—подчивать.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 213—217; С.-Петербург. Вѣдом. 1858 г., № 196, стр. 1134—1135.

199. Библіографическія записки о 56 сочиненіяхъ.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 26—39, 101—128, 201—212, 314—322, 353—364.

*200. Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича. Спб. 1858. 8⁰. 52 стр.
См. выше № 183.

201. Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка.
Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 374—384; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій. Спб. 1859. 8⁰. 17 стр.

1859.

*202. Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка. Спб. 1859. 8°. 17 стр.

См. выше № 201.

203. Замѣтки по поводу чтенія мнѣній Я. Гримма о словарѣ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 214—217.

204. Дополненія къ замѣчаніямъ о первоначальномъ курсѣ русскаго языка.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 131—143.

*205. Слѣды глаголицы въ X вѣкѣ.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ., т. I, столб. 359—372. Тоже, что выше № 191.

206. Синайскій древній списокъ Библіи.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 240.

207. Фотографическіе снимки съ рукописей Ново-Іерусалимскаго Воскресенскаго монастыря.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 159—160.

208. Библейскія книги 1507 года. Примѣчаніе къ статьѣ преосвященнаго архіепископа Филарета.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 149—150.

209. Разборъ сочиненія А. Пыпина, подъ заглавіемъ: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857».

XXVII-е присужд. Демидов. нагр., стр. 113—120; отдѣльный оттискъ. Спб. 1859. 8°. 115—120 стр.

210. Разборъ сочиненія А. Майкова, подъ заглавіемъ: «Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. М. 1857».

XXVII-е присужд. Демидов. нагр., стр. 121—127; отдѣльный оттискъ. Спб. 1859. 8°. 123—127 стр.

*211. Mater Verborum Чешскаго музея.

Извѣстія Импер. Русскаго Археологическаго Общества, 1859, т. I, столб. 1—6. См. выше № 186.

212. Разборъ сочиненія о. архимандрита Саввы, подъ заглавіемъ: «Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ сvнодальной) ризницы и библіотеки».

XXVIII-е присужд. Демидов. нагр., стр. 157—166; отдѣльный отсюда оттискъ. Спб. 1859. 8⁰. 159—166 стр.

1859—1860.

213. Библіографическія записки о 55 сочиненіяхъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 56—71, 113—128, 218—230, 291—306, 374—383.

1860.

214. Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. С.-Петербургъ. XXVI стр., 90 столбц. и 1 ненум. стр. (147 страницъ текста рукописи приготовлены къ изданію особою коммиссіею, выбранною Импер. Археологическимъ Обществомъ).

215. Лѣтописный перечень XIII вѣка.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VII, столб. 390—393.

216. Случайная записка о древнихъ русскихъ монетахъ.

С.-Петербург. Вѣдомости 1860 года, №№ 90 и 91; отдѣльный оттискъ изъ нихъ. Спб. 1860. 12⁰. 19 стр.

217. Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV в.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 313—320.

218. Новый пространный словарь французскаго языка.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IX, столб. 80—93; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій: О французскихъ словаряхъ по поводу словаря А. П. Поатвеня. Спб. 1860. 8⁰. 22 стр.

219. Палеографическія замѣтки, сдѣланныя во время путешествія лѣтомъ 1860 года.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IX, столб. 161—170; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій. Спб. 1860. 8⁰. 17 стр.

220. Разборъ сочиненія г. Гильфердинга: «Поѣздка по Герцоговинѣ, Босніи и Старой Сербіи».

Двадцать девятое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, стр. 131—136; отдѣльный оттискъ отсюда. 1860. 8⁰. 6 стр.

221. Разборъ сочиненія В. И. Ламанскаго: «О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и въ Испаніи».

Двадцать девятое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, стр. 125—130; отдѣльный оттискъ отсюда. 1860. 8⁰. 6 стр.

222. Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г., съ приложеніемъ двухъ другихъ грамотъ князя Всеволода и извѣстій о Юрьевскомъ евангеліи 1120—1128 г.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. VIII, столб. 337—360; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій: Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 года). Спб. 1860. 8⁰. 36 стр.

223. Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ.

Русскій Педагогич. Вѣстникъ 1860 г., т. IV, № XI, стр. 162—180, и № XII, стр. 265—289; Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по отд. Русск. яз. и слов., т. IX, столб. 1—51, 273—332. Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій: Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, 2 части. Спб. 1860—61. 8⁰. I-я ч. 75 стр. (изъ 1-го выпуска IX тома Извѣстій II-го Отдѣленія Академіи Наукъ); II-я ч. 88 стр. (изъ 5-го выпуска IX тома Извѣстій II-го Отдѣленія Академіи Наукъ).

*224. О французскихъ словаряхъ по поводу словаря А. П. Поатвеня. Спб. 1860. 8⁰. 22 стр.

См. выше № 218.

*225. Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 года). Спб. 1860. 8⁰. 36 стр.

См. выше № 222.

1860—1861.

226. Библіографическія записки о 31 сочиненіи, и въ томъ числѣ довольно подробная о сочиненіи Фр. Миклошича: Die Bildung der slavischen Personennamen.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IX, столб. 52—57, 93—110, 170—178, 239—255, 367—381.

1861.

*227. Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. 2-я часть. Спб. 1861. 8⁰. 88 стр.

См. выше № 223.

228. Монета великаго князя Игоря.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ., т. II, столб. 233—235; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій. Спб. 1860. 8⁰. 5 стр.

229. Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IX, столб. 345—366; отдѣльный оттискъ изъ нихъ:

Замѣчанія объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб. 1861. 8⁰. 34 стр.

230. Изъ обозрѣнія глаголическихъ памятниковъ. Съ тремя таблицами снимковъ. I. Древнѣйшія показанія о глаголицѣ; Иверская грамота 982 года; Кирилловскія рукописи XI вѣка съ глаголическими буквами. II. Abecenarium Bulgaricum XII вѣка сличительно съ древними перечнями буквъ кирилловскихъ и глагольскихъ. III. Богослужебныя книги. Пражскіе отрывки. IV. Евангельское чтеніе. Ватиканское евангеліе. Охридскій листокъ В. И. Григоровича.

Извѣстія Имп. Археологич. Общ., т. III, столб. 1—18, 185—198, 437—457, и отдѣльный изъ нихъ оттискъ. I—IV. Спб. 1861. 8⁰. стр. 1—87.

*231. Глаголическія буквы на иверской грамотѣ 982 года.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. X, столб. 78—80. Кромѣ вступленія, сходно съ помѣщеннымъ подъ № 230 (Изв. Имп. Арх. Общ., т. III, столб. 6—8).

232. Ватиканское глаголическое евангеліе.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. X, столб. 160.

233. Пещера Ивана грѣшнаго и Ѳеофила.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ., т. II, столб. 1—7.

234. 19-е мая 1859 г. (Въ память П. С. Савельева по случаю его кончины).

Извѣстія Имп. Археолог. Общ., т. II, столб. 74—83.

*235. 19-е мая 1859 г. Чтеніе въ память П. С. Савельева въ засѣданіи Археологическаго Общества, 29-го мая 1859 г. Спб. 1861. 8⁰. II и 16 стр.

Извлечено изъ сочиненія В. В. Григорьева: «Жизнь и труды П. С. Савельева». 1861. 8⁰, стр. 282—304. Тоже что выше № 234.

236. Примѣчаніе къ статьѣ Суворова: «Артосная панагія, хра-

нящаяся въ ризницѣ Святодухова мужескаго монастыря г. Вологды».

Извѣстія Имп. Археолог. Общ., т. II, столб. 8.

237. Записка о церковно-славянской грамматикѣ А. Х. Востокова.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. IX, столб. 272.

238. Дополненія къ Церковно-Славянскому Словарю А. Х. Востокова. Изъ съборниковъ церковныхъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. X, Матеріалы для словаря, т. VII, столб. 58—64.

239. Дополненія къ Церковно-Славянскому Словарю А. Х. Востокова. Изъ древняго перевода словъ Григорія Назіанзина.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов., т. X, Матеріалы для словаря, т. VII, столб. 102—104.

240. Замѣчаніе къ статьѣ «О томъ, какъ собираются и издаются у насъ народныя пѣсни» (Сѣв. Пчела № 286). Къ издателю Сѣверной Пчелы.

Сѣверная Пчела 1861 г., № 5, стр. 20. Статья, помѣщенная въ № 286-мъ Сѣверной Пчелы 1860 года, написана Николаемъ Отто, который обвинялъ И. И. Срезневскаго за передачу собранныхъ имъ, Отто, духовныхъ стиховъ г. Варенцову.

241. В. В. Ганка.

С.-Петербургскія Вѣдомости 1861 года, № 15, стр. 74—75.

*242. В. В. Ганка.

Сѣверная Пчела 1861 г., №№ 12, 15 и 29, стр. 48, 59—60, 116—117. Большая часть этой статьи вошла въ статью, помѣщенную подъ № 243.

243. Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отд. Русск. языка и слов., т. IX, столб. 215—229; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій какъ этой статьи, такъ и слѣдующей, съ присоединеніемъ разныхъ статей (стр. 27—44), написанныхъ не Срезневскимъ. Спб. 1861. 8°. 55 стр.

*244. Обозрѣніе филолого-археологическихъ трудовъ В. В. Ганки.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. языка и слов, т. IX, столб. 265—271. См. выше № 243.

245. Разборъ сочиненія г. Пекарскаго «Наука и литература въ Россіи во время Петра Великаго».

Разборъ составленъ вмѣстѣ съ Я. К. Гротомъ. Тридцатое присужденіе Демидовскихъ наградъ, стр. 31—37; отдѣльный оттискъ отсюда. Спб. 1861. 8°. 9 стр.

1861—1862.

246. Библіографическія записки о 22-хъ сочиненіяхъ, въ томъ числѣ въ запискѣ по поводу книги Skarbiec diplomatów сообщены свѣдѣнія объ ученой дѣятельности профессора Игн. Даниловича.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. языка и слов., т. X, столб. 55—64, 137—156, 244—254, 410—414.

*247. Древніе глаголическіе памятники. 5 статей. Спб. 1861—62 гг. 8°. 162 стр.

Извлечено изъ III и IV томовъ «Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества». См. выше № 230 и ниже № 266.

1861—1863.

248. Древніе памятники русскаго письма и языка XI—XIV в. Общее повременное обозрѣніе и дополненія съ палеографическими указаніями, выписками и указателемъ.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. языка и слов., т. X, столб. 1—36, 81—109, 161—234, 273—373, 417—583, 593—704.

1862.

249. Русскіе калики древняго времени.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. I, кн II, стр. 186—210.

*250. Крута каличья. Клюка, сума, лапотики, шляпа, колоколъ.

Извѣстія Импер. Археол. Общ., т. IV, столб. 119—127. См. выше № 249, стр. 196—205, съ сокращеніями и нѣкоторыми измѣненіями. Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій:

Крута каличья. Клюка и сума, лапотики, шляпа и колоколъ. Записка. Спб. 1862. 8°. 16 стр.

251. Мнѣніе о книгѣ П. А. Безсонова «Калѣки перехожіе».

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. языка и слов., т. X, столб. 254—256.

252. Чтенія о древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ. Чтеніе I—III. Спб. 1862. 8°. 48 стр.

Приложеніе ко II-му тому Записокъ Импер. Акад. Наукъ, № 4. I-е чтеніе и начало II-го (стр. 1—20) составляютъ перепечатку, почти безъ всякихъ измѣненій, статьи подъ заглавіемъ: «Памятники X вѣка до Владиміра Святаго». См. выше № 144.

253. Парижскій списокъ словъ святаго Григорія Назіанзина.

Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1862, н. 3, стр. 1—4.

254. Μυνολόγιον (sic) императора Василія X вѣка.

Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1862, кн. 2, стр. 9—12.

255. Слово Даніила Заточника по копенгагенскому списку.

Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. языка и слов., т. X, столб. 263—272.

256. Антиминсъ 1149 года.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. II, кн. I, стр. 107—108; Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1862, кн. 4, стр. 1—4, и отдѣльный изъ Христіанскихъ Древностей оттискъ. Спб. 1862. 4°. 4 стр.

257. Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія, что близь Аркажа монастыря въ Новгородѣ.

Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1862, кн. 5, стр. 1—6.

258. О числительномъ искусствѣ въ Россіи до введенія арабскаго счисленія.

Энциклопедическій словарь, составл. русскими учеными и литераторами, т. V. Спб. 1862. 8°, въ статьѣ: Ариѳметика, стр. 350—353.

259. Записка о книгѣ: «Storia della letteratura Russa per S. Sceviref e G. Rubini. Firenze 1862 (12°; XI+316)»

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. II, кн. II, стр. 175—179.

1863.

260. Древній русскій календарь по мѣсячнымъ Минеямъ XI—XIII вѣка.

Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1863, кн. 7, стр. 2—21, и отдѣльный изъ нихъ оттискъ. Спб. 1863. 4°. 19 стр.

261. Древнія изображенія св. князей Бориса и Глѣба.

Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1863, кн. 9, стр. 49—80.

262. Родословное дерево русскихъ князей и царей, рисунокъ 1676—1682 г.

Извѣстія Импер. Археол. Общ., т. IV, столб. 308—310.

263. Навертень XVII-го столѣтія (съ рисункомъ въ текстѣ).

Извѣстія Импер. Археол. Общ., т. IV, столб. 393.

264. Напись на Нередицкой церкви близь Новгорода, до 1200 г.

Извѣстія Импер. Археол. Общ., т. IV, столб. 201—205; отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій. 1863. 8°. 8 стр.

*265. Отрывки изъ древняго глаголическаго Служебника.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. IV, кн. I, стр. 20—44. Тоже что ниже № 266, съ присоединеніемъ сличенія отрывковъ Служебника съ греческимъ подлинникомъ и съ древними кирилловскими чтеніями, выводовъ изъ этихъ сличеній и палеографическихъ замѣчаній.

266. Изъ обозрѣнія глаголическихъ памятниковъ (съ приложеніемъ 7 таблицъ снимковъ). V. Глаголическія четвероевангелія: Аѳонское Григоровичево, Зографское. Михановичевы листки. Баянскій полимпсестъ (sic) Григоровичевъ. VI. Сборникъ поученій. Сборникъ графа Клоца (Glagolita Clozianus). Сборникъ Македонскій. VII. Дополненіе къ статьѣ о богослужебныхъ книгахъ: отрывки изъ Служебника.

Извѣстія Импер. Археол. Общ., т. IV, столб. 1—16, 93—119, 197—201, 273—308, 381—394, 489—497. Статья V. См. выше № 247. Спб. 8⁰. стр. 89—162. Статья VII. вошла въ статью подъ № 265, стр. 20—29, и ниже въ статью подъ № 279, стр. 30—41.

267. Древній византійскій ковчежецъ (съ двумя таблицами рисунковъ).

Извѣстія Импер. Археол. Общ., т. IV, столб. 498—516; Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1863, кн. 8, стр. 25—48, и изъ нихъ отдѣльный оттискъ. 4⁰. 24 стр.

268. Мнѣніе о трудахъ архимандрита Амфилохія: «1) Изслѣдованіе о Пандектѣ Антіоха XI вѣка, 2) Словарь старо-славянскаго церковнаго языка по Пандекту Антіоха, 3) Мѣста Св. Писанія изъ Пандекта Антіоха».

XXXII-ое присужденіе Демидовскихъ наградъ, стр. 72—75, и отдѣльный отсюда оттискъ.

269. Разборъ сочиненія священника Михаила Морошкина, подъ заглавіемъ: «Славянскій именословъ или собраніе славянскихъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ».

Отчетъ о 6-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. 25 сентября 1863 года, стр. 24—31, и отдѣльный изъ него оттискъ.

1864.

270. Древнія русскія книги. Палеографическій очеркъ.

Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1864, кн. 2, стр. 13—36; кн. 4, стр. 57—72, и отдѣльный изъ нихъ оттискъ. Спб. 1864. 4⁰. 41 стр.

271. Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ.

Христіанскія Древности и Археологія, изд. В. Прохоровымъ, 1864, кн. 7, стр. 93—100; кн. 8, стр. 101—112; кн. 9, стр. 113 — 128; кн. 10 и 11, стр. 129—152.

272. О Малушѣ, милостницѣ в. к. Ольги, матери в. к. Владиміра.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, стр. 27—33.

273. Воспоминаніе о Я. Гриммѣ.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. IV, кн. II, стр. 234—238.

274. Воспоминаніе объ И. П. Сахаровѣ.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. IV, кн. II, стр. 239—244.

275. Труды П. М. Строева.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. VI, кн. I, стр. 112—141.

*276. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. I—IV.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. VI, кн. I, стр. 93—111. См. ниже № 306.

1865.

277. Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ.

Торжественное собраніе Имп. Акад. Наукъ 29-го декабря 1864 года. Спб. 1865. 4⁰, стр. 86—138; отдѣльный оттискъ. Спб. 4⁰. 53 стр.

278. Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ, по порученію II-го Отд. Акад. Наукъ, И. Срезневскій. С.-Петербургъ. 1865. 8⁰. IV, LXXXIII, 216 и 114 стр. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи И. И. Срезневскаго: а) Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ, стр. I—LXXXIII (см. выше № 277); б) Прибавленіе къ описанію Стихираря мѣсячнаго XII вѣка, стр. 199 — 202; в) Послѣсловіе къ славянскимъ статьямъ Фрейзингенской рукописи, стр. 75—89; г) Послѣсловіе къ Сказанію о убіеніи св. Вячеслава, князя чешскаго, стр. 98—114.

279. Изъ обозрѣнія глаголическихъ памятниковъ. VII. Дополненіе къ статьѣ о богослужебныхъ книгахъ: отрывки изъ

Служебника. VIII. Глаголическія письмена въ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ. Глаголическія письмена въ кирилловскихъ рукописяхъ не древнихъ.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ., т. V, столб. 1—12, 65—80. Статью VII см. выше № 265, стр. 30—41, и № 266, стр. 20—29.

*280. Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ (IX—XII вв.). С.-Петербургъ. 1865. 4⁰. 67 стр.

См. выше № 271.

*281. Біографія Вука Караджича.

Даница 1865 г. Указаніе взято изъ Исторіи слав. литературъ Пыпина, изд. 2-е, т. I, стр. 217. См. выше № 75.

282. Воспоминаніе о трудахъ В. М. Ундольскаго.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. VI, кн. II, стр. 279—284, и отдѣльный изъ нихъ оттискъ. Спб. 1865. 8⁰. 6 стр.

283. Разборъ книги, подъ заглавіемъ: «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ».

Тридцать третье присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, стр. 99—107.

284. Рѣчь на празднествѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ 6—9 апрѣля 1865 года, по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова.

Описаніе празднества по случаю 100-лѣтняго юбилея Ломоносова, стр. 19—20; Москов. Вѣдом. 1865 г., № 79

*285. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. V—X.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. VII, кн. II, стр. 134—194. См. ниже № 306.

1866.

286. Записка о дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета и его членовъ въ 186⁴/₅ академическомъ году, извлеченная изъ дѣлъ, приготовленныхъ для отчета. С.-Петербургъ. 1866. 8⁰. стр. 1—18.

Помѣщена въ книгѣ: Годичный торжественный актъ въ Императ. С.-Петербург. университетѣ, бывшій 26-го сент. 1865 года.

*287. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Къ нему приложеніе:

Снимки съ памятниковъ. С.-Петербургъ. 1866. 4°. 299 стр. Въ прил. VIII стр. и 41 листъ снимковъ.

См. выше № 248.

288. Замѣчанія къ отзыву этнографа Клемма о Лужичанахъ (Вендахъ) саксонскихъ.

Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общества, т. II, отд. II, стр. 215—217.

289. Записка объ ученыхъ трудахъ П. П. Пекарскаго.

Отчеты Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов. за 1852—1865 гг. Прилож. къ отчету за 1865 г., стр. 458—462.

290. Записка объ ученыхъ трудахъ А. Ѳ. Бычкова.

Отчеты Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов. за 1852—1865 гг. Прилож. къ отчету за 1865 г., стр. 463—469.

291. Разборъ Словаря бѣлорусскаго нарѣчія г. Носовича.

Тридцать четвертое и послѣднее присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, стр. 107—116, и отдѣльный оттискъ.

292. Разборъ сочиненія И. Носовича: «Алфавитный указатель старинныхъ словъ, извлеченныхъ изъ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, изданныхъ въ 1853 г.».

Отчетъ о 8-мъ присужд. наградъ графа Уварова. 25 сент. 1865 г., стр. 14—16, и отдѣльный изъ него оттискъ.

293. Разборъ сочиненія В. Похилевича, подъ заглавіемъ: «Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи; или статистическія, историческія и церковныя замѣтки о всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, въ предѣлахъ губерніи находящихся».

Отчетъ о 8-мъ присужд. наградъ графа Уварова. 25-го сент. 1865 г., стр. 11—13, и отдѣльный изъ него оттискъ.

*294. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XI—XX, XXI—XXX. Приложеніе къ IX т. Зап. Акад. Наукъ, № 3 и № 6.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. I, стр. 1—96; кн. II, стр. 1—88. См. ниже № 306.

295. Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій и о трудахъ д-ра А. Шлейхера.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. II, стр. 211—253; Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русск. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. I, № 2, стр. 6—48.

296. Записка о составляемомъ словарѣ русскаго языка.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. II, стр. 170—171.

1867.

297. Нѣсколько словъ въ дополненіе къ статьѣ: «О трудахъ А. Б. Шлейхера».

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. X, кн. II, стр. 117—120; отдѣльный оттискъ изъ Записокъ. 8⁰. 4 стр.

298. Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи.

Журн. Мин. Народн. Просв., 1867, ч. CXXXIII, отд. педагогіи и наукъ, стр. 76—115; отдѣльный оттискъ изъ Журнала. 8⁰. 40 стр.

299. О русскомъ правописаніи. Письмо 1-е.

Журн. Мин. Народн. Просв., 1867, ч. CXXXIV, отд. педагогіи и наукъ, стр. 449—480; отдѣльный оттискъ изъ Журнала. С.-Петербургъ. 1867. 8⁰. 32 стр.

*300. Slavische Lexicographie.

Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie. Redacteur: I. E. Schmaler (Смоляръ). III Jahrgang. Bautzen, 1867, стр. 17—19, 21—22, 25—27, 29—30. Переводъ съ нѣкоторыми сокращеніями части статьи И. И. Срезневскаго подъ № 295. Переведенная часть находится въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. II, стр. 222—243.

301. Англійскіе очерки русской литературы.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XI, кн. II, стр. 234—239; Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. I, стр. LXXVIII—LXXXIII.

302. Древнія изображенія великаго князя Владиміра и великой княгини Ольги (съ 5-ю рисунками).

Древности, Археолог. Вѣстн. Моск. Археолог. Общ., янв.-февр. 1867 г., стр. 1—7; отдѣльный оттискъ. М. 1867. 4⁰. 7 стр.

303. Собранія епископа Порфирія.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XII, кн. I, стр. 29—40; отдѣльный оттискъ изъ Записокъ. 8⁰. 12 стр.

*304. Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ. XXXI—XL. Прилож. къ XI т. Зап. Акад. Наукъ, № 2.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XI, кн. I, стр. 11—100. См. ниже № 306.

*305. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ па-

мятникахъ. I—XL. Къ нимъ указатель именъ личныхъ и мѣстныхъ.

Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. I, стр. VIII, 86, 96, 88, и 100 и 16 стр. указателя. См. ниже № 306.

1867—1876.

306. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. I—XL. XLI—LXXX. 2 части. С.-Петербургъ. 1867—1876. 8°.

Ч. I-я—VIII, 86, 96, 88, 100, 16 стр.; ч. 2-я—VI и 579 стр. См. выше №№ 276, 285, 294, 304, 305, и ниже №№ 333, 341, 348 и 361.

1867.

307. Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской премін, читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, 29-го декабря 1867 года (разборъ труда Горскаго и Невоструева).

Торжеств. собраніе Имп. Акад. Наукъ 29-го дек. 1867 г. Спб. 1868. 4°, стр. 83—92; С.-Петербург. Вѣдомости 1868 года, № 7; Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIII, кн. II, стр. 195—210; Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. VII, стр. 1—16. Отдѣльный оттискъ. Спб. 1867. 8°. 16 стр.

308. Разборъ сочиненія П. И. Савваитова, подъ заглавіемъ: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, разныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива Московской оружейной палаты, съ объяснительнымъ словаремъ».

Отчетъ о 9-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 25-го сентября 1866 года, стр. 88—113; отдѣльный оттискъ. 8°. 27 стр.

1868.

309. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. С.-Петербургъ. 1868. 8°. 7 ненум., 192, 416 и 24 стр.

*310. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма.

Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад Наукъ, т. III, 8 ненум., 192, 416 и 24 стр.

311. Записка о трудѣ гг. Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей патріаршей (нынѣ синодальной) библіотеки».

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIII, кн. II, стр. 211—274; Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. VII, стр. 17—80, и отдѣльный оттискъ. Спб. 1868. 8⁰. 63 стр.

312. Изъ изслѣдованія о древнѣйшихъ памятникахъ глаголицы хорватскаго письма. Люблянскіе листки изъ сборника.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. I, стр. 80—86.

313. Добавочныя замѣтки о древнихъ глаголическихъ памятникахъ.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ., т. VI, столб. 62—67

314. Труды Югославянской Академіи наукъ и художествъ.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XII, кн. II, стр. 154—165; Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. II, № 5, стр. 1—14, и отдѣльный оттискъ. Спб. 1868. 8⁰. 14 стр.

315. Воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія, митрополита кіевскаго.

Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. V, вып. I, стр. 1—64. Тоже съ заголовкомъ: Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. III, № 2, и отдѣльный оттискъ. Спб. 1868. 8⁰. 64 стр.

1869.

316. Труды Югославянской Академіи наукъ и художествъ. Ст. II.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 103—110; отдѣльный оттискъ изъ Записокъ. 8⁰. 8 стр.

317. Воспоминаніе о Чешскомъ музеѣ по поводу его пятидесятилѣтія.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 111—118; отдѣльный оттискъ изъ Записокъ. 8⁰. 8 стр.

318. Чтеніе о языкѣ Крылова.

Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 87—102; отдѣльный оттискъ изъ Записокъ. 8⁰. 16 стр.

*319. О языкѣ Крылова.

Сборникъ статей, читанныхъ въ отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 65—80. См. выше № 318.

320. О научныхъ упражненіяхъ студентовъ (Письмо по поводу записки профессора Дройзена).

Журн. Мин. Народн. Просв., 1869, ч. CXLVI, отдѣлъ педагогіи, стр. 247—265; отдѣльный оттискъ изъ Журнала. 8⁰. 19 стр.

321. Разборъ сочиненія Н. Закревскаго: «Описаніе Кіева. М. 1868 г.».

Отчетъ объ 11-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 25-го сент. 1868 года, стр. 22—29; отдѣльный оттискъ. Спб. 1869. 8⁰. 8 стр.

1870.

322. Отзывъ о сочиненіи г. Макушева: «Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867 г.».

Отчетъ о 12-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. 25 сент. 1869 г., стр. 234—236; отдѣльный оттискъ. Спб. 1870. 8⁰. 3 стр.

*323. Изъ изслѣдованія о древнѣйшихъ памятникахъ глаголицы хорватскаго письма. Люблянскіе листки изъ сборника.

Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. VII, стр. XXXV — XLI; отдѣльный оттискъ изъ Сборника (по ошибкѣ VI-го тома). 8⁰. 7 стр. См. выше № 312.

324. Отзывъ о сочиненіи А. Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ».

Отчетъ о 12-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. 25 сент. 1869 г., стр. 237—239; отдѣльный оттискъ. Спб. 1870. 8⁰. 3 стр.

325. Разборъ сочиненія А. Попова: «Обзоръ хронографовъ русской редакціи».

Отчетъ о 13-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. 25 сент. 1870 года, стр. 21—30; отдѣльный оттискъ. Спб. 1870. 8⁰. 10 стр.

326. Рецензія рукописнаго сочиненія г. Голубинскаго: «Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы славянскіе».

Отчетъ о 12-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. 25 сент. 1869 г. стр. 227—233; отдѣльный оттискъ. Спб. 1870. 8⁰. 7 стр.

1871.

*327. Греческая Иверская Кормчая IX—X в. съ собраніями каноновъ и законовъ Іоанна Схоластика, въ Синодальной Московской библіотекѣ $\frac{398}{873}$. 8⁰. 40 стр.

Извлеченіе изъ Приложенія № 3 къ XX-му тому Записокъ Импер.

Акад. Наукъ (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XLIV). См. ниже № 333 и выше № 306.

328. Слово о значеніи съѣзда (археологическаго).

Труды 1-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году, т. I, стр. XXXVI—XL.

329. Замѣчанія о русскомъ тайнописаніи.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XIX, кн. II, стр. 235—242; отдѣльный оттискъ. Спб. 1871. 8°. 10 стр.; Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. VIII, стр. XXIV—XXXI.

330. Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XIX, кн. II, стр. 182—202; Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. VIII, № 3, стр. 1—23; отдѣльный оттискъ изъ Сборника. Спб. 1871. 8°. 23 стр.

*331. Біографія Вука Караджича.

Годишњак 1871 г. Указаніе взято изъ Исторіи слав. литературъ Пыпина, изд. 2-е, т. I, стр. 217. См. выше № 75.

332. Пандекты Никона Черногорца въ русскомъ спискѣ XII в.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XX, кн. I, стр. 149—156; отдѣльный оттискъ. Спб. 1871. 8°. 8 стр.; Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. VIII, стр. XLIX—LVI.

*333. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XLI—XLIV.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XX, кн. I, приложеніе № 3, стр. 1—104. См. выше № 306.

334. Крмчаја књига Српскога писма, XIII—XIV вијека.

Starine, knjiga III. U Zagrebu. 1871. 8°, str. 189—202; отдѣльный оттискъ. Загребъ, 1871. 8°. 14 стр.

1872.

335. Пандекты Никона Черногорца по древнему переводу.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXI, кн. I, стр. 194—198; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1872. 8°. 5 стр.; Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. IX—XIII.

336. Славянскія рукописи Британскаго музея въ Лондонѣ и Бодлейской библіотеки въ Оксфордѣ.

Извѣстія Импер. Археолог. Общ., т. VII, вып. 3-й, столб. 233—235; отдѣльный изъ Извѣстій оттискъ. Спб. 1872. 8°. 6 стр.

337. Нѣсколько припоминаній о Супрасльской рукописи XI в.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXI, кн II, стр. 334—336; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1872. 8°. 3 стр.; Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. XXXII—XXXIV.

338. Одна изъ замѣтокъ объ образованіи словъ. Ипатьевской= Ипатскій.

Записки Импер. Акад. Наукъ т. XXI, кн. II, стр. 328—333; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1872. 8°. 6 стр.; Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. XXVI—XXXI.

339. Разборъ сочиненія А. Павлова: «Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ».

Отчетъ о 13-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. 25 сент. 1870 г., стр. 31—36.

340. Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова. Сост. Андрей Поповъ (Записка объ этомъ Описаніи).

Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. XVI—XXV; Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXI, кн. II, стр. 319—327; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1872. 8°. 9 стр.

1873.

*341. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XLV—LIV. Приложеніе къ XXII тому № 3.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXII, кн. I, стр. 105—216. См. выше № 306.

342. Переписка А. X. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями. Спб. 1873. 8°. 8 ненум., XL и 504 стр.

Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣл. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. V, вып. II.

*343. Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ. Разборъ книги о нихъ К. И. Невоструева. — Описаніе рукописей и выписки изъ нихъ. С.-Петербургъ. 1873. 8°. 32 стр.

Съ небольшими измѣненіями, тоже, что въ Отчетѣ о пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 140—168. См. ниже № 353.

344. Замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій.

Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. LXVI—LXXV; Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXX, кн. II, стр. 243—256; отдѣльный оттискъ изъ Записокъ. Спб. 1873. 8°. 12 стр.

345. Христоматія по исторіи русскаго права М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. L—LI; Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXII, кн. I, стр. 142—143.

346. Труды П. И. Савваитова.

Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. XLI—XLVI; Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXII, кн. I, стр. 133—141; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1873. 8°. 9 стр.

347. К. И. Невоструевъ.

Нѣсколько припоминаній о К. И. Невоструевѣ по поводу его кончины. Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. X, стр. XXXVII—XL; Записки Импер. Акад Наукъ, т. XXII, кн. I, стр. 129—132; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1873. 8°. 4 стр.

1874.

*348. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LV—LXV. Приложеніе къ XXIV тому № 4.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXIV, кн. II, стр. 217—391. См. выше № 306.

*349. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XLI—LXV.

Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. XII, № 1, стр. 1—400. См. выше № 306.

*350. Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ, съ замѣчаніями о славянскихъ переводахъ твореній св. Ипполита. Разборъ книги о нихъ К. И. Невоструева. — Описаніе рукописей и выписки изъ нихъ. Со снимками. С.-Петербургъ. 1874. 8°. 32, 64 и 130 стр. и 8 табл. снимковъ

Отдѣльный оттискъ изъ Отчета о 15 присужденіи наградъ графа Уварова. 25 сент. 1872 г. См. ниже № 353.

351. Рецензія на сочиненіе священника К. Никольскаго, подъ заглавіемъ: «Объ антиминсахъ православной русской церкви».

Отчетъ о 16-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 25 сент. 1873 г., стр. 206—228; отдѣльный оттискъ подъ заглавіемъ:

Нѣсколько замѣчаній объ антиминсахъ. С.-Петербургъ. 1874. 8°. 23 стр.

352. Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологіи.

Труды 2-го археолог. съѣзда въ С.-Петербургѣ въ 1872 г., вып. I, отд. IV. Б, стр. 1—15; отдѣльный оттискъ подъ заглавіемъ:

Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологіи. Изъ чтеній въ засѣданіяхъ 2-го архео-

логическаго съѣзда въ декабрѣ 1872 года. С.-Петербургъ. 1874. 4°. 15 стр.

353. Разборъ сочиненія К. И. Невоструева: «Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ, по списку XII вѣка, съ изслѣдованіемъ о словѣ и о другой мнимой бесѣдѣ Ипполита о томъ же, съ примѣчаніями и приложеніями».

Отчетъ о 15-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 25 сент. 1872 г, стр. 140—362

1875.

354. Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Нѣсколько о немъ припоминаній 1785—1845.

Русская Старина 1875, т. XII, стр. 555—564, 739—749, и отдѣльный изъ нея оттискъ. Спб. 1875. 8°. 22 стр.

355. Замѣтка объ изданіи: «Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ имперіи, издаваемые П. Н. Батюшковымъ 1868—1874, 6 выпусковъ».

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXV, кн. II, стр. 188—191; отдѣльный оттискъ. Спб. 1875. 8°. 4 стр.; Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. XV, стр. VI—IX.

356. Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1875, мартъ, стр. 28—47, и отдѣльный изъ него оттискъ. Спб. 1875. 8°. 20 стр.

357. Св. Софія Царьградская по описанію русскаго паломника конца XII вѣка. Кіевъ. 1875. 4°. 15 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» 3-го археологическаго съѣзда.

1876.

358. (Изъ заявленій на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ). О древней глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи, съ приложеніемъ полнаго списка съ нея и нѣсколькими замѣчаніями. Кіевъ. 1876. 4°. 21 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» 3-го археологическаго съѣзда.

359. Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма. I—II. Обозрѣніе русскихъ трудовъ по греческой

палеографіи. — Древнія христіанскія написи въ Аѳинахъ. Спб. 1876. 8°. XVI и 84 стр.

Приложеніе къ XXVIII-му тому Записокъ Импер. Акад. Наукъ, № 3; Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. XV, № 2, стр. I—XVI и 84.

360. Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Біографическій очеркъ.

Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. С.-Петербургъ. 1876. 8°, стр. 337—364. Глава I. До 1842—1843 года — дословная перепечатка статьи, помѣщенной выше подъ № 75. Глава II. Послѣ 1842 года, составленная по воспоминаніямъ, письмамъ, бумагамъ и изданіямъ Караджича, написана вновь.

*361. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXVI—LXXX. Приложенія къ XXVIII тому № 1.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXVIII, кн. I, стр. 393 — 579; Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. XV, № 1, стр. 393—579. См. выше № 306.

362. Десятое присужденіе Ломоносовской преміи (Труды А. А. Потебни).

Журн. Мин. Нар. Просв., 1876, ч. CLXXXIV, отд. Современная лѣтопись, стр. 1—13.

363. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29-го декабря 1875 года, и записка о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXVII, 1876, кн. I, стр. 78—121; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1876. 8°. 44 стр.; Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. XVIII, стр. LXXIV—CXVII (гдѣ по ошибкѣ сказано, что отчетъ читался 29 декабря 1877 года).

1877.

364. Энциклопедическое введеніе въ славянскую филологію. 1876—1877. С.-Петербургъ. 8°. 59 стр.

365. Свѣдѣнія о современной Сербіи (По поводу книги «Книжество Сербія» М. Ю. Милечевича).

Сборникъ Госуд. Знаній подъ ред. В. П. Безобразова, т. IV, критика и библіографія, стр. 94—108; отдѣльный изъ Сборника оттискъ, подъ заглавіемъ:

Свѣдѣнія о современной Сербіи (По поводу книги

М. Ю. Миличевича «Кнежевина Србиjа». (Бѣлградъ. 1876). Спб. 1877. 8⁰. 15 стр.

366. Новый перечетъ австрійскихъ Славянъ профессора А. Шемберы.

Газета А. Гатцука, 1877, № 3, стр. 45—46.

367. Воспоминаніе о П. М. Строевѣ.

Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. XVII, стр. LX—LXXIX; Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXIX, кн. I, стр. 71—89; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1877. 8⁰. 20 стр. См. выше № 275.

1878.

368. Записка объ ученыхъ трудахъ профессора А. Н. Веселовскаго.

Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. XVIII стр. LXVII—LXXIII.

369. Zur Bevölkerungsstatistik Bulgariens und angrenzender Länder.

Archiv für slav. Philologie, herausgegeben von V. Jagić. Dritter Band, zweites Heft, Berlin, 1878, стр. 515—518. Разборъ книги В. Теплова: «Матеріалы для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи съ приложеніемъ карты распредѣленія народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ» и извлеченія изъ этого сочиненія.

370. Рецензія на сочиненіе: «Опытъ фонетики резъянскихъ говоровъ Н. Бодуэна-де-Куртенэ. Резъянскій Катихизисъ, какъ приложеніе къ «Опыту фонетики резъянскихъ говоровъ», съ примѣчаніямя и словаремъ. Издалъ И. Бодуэнъ-де-Куртенэ».

Отчетъ о 19-мъ присужд. наградъ графа Уварова. 25-го сентября 1876 года, стр. 397—420.

371. Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патера «Чешскія глоссы въ Mater verborum». Приложеніе къ XXXI тому Записокъ № 4.

Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXXI, кн. II, гдѣ замѣчанія занимаютъ стр. 82—152; Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. XIX, № 2, въ которомъ замѣчанія помѣщены на стр. 82—152.

372. На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи.

Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. XVIII,

№ 6, стр. 1—47; Записки Импер. Академіи Наукъ, т. XXXI, кн. I, стр. 82—127; отдѣльный изъ Записокъ оттискъ. Спб. 1878. 8°. 47 стр.

*373. Св. Софія Царьградская по описанію русскаго паломника конца XII вѣка.

Труды третьяго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г., т. I, стр. 95—109. См. выше № 357.

*374. О глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи.

Труды третьяго археологич. съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г., т. II, стр. 269—276. См. выше № 358.

375. Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала Кіевской духовной академіи кирилловскими буквами.

Труды третьго археологич. съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г., т. II, прилож. стр. 185—197.

376. Фріульскіе Славяне. Статьи и приложенія. Спб. 1878. 8°. 91 стр.

За исключеніемъ приложеній (стр. 57—91) все остальное тоже, что въ статьѣ ниже подъ № 388.

377. Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова: «Варяги и Русь». Спб. 1878. 8°. 35 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ Отчета о 20-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 25 сент. 1877 г. Спб. 1878, стр. 666—700.

378. Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки. Сочиненіе архимандрита Амфилохія. Москва. 1876. Отзывъ. Спб. 1878. 8°. 6 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ Отчета о 20-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 25 сент. 1877 г. Спб. 1878, стр. 749—754.

379. Былина о судѣ Любуши.

Русскій Филологическій Вѣстникъ Колосова, 1879, № 1, стр. 1—34; отдѣльный изъ Вѣстника оттискъ. Варшава. 1878. 8°. 34 стр.

380. Свѣдѣнія о населеніи бывшихъ турецкихъ вилаетовъ: Дунайскаго, Адріанопольскаго, Солунскаго и Битольскаго.

Газета А. Гатцука, 1878, № 14, стр. 229—232. Извлеченіе изъ сочиненія В. Теплова: «Матеріалы для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи, и проч.».

*381. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи профессору А. А. Потебнѣ и записка о его трудахъ. Спб. 1878. 8°. 44 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ Сборника Отд. Русск. языка и словесн., т. XVIII, съ тою же ошибкою. См. выше № 363.

*382. Записка о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ.

Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн. Имп. Академіи Наукъ, т. XVIII. Спб. 1878. 8°, стр. LXXXIX—CXVII. См. выше № 363.

1879.

*383. Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова «Варяги и Русь».

Записки Имп. Академіи Наукъ, т. XXXIII, прилож., стр. 666—700. См. выше № 377.

*384. Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки. Сочиненіе архимандрита Амфилохія. Москва 1876 г. Отзывъ.

Записки Имп. Академіи Наукъ, т. XXXIII, прилож. стр. 749—754. См. выше № 378.

385. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXI—XC. Спб. 1879. 8°. 192 стр.

Сборникъ Отд. Русск. языка и словесн., т. XX, № 4, стр. 1—192. Записки Имп. Академіи Наукъ, т. XXXIV, приложеніе къ нему. 192 стр.

1880.

386. Замѣчанія по поводу сочиненія: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ. Спб. 1872—1878».

Отчетъ о 22-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Приложеніе къ XXXVII-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 4, стр. 162—166.

1881.

387. Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова. Спб. 1881. 8°. 23 стр.

Прилож. къ XXXVIII-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 5.

*388. Фріульскіе Славяне. Спб. 1881. 8°. 56 стр.

Приложеніе къ XXXVIII-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 4 Стр. 6—25 тоже, что № 71, только съ нѣкоторыми добав-

ленными примѣчаніями; стр. 26—31 перепечатка № 47-го; стр. 33—56 также перепечатка № 370.

*389. Славяно-русская палеографія.

Журн. Мин. Народн. Просв., 1881, ч. CCXIII, отд. 2, стр. 1—44. Съ небольшими измѣненіями, тоже, что подъ № 298.

ПРАВИЛА О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА ЗА ЛУЧШІЙ МАЛОРУССКІЙ СЛОВАРЬ.

1) Премію Н. И. Костомарова составляетъ внесенная имъ въ Академію Наукъ сумма 4000 руб. въ закладныхъ листахъ Харьковскаго Поземельнаго банка.

Примѣчаніе. Вышедшіе вь тиражъ, до присужденія преміи, закладные листы Академія будетъ замѣнять другими; она можетъ, по мѣрѣ надобности, перемѣнять листы Харьковскаго Поземельнаго банка на другія процентныя бумаги, но стараясь не наносить ущерба капиталу.

2) Премія эта, съ накопившимися на нее процентами, имѣетъ быть присуждена Академіею Наукъ за лучшій изъ представленныхъ на ея разсмотрѣніе словарей малорусскаго нарѣчія съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ.

3) Главную основу словаря долженъ составить народный языкъ. Изъ словаря не исключаются и слова, принадлежащія одной лишь или немногимъ мѣстностямъ; но при такихъ словахъ должны быть по возможности означаемы и самыя эти мѣстности.

4) Кромѣ народнаго малорусскаго нарѣчія, въ словарь должны войти съ особыми обозначеніями:

а. общеупотребительныя между Малоруссами слова иноземнаго происхожденія.

б. слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія; они заносятся въ словарь въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣ-

чаются въ рукописныхъ или печатныхъ памятникахъ, и притомъ съ указаніемъ этихъ послѣднихъ.

в. слова, извѣстныя только изъ сочиненій авторовъ.

5) Словарь долженъ заключать въ себѣ не одинъ лишь переводъ словъ съ малорусскаго нарѣчія на русскій языкъ, но также и примѣры важнѣйшихъ случаевъ употребленія ихъ, въ томъ или другомъ значеніи, въ пѣсняхъ, сказкахъ, поговоркахъ, загадкахъ и т. п., или произведеніяхъ письменной литературы; при чемъ, если примѣръ заимствованъ изъ произведеній устной или письменной словесности, долженъ быть указанъ и его источникъ.

6) Значенія словъ приводятся въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ естественному развитію ихъ.

7) При начертаніи звуковъ малорусскаго нарѣчія составитель словаря имѣетъ послѣдовательно держаться одного правописанія.

Примѣчаніе. Пока малорусское правописаніе не опредѣлится прочнымъ образомъ, желательно, чтобы соблюдались слѣдующія правила: 1) мягкое *и* изображать черезъ *і*; 2) тамъ, гдѣ мягкій звукъ *и* не есть первоначальный или постоянный, а образовался изъ *о* или *е*, употреблять, по примѣру Максимовича, *ô*, *û*, *ê*, напр. кôнь, коня, нêсъ, несу, лêталъ, лечу; 3) не писать вовсе буквы *ѣ*; равнымъ образомъ не писать *ы*, употребляя безразлично *и* въ тѣхъ случаяхъ, когда по-русски слышится то *и*, то *ы*, такъ какъ эти двѣ буквы произносятся Малоруссами одинаково; 4) букву *э* также исключить изъ употребленія, мягкій же звукъ *е* означать буквою *є*.

8) Надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ должно быть означаемо его удареніе, и ко всѣмъ словамъ присоединяемо ихъ грамматическое опредѣленіе.

9) Словарь долженъ быть представленъ въ Академію чисто и четко переписанный, съ раздѣленіемъ, для практическаго удобства, на нѣсколько отдѣльныхъ частей.

10) Конкурсъ на представленіе словаря закрывается 1 декабря 1891 года; въ случаѣ, если къ тому сроку не будетъ представлено словаря, или представленный трудъ не будетъ одобренъ, Академія объявляетъ новый конкурсъ.

11) Оцѣнка представленныхъ на конкурсъ словарей поручается Академіею особой комиссіи, состоящей изъ трехъ ученыхъ филологовъ, знатоковъ славянскихъ нарѣчій и въ особенности русскаго языка. Въ составъ этой комиссіи могутъ входить академики и посторонніе ученые, но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея членовъ непремѣнно долженъ быть чистый малоруссъ, усвоившій съ дѣтскихъ лѣтъ малорусское нарѣчіе.

12) Отчетъ о присужденіи преміи Н. И. Костомарова читается въ торжественномъ годовомъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря, черезъ годъ по представленіи словаря.

13) Печатаніе удостоеннаго преміи словаря производится на счетъ Академіи Наукъ, съ тѣмъ чтобы первое его изданіе составляло ея собственность.

14) Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи Н. И. Костомарова.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ и ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ XXII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

своихъ въ изданномъ имъ «Украинскомъ альманахѣ» 6. 21. Первый опытъ по этнографіи и филологіи слав. 6. 21—22. Какъ издатель «Запорожской Старины» 6. 22. Взглядъ на значеніе украинской народной словесности 6. 22. Повѣсти Срезневскаго. 6. 23. Удостоенъ степени магистра 6. 24. Какъ лекторъ Харьковскаго Университета по каѳедрѣ стастистики 6. 25. Судьба докторской диссертаціи подъ заглавіемъ: «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно». 6. 26—28. Командированіе за границу съ цѣлію основательнаго изученія слав. нарѣчій 6. 27—28. Предметъ занятій Срезневскаго за границею 6. 28—30. Результаты путешествія 6. 31—30. Характеристика его занятій за границею 6. 30. Срезневскій какъ профессоръ Харьковскаго Университета по каѳедрѣ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій 6. 33—34. Ученыя статьи его до докторской диссертаціи 6. 34—35. Значеніе докторской диссертаціи: «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ». 6. 35—37. Перемѣщеніе въ Петербургскій Университетъ 6. 37—38. Причина перемѣщенія 6. 38. Срезневскій, какъ цензоръ С. Петербургскаго цензурнаго комитета 6. 39—40. Утвержденъ въ званіи адъюнкта Отдѣленія рус. языка и словесности 6. 39. Ученыя статьи его за время цензорства 6. 40—41. Положенія его сочиненія: «Мысли объ исторіи русскаго языка». 6. 41—45. Какъ членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Русскаго Археологическаго 6. 45—47. Другія обязанности Срезневскаго 6. 45. Избранъ экстраординарнымъ академикомъ и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ университета 6. 47. Статьи Срезневскаго въ Христіанскихъ Древностяхъ, Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, Русской Бесѣдѣ, Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія, Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, Братской помочи, Древностяхъ, Сборникѣ государственныхъ знаній 6. 47—49. Участіе Срезневскаго въ Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка и Опытѣ областнаго великорусскаго языка 6. 49. Повременныя академическія изданія по мысли и подъ редакціей его 6. 49—50. Характеръ его ученой дѣятельности въ Запискахъ академіи Наукъ и въ Сборникѣ Отдѣленія 6. 53—54. Изданія Срезневскаго: «Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» и «Древніе памятники юсоваго письма» 6. 54—56. Дѣятельность его, какъ члена комиссій для разсмотрѣнія сочиненій къ соисканію наградъ 6. 56—57. Изданіе «Филологическихъ наблюденій А. Х. Востокова» и «Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями», также статьи въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ Отдѣленія 6. 57 — 58. Его рукописные матеріалы для словаря 6. 58. Значеніе его

———